
DUM SPIRO, SPERO

Пока дышу, надеюсь (лат.)

SPERO | № 17/2012

Autumn—Winter 2012

S
P
E
R
O

SOCIAL
POLICY:

xpertise

ecommendations

verviews

SPERO | № 17/2012

Осень—Зима 2012

С
П
Э
Р
О

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:

экспертиза

рекомендации

обзоры

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Павлова-Сильванская
Марина Павловна
(председатель)

к. и. н., консультант журнала «Pro et Contra»
Московского центра Карнеги

Аузан
Александр Александрович

д. э. н., профессор, зав. кафедрой прикладной
институциональной экономики экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института наци-
онального проекта «Общественный договор», президент
Ассоциации независимых центров экономического анализа

Васильев
Сергей Александрович

д. э. н., профессор, член правления государственной корпо-
рации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности
(Внешэкономбанк)», зам. председателя Внешэкономбанка

Вишневский
Анатолий Григорьевич

д. э. н., действительный член РАЕН, директор Института
демографии ГУ–ВШЭ, главный редактор электронного
еженедельника «Демоскоп Weekly»

Лукьянов
Федор Александрович

главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»,
председатель Президиума Совета по внешней и оборонной
политике

Малева
Татьяна Михайловна

к. э. н., DBA, директор Института гуманитарного развития
мегаполиса (ИГРМ), главный редактор журнала

Плискевич
Наталия Михайловна

зам. главного редактора журнала «Общественные науки
и современность», редактор журнала «Social Science»,
ст. н. с. Института экономики РАН

Ясина
Ирина Евгеньевна

к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики
переходного периода, руководитель Клуба региональной
журналистики

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Малева Татьяна Михайловна,
к. э. н., DBA, директор ИГРМ

Зам. главного редактора

Синявская Оксана Вячеславовна,
к. э. н., зам. директора НИСП

Ответственный редактор

Копейкина Виктория Борисовна

Члены редколлегии

Зубаревич Наталья Васильевна,
д. г. н., директор региональной программы НИСП
Овчарова Лилия Николаевна,
д. э. н., директор НИСП

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Дж. и К. Макартуров

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

О. С. Грязнова, В. С. Магун

ЗАПРОСЫ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ
СОЦИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ И ИХ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ

7

СОЦИАЛЬНАЯ УРБАНИСТИКА

П. Л. Кириллов, А. Г. Махрова

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МОСКВЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

35

Н. В. Зубаревич

МОСКВА НА ФОНЕ ДРУГИХ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ:
ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ СТАТИСТИКА

57

Виллем ван Винден

КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧЕННОСТИ?
ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК КЛЮЧ
К СОЦИАЛЬНОЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ В КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДАХ

69

НАСЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Е. М. Аврамова

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ:
В ОЖИДАНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

85

Е. В. Кулагина

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ,
ИЛИ КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

97

Д. М. Логинов, М. А. Елисеева

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В МОСКВЕ:
СТРАТЕГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ УСЛУГ

113

Т. Ю. Черкашина

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ

121

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беллис М. А., Джарман Я., Даунинг Дж., Перкинс К., Бейнон К., Хафс К., Лисбоа П.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ОКРУГОВ
ПО УРОВНЮ ЗДОРОВЬЯ И СОЦИАЛЬНЫМ ПОТРЕБНОСТЯМ

137

Гуф Я.

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, ДВОЙНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ
И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.
ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

153

SUMMARIES

SUMMARIES

183

ЗАПРОСЫ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ И ИХ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ¹

Грязнова О. С., к. с. н., научный сотрудник Института социологии РАН и НИУ ВШЭ

Магун В. С., к. п. н., зав. сектором Института социологии РАН, зав. лабораторией НИУ ВШЭ

В статье показано, что базовые ценности значимо связаны с запросами людей на государственную социальную поддержку. Между этими переменными существуют парные корреляционные связи, и эти связи статистически значимы как по Европе в целом, так и внутри большинства европейских стран. В рамках общеевропейского массива эти связи сохраняются при контроле социально-демографических показателей и типа институционального устройства социального государства.

Ценности Сохранения и Заботы повышают запрос на государственную социальную поддержку, а ценности Открытости и Самоутверждения его понижают. Указанные направления взаимосвязей имеют место как внутри каждой европейской страны в отдельности, так и внутри страновых групп и в Европе в целом. Это значит, что обращение людей за государственной социальной поддержкой имеет два разных ценностных источника — личный и исходящий из интересов окружающих. Ответственность на государство в большей мере возлагают те, кто свою личную жизнь строит в расчете на поддержку со стороны социального окружения (ценности Сохранения), а также те, кого волнует судьба других людей, и кто поэтому считает необходимым оказание им государственной поддержки (ценности Заботы). Точно так же два ценностных источника имеет и сдержанность человека в запросах на социальную поддержку государства. Уменьшать ответственность государства за социальную поддержку населения предрасположены те, кто больше рассчитывает на свои собственные силы (и привержен ценностям Открытости изменениям), и те, кто в большей степени нацелен на собственное благополучие (и привержен ценностям Самоутверждения), а потому не хочет, чтобы ресурсы, на которые он может претендовать, передавались другим.

Влияние на социальные запросы со стороны ценностных предпочтений «Сохранение vs Открытость изменениям» в постсоциалистических странах сильнее, чем в четырех других группах стран, причем последние по силе этих влияний не различаются. Что касается ценностных предпочтений «Самоутверждение vs Забота о людях и природе», то их влияние наиболее выражено в фамилиаристических (средиземноморских) странах, но и другие группы стран различаются по силе этих влияний. Мы связываем более сильную выраженность влияния ценностей на адресованные государствам

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011–2012 гг. Авторы благодарны Ф. Э. Бурджалову, М. Г. Рудневу, Г. А. Монусовой, О. В. Синявской, Э. Д. Понарину и Ст. Сваллфорсу (Stephan Svallfors) за ценные замечания, предложения и помощь.

запросы с тем, что в постсоциалистических и фамилиаристических странах действуют менее прозрачные правила (пере)распределения социальной помощи и поддержки в сравнении с институционально более продвинутыми европейскими странами, относящимися к либеральному, консервативному или социал-демократическому типу устройства социального государства. Недостаточно прозрачные правила предоставления социальных услуг и недостаточная информированность людей об источниках финансирования этих услуг делают запрос на государственную социальную поддержку более подверженным влиянию ценностей и субъективных представлений о должном.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социальная поддержка населения государством возникла как реакция на издержки индустриализации [Fraser, 1973] и как попытка снятия напряженности между работниками предприятий и работодателями [Einhorn & Logue, 2003] в Европе в конце XIX века. К. Пирсон, рассматривая историю возникновения социальных государств в разных странах, делает вывод о том, что «активная социальная политика может быть частью той общей институциональной связи, благодаря которой страны поздней индустриализации сумели успешно догнать промышленно более развитые государства» [Пирсон, 2010, с. 62]. Повышение качества человеческих ресурсов, с одной стороны, и развитие более эффективных форм посредничества между государством и промышленностью — с другой, дали этим странам преимущество в производственной и экономической политике.

С течением времени в европейских странах спектр государственных социальных программ расширился. Как отмечает Н. Луман, «социальное государство» (Sozialstaat) превратилось в «государство всеобщего благосостояния» (Wohlfahrtsstaat). Люди стали организовывать свою жизнь в расчете на более широкую государственную социальную поддержку, изменились их когнитивные характеристики и мотивации [Luhmann, 1990, р. 22]. Стало увеличиваться число социальных рисков, которые воспринимались людьми как требующие компенсации. И как следствие этого — возросла стоимость комплекса государственных социальных услуг.

Европейские страны с развитой социальной политикой сегодня сталкиваются с трудностями ее финансирования. Вопросы перегрузки социального государства, имплицитных последствий его функционирования, заслуженности социальных гарантий, формирования социального иждивенчества, превращения производителей материальных благ в потребителей социальных услуг находятся в центре общественного обсуждения [van Oorschot, 2010; van Oorschot & Meuleman, 2012]. В России и других постсоциалистических странах эти трудности усугубляются тем, что число людей, которым требуется социальная поддержка, здесь больше, а объемы государственной социальной помощи заметно меньше, чем в странах западной и северной Европы [Монусова, 2012]. И это придает дополнительный импульс общественному вниманию к проблемам предоставления государственной поддержки и помощи.

В связи с этим усиливается интерес к изучению мнений и оценок населения, спроса, предъявляемого им на социальные услуги государства, и тех условий, при которых население согласно этот спрос ограничить.

В исследованиях зарубежных коллег выделены факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на формирование у людей запросов на участие государства в реализации различных социальных программ. Среди факторов индивидуального уровня выделяют персональный интерес (self-interest), который обусловлен позицией индивида в социальной структуре, оценку социальной среды (включая оценку эффективности функционирования различных институтов) и ценности (идеологии, представления о справедливости, религиозные и политические установки, базовые жизненные ценности) [van Oorschot & Meuleman, 2012]. На страновом уровне среди факторов чаще всего рассматривается общее институциональное устройство социальной сферы, которое называют «режимами социальных государств», а также различные макроэкономические характеристики (ВВП, объем социальных расходов, уровень бедности, неравенства, безработицы и др.) [Reeskens & van Oorschot, 2011].

В ряде исследований показано, что запрос на государственную социальную поддержку снижается с укреплением социального положения индивида [Svallfors, 1991; 2004; 2006; d'Anjou, Steijn, & van Aarsen, 1995; van Oorschot, 2010]. Мужчины, молодые люди, те, кто имеет сильные позиции на рынке труда и хорошее материальное положение, в меньшей мере рассчитывают на государственные социальные гарантии по сравнению с женщинами, пожилыми людьми, теми, кто сталкивается с безработицей, пенсионерами, инвалидами и представителями низкодоходных групп.

Содержащиеся в предыдущих исследованиях данные о влиянии ценностей систематизировать сложнее. Но все же можно сделать общий вывод о том, что приверженность человека ценностям индивидуализма понижает его поддержку принципов и практик социального государства, а ценности эгалитаризма, напротив, ее повышают. Исследуя эту зависимость, С. Липсет выделял *ценности достижения и равенства* [Lipset, 1963], М. Дойч — *ценности справедливости, равенства и поддержки нуждающихся* [Deutsch, 1975], Дж. Хохшильд — *ценности равенства и дифференциации* [Hochschild, 1981], Х. МакКлоски и Дж. Заллер — *экономический индивидуализм и социальное равенство* (капиталистические и демократические ценности) [McClosky & Zaller, 1984], Дж. Клюгель и П. Метью — *эгалитаристские и антиэгалитаристские представления о справедливости* [Kluegel & Mateju, 1995]. С влиянием этих ценностей тесно связаны и политические взгляды: носители правых установок разделяют индивидуалистические ценности и меньше поддерживают принципы и практики социального государства, а носители левых политических установок, напротив, являются эгалитаристами и сторонниками социального государства [Gevers, Gelissen, Arts, & Muffels, 2000; Jakobsen, 2011].

При рассмотрении того, как на запросы людей влияет институциональное устройство социальной сферы, большинство авторов опирается на критерии, предложенные Г. Эспинг-Андерсеном: индекс декоммодификации (степень того, насколько индивид застрахован от экономических рисков), степень влияния государства на снижение уровня социального расслоения и состав агентов, отвечающих за благосостояние отдельного человека (государство, корпорация, семья, волонтеры и т.д.) [Esping-Andersen, 1990]. Эти критерии легли в основу впервые им предложенной классификации режимов социального государства, которая впоследствии многократно корректировалась и модифицировалась.

Одна из таких модификаций предложена Т. Рискинсом и В. ван Ооршотом, ее мы и используем в данной статье. Авторы выделили социал-демократический, консервативный (в терминологии Эспинг-Андерсена корпоративистский), либеральный и фамилиаристический типы социального государства, а также тип, характерный для стран Центральной и Восточной Европы (мы будем использовать для обозначения этого типа категорию «*постсоциалистические страны*») [Reeskens & van Oorschot, 2011, p. 12]. Классификация стран по этим типам приводится в *таблице 1*.

Отличительной особенностью стран *либерального* типа является минимальное вмешательство государства в регулирование социальных вопросов. Социальные гарантии предоставляются только особенно нуждающимся — в виде скромных пособий, а также в зависимости от предыдущего индивидуального вклада [Esping-Andersen, 1990, p. 42; Arts & Gelissen, 2002, p. 141]. Основной акцент здесь делается на рыночную экономику, активное участие индивида в конкуренции, занятость, как мужчин, так и женщин, персональную ответственность за свое материальное благополучие и частное страхование от различных социальных рисков. Таким образом, возникает благоприятная среда, с одной стороны, для более интенсивного включения индивидов в экономическую жизнь, а с другой — для роста и поддержания высокого уровня социального неравенства и сильной зависимости индивидуального социально-экономического статуса от условий рынка. Стоит отметить, что в последнее время в странах этого типа наблюдается сокращение налогообложения низкодоходных социальных групп [Уилан & Мэтр, 2011, с. 201].

Степень участия государства в регулировании благосостояния людей в странах *консервативного* (корпоративистского) типа несколько выше. Существующие здесь механизмы регулирования ориентированы на закрепление статус-кво, воспроизводство существующей социальной иерархии и поддержание института семьи. Государство перераспределяет ресурсы таким образом, чтобы доход представителей различных социальных групп зависел от их принадлежности к определенной профессиональной группе и профессионального статуса [Fenger, 2007, p. 6]. Здесь наблюдается большая, чем при либеральном режиме, защищенность индивида от условий рынка за счет больших по объему и широте охвата социальных выплат. Однако размер социальных гарантий здесь пропорционален персональному «вкладу» в бюджет социального государства, который измеряется объемом уплаченных налогов и общим стажем работы. Женщины оказываются в менее выгодном положении, хотя в последние годы в этих странах предпринимается попытка устранения этой асимметрии [Bonoli, 1997, p. 363].

Для стран *социал-демократического* типа характерен максимальный уровень государственного перераспределения ресурсов, который основан на прогрессивной системе налогообложения и на принципе универсального доступа к получению социальных бенефитов вне зависимости от персонального «вклада» в бюджет социального государства. Жители этих стран максимально защищены от воздействия рынка на индивидуальное материальное благополучие, и уровень неравенства здесь самый низкий.

Целью социальной политики в рамках этого типа стран является, с одной стороны, минимизация различных социальных рисков, связанных с изменениями экономической ситуации в стране, а с другой — полная занятость, позволяющая финансировать широкий спектр социальных программ. Вы-

Таблица 1. Классификация европейских стран по типам социальных государств (worlds of welfare)*

Социал-демократический режим	Консервативный режим	Либеральный режим	Фамилиаристический режим	Постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы
Дания Финляндия Нидерланды Норвегия Швеция	Бельгия Германия Франция Швейцария	Великобритания Ирландия	Кипр Греция Португалия Испания + Турция + Израиль	Болгария Чехия Венгрия Латвия Польша Румыния Словакия Словения + Хорватия + Украина + Россия + Эстония

Примечание. * Мы дополнили классификацию Рискинса и Ван Ооршота, добавив в нее Турцию, Израиль, а также 4 постсоциалистических страны, все они помечены в таблице знаком «+».

Источник: Reeskens & van Oorschot, 2011.

сокий уровень государственной социальной поддержки делает индивида менее зависимым как от условий рынка, так и от традиционных социальных связей. В частности государственная материальная поддержка и забота о детях, пожилых людях и людях с ограниченными возможностями позволяет женщинам быть более активными на рынке труда [Esping-Andersen, 1990, p. 28; Arts and Gelissen, 2002, p. 142].

В странах *фамилиаристического* типа нет четко обозначенного минимума государственных социальных гарантий, и система социального обеспечения является фрагментарной [Bambra, 2007, p. 1100]. Некоторые исследователи, рассматривающие объем и качество государственных социальных гарантий в странах этого типа, называли их «рудиментарными» из-за отсутствия универсальных принципов получения социальных гарантий и услуг, в том числе медицинских [Leibfried, 1992; Bambra, 2007, p. 1100]. Эти страны не были включены в первые классификации социальных государств, поскольку считалось, что социального государства там нет. Однако М. Феррера подчеркивает, что это касается не всех социальных программ. В частности пенсионное обеспечение охватывает в этих странах большинство представителей старшей возрастной группы [Ferrera, 1996, p. 19]. Большое влияние на организацию социальной поддержки оказывает католическая церковь (исключение — Греция), лоббирующая поддержку традиционных институтов и прежде всего семьи. Именно семья и другие неформальные социальные связи здесь являются основными «поставщиками» социальных услуг [Bonoli, 1997, p. 354] — отсюда и название типа социального государства в этих странах.

В классификации типов социальных государств позже всего были включены *постсоциалистические* страны. Эта группа стран характеризуется, прежде всего, невысоким уровнем государственных расходов на социальную поддержку, небольшим объемом социальных гарантий и в целом слабостью социальных прав [Уилан & Мэтр, 2011, с. 202]. По мнению зарубежных наблюдателей, основной акцент в этих странах делается на усиление индивидуальной и ослабление государственной ответственности в социальных вопросах,

на приватизацию и маркетизацию всех сфер жизнедеятельности общества. Социальное страхование сокращается, поддержка становится ориентированной только на особенно нуждающиеся группы населения [Ferge, 2008, p. 150].

Цель данной статьи — продемонстрировать взаимосвязи запросов людей в отношении государственной социальной политики с их базовыми ценностями и проанализировать сходства и различия этих связей в европейских странах с разными типами социальных государств.

Отличие нашего анализа от ранее выполненных сопоставлений такого рода состоит в том, что мы рассматриваем базовые ценности в рамках подхода Ш. Шварца, предложившего целостную структуру базовых ценностей и разработавшего методики для их измерения.

Шварц определяет базовые человеческие ценности как «желаемые кросс-ситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни человека» [Schwartz, 1994, p.21]. Согласно разработанной Шварцем теории, имеется десять базовых ценностей (он называет их ценностными типами), различающихся целями, на реализацию которых они направлены. Эти десять ценностей — Универсализм, Благожелательность, Традиция, Конформность, Безопасность, Власть-богатство, Достижение, Гедонизм, Риск-новизна, Самостоятельность — составляют единую систему, и отношения между ними в этой системе описываются в виде знаменитого круга Шварца (рис. 1). Ценности, расположенные в круге по соседству, близки по содержанию и совместимы, а ценности, более отдаленные друг от друга, находятся в конфликтных отношениях. Например, ценности Универсализм и Благожелательность похожи тем, что обе выражают стремление индивида выйти за рамки своих личных интересов, а противостоящие им ценности Достижение и Власть-богатство, наоборот, сконцентрированы на личном интересе. Благодаря взаимосвязям между отдельными ценностями, их можно объединить в четыре образования более высокого уровня (мы называем их ценностными категориями): Открытость изменениям, Сохранение, Самоутверждение и Забота о людях и природе. Ценности Открытости изменениям и Сохранения находятся в конфликтных отношениях, и на этой основе строится ценностный показатель еще более высокого уровня, фиксирующий субъективное предпочтение одной из этих ценностей по отношению к другой — *индекс предпочтения Сохранения Открытости изменениям*. В конфликтных отношениях находятся и ценности Заботы о людях и природе и ценности Самоутверждения, и на этой основе конструируется *индекс предпочтения Самоутверждения Заботе* [Schwartz, 1992]².

Ценностные категории и субъективные предпочтения между ними дают, таким образом, наиболее интегральное представление о ценностях индивида.

К. Вельцель обосновал сходство ценностных категорий Шварца с широко используемыми в социальных науках концептами, связанными с противопоставлением индивидуального и социального. Он предложил рассматривать Открытость изменениям как аналог индивидуализма, Сохранение — как аналог коллективизма, а Самоутверждение и Заботу о людях и природе, соответственно, как аналог эгоизма и альтруизма [Welzel, 2010, p. 154]. Если принять эти аналогии, то тогда анализ влияния базовых ценностей, измеренных по

² Трактовка індексів Відкритості — Сохранения и Заботы — Самоутверждения как ценностных предпочтений содержится в работе: Magun, Rudnev, Schmidt, 2012.

Рисунок 1. Ценностный круг Шварца

Источник: Schwartz, 1992.

методологии Шварца, вписывается в общий дискурс, касающийся влияния на социальные запросы ценностей индивидуализма и эгалитаризма.

В статье будут проверены следующие *гипотезы*.

Несколько гипотез касаются *направления (знака)* взаимосвязей между ценностями и запросами людей на государственную социальную поддержку. В ценностях Заботы о людях и природе прямо выражается стремление индивида к благу окружающих, и поэтому естественно ожидать, что приверженность этим ценностям будет увеличивать его желание направить усилия государства на социальную помощь людям (*гипотеза 1*). Соответственно, приверженность противоположным по смыслу ценностям Самоутверждения будет ослаблять желание направлять государственные ресурсы на помощь окружающим (*гипотеза 2*). В обоих случаях предполагаемый механизм этих влияний связан с восприятием индивидом государственной помощи как того, что адресовано не ему лично (или не только ему лично), но (и) другим членам общества.

Иными представляются механизмы влияния на запросы по поводу государственной помощи со стороны ценностей Открытости изменениям и Сохранения. В фокусе этих ценностей — зависимость/независимость человека от разного вида социальных ресурсов, начиная с ресурсов, идущих от непосредственного социального окружения, и вплоть до ресурсов,

предоставляемых государством. Соответственно, Открытость изменениям означает стремление индивида к автономии в решениях и в жизнеобеспечении, а Сохранение — расчеты человека на помощь окружающих и в принятии решений, и в получении разнообразных жизненных благ и услуг³. Поскольку в Открытости и Сохранении нет сильно выраженной альтруистической/эгоистической компоненты, то мы ожидаем, что влияние этих ценностей будет связано с восприятием индивидом государственной помощи как того, что адресовано, прежде всего, ему лично, и ценности Сохранения будут запросы на эту помощь усиливать (*гипотеза 3*), а ценности Открытости — ослаблять (*гипотеза 4*).

Еще одна гипотеза касается тесноты взаимосвязей между ценностями и запросом на государственную социальную поддержку в зависимости от типа социального государства, характерного для разных групп стран. Мы предполагаем, что в постсоциалистических и фамилиаристических странах ценности оказывают большее влияние на запрос на государственную социальную поддержку, чем в странах с либеральным, консервативным или социально-демократическим типом институционального устройства государственной социальной помощи (*гипотеза 5*). Формулируя это предположение, мы исходим из вывода О. Кангаса о том, что на любое принятие решения, в том числе на оценку того, каким должен быть уровень вмешательства государства в регулирование социальных вопросов, оказывает влияние уровень информированности субъекта об объекте оценки. Чем выше уровень информированности, тем в большей степени решение определяется исходя из рациональных аргументов, и напротив, недостаточный объем информации приводит к тому, что решение формируется на основе нормативных представлений и ценностей [Kangas 1997, p. 480]. Г.А. Монусова [2012] обратила внимание на разную степень выраженности «фискальной иллюзии» в странах с разным типом социального государства. Эта иллюзия, наличие которой указывает на недостаточную информированность граждан об источниках финансирования государственных расходов и бюджетных ограничениях, связанных с их распределением, оказалась наиболее выражена как раз в постсоциалистических и фамилиаристических странах. С учетом вывода О. Кангаса можно, следовательно, ожидать, что именно в этих странах базовые ценности людей будут оказывать наибольшее влияние на их социальные запросы.

Статья состоит из четырех разделов. Во втором разделе описана база данных и используемые показатели. В разделе «Результаты» обосновывается построение *индекса*, характеризующего суммарный запрос индивида на государственную поддержку, затем рассматриваются парные взаимосвязи этого *индекса* с базовыми ценностями. Далее с помощью множественного регрессионного анализа проверяется сохранение этих взаимосвязей при контроле социально-демографических и страновых переменных, а также демонстрируется их зависимость от характерного для той или иной группы стран типа социального государства. В заключительном разделе статьи полученные результаты сопоставляются с гипотезами.

³ Подобные расчеты прямо выражены в одном из пунктов вопросника, направленном на измерение ценности «Безопасность»: «Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан».

МЕТОДОЛОГИЯ, ДАННЫЕ И ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

В работе используются данные четвертой волны Европейского социального исследования (ESS), проведенного в 2008 г. Выборка — 56751 респондент из 29 европейских стран (на момент начала работы 30-я страна Литва еще отсутствовала в базе ESS). В исследование этого раунда был включен блок вопросов «Отношение к социальной политике в меняющейся Европе» («Welfare attitudes in a changing Europe»), руководителем исследовательского коллектива, разработавшего данный блок, является Стефан Сваллфорс (St.Svallfors)⁴. При сравнении отдельных стран использовался вес для коррекции дизайна выборки *dweight*. При рассмотрении европейского массива в целом, а также при анализе групп стран использовался также *rweight*, корректирующий число респондентов от каждой страны с учетом доли ее населения в составе населения Европы. В итоге в этих случаях мы получали комбинированный вес *weight2*, рассчитанный как произведение веса *dweight* и веса *rweight*.

Объектом анализа в данной статье являются ответы респондентов на один из вопросов об ответственности государства за реализацию различных социальных программ. В анкете вопрос был сформулирован следующим образом: «Сейчас я буду называть Вам задачи, а Вы скажите мне, пожалуйста, в какой мере государство должно участвовать в выполнении каждой из них, по шкале от 0 до 10. «0» будет означать, что Вы вообще не считаете это задачей государства, а «10» — что Вы считаете это всецело задачей государства». Респонденту предлагалась таблица, в которой были перечислены шесть социальных программ: «обеспечение работой каждого, кто хочет работать», «обеспечение квалифицированной медицинской помощью тех, кто в ней нуждается», «обеспечение достойного уровня жизни людям в старости», «обеспечение достойного уровня жизни безработным», «обеспечение ухода за детьми работающих родителей» и «предоставление оплачиваемого отпуска людям, которые вынуждены временно ухаживать за заболевшими членами семьи». Таким образом, респондентам предлагалось оценить каждую позицию по одиннадцатибальной шкале. На основе этих ответов мы сконструировали *индекс запроса* на государственную социальную поддержку (ИЗ), он рассчитывался как среднее значение запроса на шесть типов социальных программ.

Чтобы проверить правомерность использования *индекса запроса*, мы протестировали согласованность входящих в него характеристик посредством коэффициента Альфа Кронбаха в 29 странах (табл. 2). Этот тест показывает, насколько пункты, входящие в наш *индекс*, связаны друг с другом. Коэффициент изменяется от 0 до 1, хорошими считаются показатели, превышающие порог 0,7. В большинстве стран, за исключением Нидерландов, величины Альфа Кронбаха превышают этот порог, что говорит о внутренней согласованности используемого нами *индекса*.

Базовые ценности измерялись с помощью «Портретного ценностного вопросника» (Portrait Values Questionnaire) Ш. Шварца, в котором предлага-

⁴ Подробное описание этого блока вопросов и его теоретического обоснования см.: http://www.europeansocialsurvey.org/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=308.

лись описания различных людей и респонденту надо было по шестибальной шкале оценить, насколько он похож на этих персонажей⁵.

На основе ответов респондентов на исходные пункты ценностного вопросника (всего их было 21, их содержание приводится в *таблице 1 приложения*) рассчитывались 4 *индекса ценностных категорий* — субъективная значимость ценностей Открытости изменениям, Сохранения, Заботы о людях и природе и Самоутверждения. Они вычислялись как средние показатели тех исходных пунктов вопросника, с помощью которых эти ценностные категории измерялись (см. состав ценностных категорий в *таблице 1 приложения*). Чтобы исключить влияние стиля ответов, выражающегося в предпочтении тех или иных участков шкалы, полученные *индексы* подвергались процедуре центрирования, т.е. из каждого индивидуального значения *индекса* вычиталась средняя величина ответов респондента на все пункты ценностного вопросника⁶.

Рассчитывались также *два индекса ценностных предпочтений*: предпочтение ценностей Сохранения ценностям Открытости изменениям и предпочтение ценностей Самоутверждения ценностям Заботы о людях и природе. Эти *индексы* вычислялись как разность между соответствующими показателями субъективной значимости ценностных категорий: из *индекса* Сохранения вычитался *индекс* Открытости, а из *индекса* Самоутверждения — *индекс* Заботы.

Подробное описание методики Шварца, построенных на ее основе показателей, а также результатов их межстрановых сравнений содержится в [Магун, Руднев, 2008; 2010].

Основываясь на результатах предыдущих исследований, описанных выше, мы отобрали в качестве контрольных переменных пол, статус на рынке труда и материальное положение, так как они фиксируют позицию индивида в социальной структуре, а следовательно — степень его заинтересованности в государственной социальной поддержке.

Переменная «статус на рынке труда» является комбинированной переменной, сгенерированной на основании ответов респондентов на два вопроса: «Какое из этих занятий Вы считаете для себя основным, если говорить о последних 7 днях?» и «Приходилось ли Вам когда-либо быть без работы и искать работу дольше трех месяцев?». В итоге в нашем исследовании мы получаем пять категорий респондентов, различающихся по основному занятию: работающий без опыта безработицы, работающий с опытом безработицы, учащийся,

⁵ См.: Schwartz, Lehmann, Roccas, 1999; Schwartz, Melech, Lehmann, Burgess, Harris, 2001; Schwartz, 2005. Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями, и каждый из этих портретов респондент должен был оценить по шестибальной шкале: «очень похож на меня» (6 баллов), «похож на меня» (5 баллов), «довольно похож на меня» (4 балла), «немного похож на меня» (3 балла), «не похож на меня» (2 балла), «совсем не похож на меня» (1 балл). В статье большая значимость ценности обозначается и более высоким баллом (в анкете ESS и в исходном массиве данных ESS нумерация пунктов этой шкалы иная). Например, ценностный индекс «Сохранения» строился на основе оценок респондентом шести ценностных портретов, в том числе таких: «Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности» и «Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан». Полный список предложенных респондентам ценностных портретов см. в *таблице 1 приложения*.

⁶ Подробнее о процедуре центрирования см.: Schwartz, 2005.

Таблица 2. Коэффициенты Альфа Кронбаха для индекса запроса в 29 европейских странах

Страна	Альфа Кронбаха	Страна	Альфа Кронбаха
Бельгия	0,76	Ирландия	0,81
Болгария	0,84	Израиль	0,85
Швейцария	0,79	Латвия	0,87
Кипр	0,79	Нидерланды	0,69
Чехия	0,84	Норвегия	0,75
Германия	0,79	Польша	0,82
Дания	0,73	Португалия	0,88
Эстония	0,85	Румыния	0,92
Испания	0,84	Россия	0,83
Финляндия	0,79	Швеция	0,82
Франция	0,78	Словения	0,82
Великобритания	0,76	Словакия	0,84
Греция	0,88	Турция	0,90
Хорватия	0,90	Украина	0,84
Венгрия	0,80		

неработающий (сюда вошли домохозяйки и безработные), пенсионер (в том числе по инвалидности).

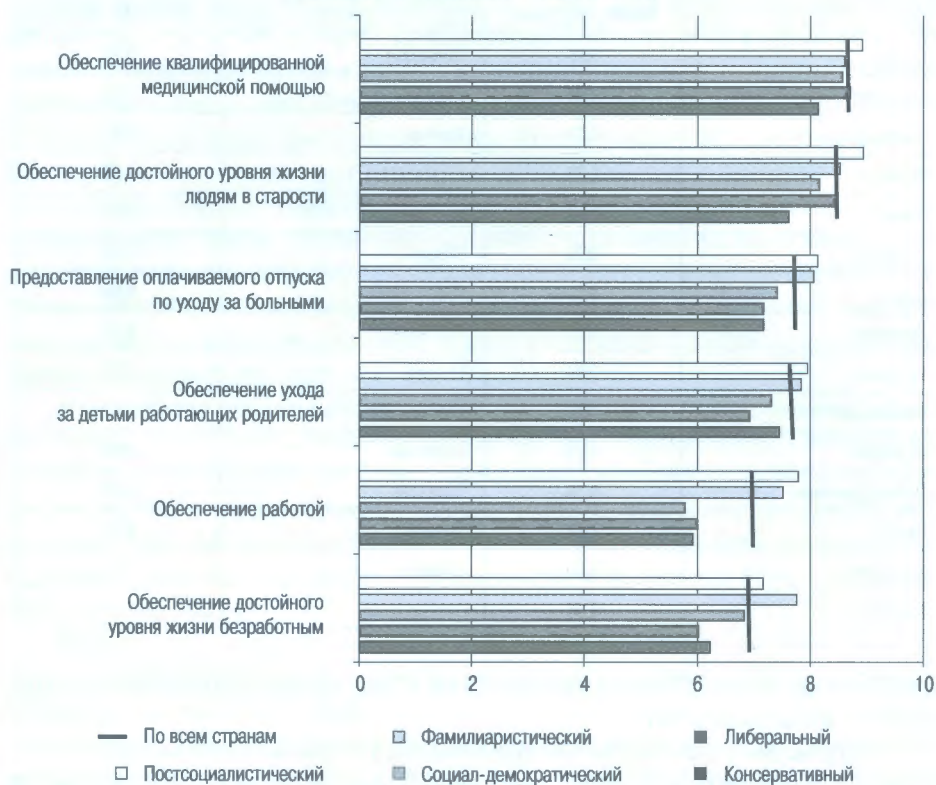
Материальное положение определялось посредством ответа на вопрос «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?». В качестве ответов предлагались следующие варианты: «Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений (балл 4)»; «Этого дохода нам в принципе хватает (балл 3)»; «Жить на такой доход довольно трудно (балл 2)»; «Жить на такой доход очень трудно (балл 1)». Для простоты интерпретации и наглядности шкала была перевернута так, чтобы большему значению соответствовало лучшее материальное положение.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Запрос на государственную социальную поддержку в Европе в целом и в отдельных странах

Среднеевропейские показатели по всем видам запросов — высокие и соответствуют 7 и более баллам по шкале, середина которой приходится на оценку в 5 баллов. Самый большой запрос имеется на программы пенсионного и медицинского обслуживания. Несколько меньшую заинтересованность европейцы выражают в государственной поддержке ухода за больными членами семьи и за детьми работающих родителей, и наименьшие требования предъявляются к государству в отношении обеспечения всех желающих работой и в обеспечении достойного уровня жизни безработным (рис. 2). Как пишет Ст. Сваллфорс, «более универсальные социальные программы — такие как пенсионное обеспечение и здравоохранение — пользуются сильной

Рисунок 2. Запросы на отдельные виды социальной поддержки в Европе в целом и в странах, относящихся к разным типам социальных государств (средние показатели)

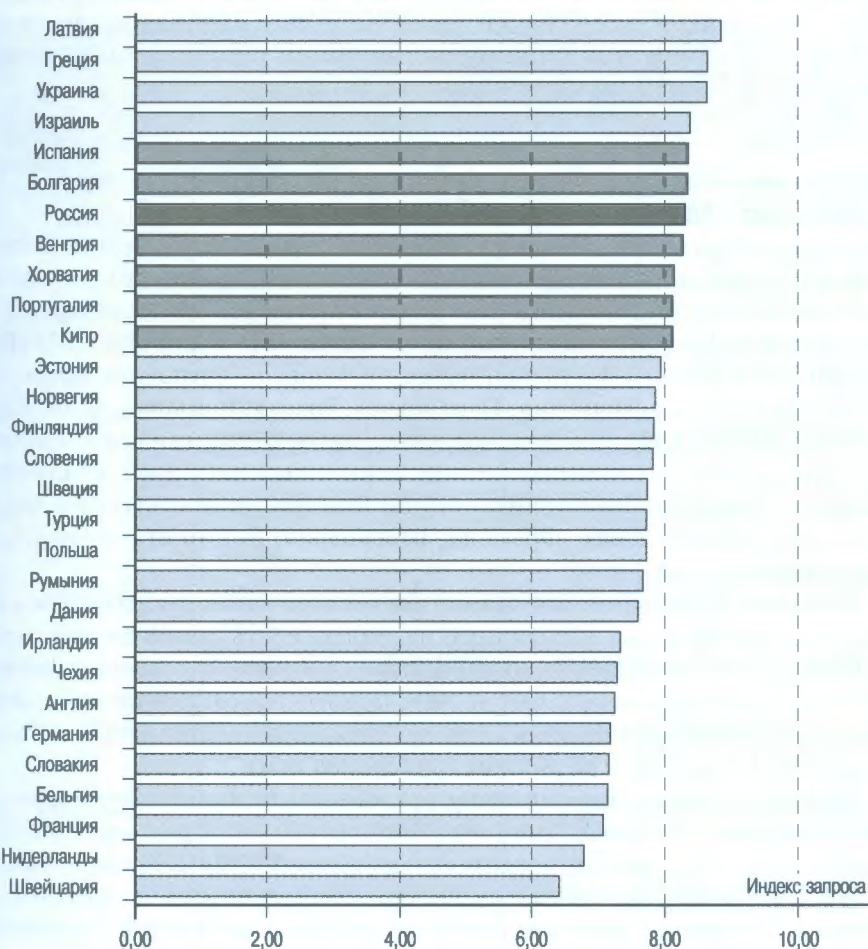
поддержкой, а те, что направлены на социальную защиту лишь отдельных категорий людей ... пользуются значительно меньшей поддержкой населения» [Svallfors, 2012, p. 6]⁷.

В то же время имеются и статистически значимые различия между группами стран: во всех случаях средние запросы населения постсоциалистических и фамилиаристических стран выше, чем запросы населения стран с либеральным, консервативным или социал-демократическим типом социального государства. Эти различия сохраняются и при переходе к сопоставлениям средних значений суммарного *индекса запроса*. На *рисунке 3* приведены средние значения этого *индекса* по отдельным странам, а в *таблице 3* — по группам стран, различающихся типом социального государства.

Как видно из *таблицы 3*, во всех группах стран средние значения *индекса запроса* достаточно высоки и превышают 7 баллов по шкале, где средний балл равен 5. Все же все группы стран статистически значимо отличаются друг от друга. Самый высокий запрос в постсоциалистических странах, за ними следуют страны фамилиаристического типа, страны социально-демократического и либерального типов, ниже всего запрос в странах консервативного

⁷ Как показала А. А. Салмина [2012], иерархия запросов на социальную поддержку в России в целом воспроизводит иерархию средневропейских показателей.

Рисунок 3. Средние значения индекса запроса на государственную социальную поддержку в 29 европейских странах*

Примечание. * Темным цветом выделены страны, не отличающиеся статистически значимо от России, критерий Тамхена, $p < 0,05$, $N = 56751$.

Таблица 3. Средние величины индекса запроса и различия между ними в разных типах социальных государств

Режимы	Средние значения	Различия между средними и их значимость			
		ПТ	ФТ	ЛТ	КТ
Постсоциалистический тип (ПТ) (N=22135)	8,16				
Фамилиаристический тип (ФТ) (N=13135)	8,07	0,09*			
Либеральный тип (ЛТ) (N=4116)	7,23	0,93*	0,84*		
Консервативный тип (КТ) (N=8403)	7,11	1,06*	0,97*	0,13*	
Социал-демократический тип (СДТ) (N=8962)	7,36	0,81*	0,72*	-0,12*	-0,25*

Примечание. * Разность средних значима при $p < 0,05$ (ANOVA, критерий Тамхена).

типа. Заметим, что наибольшие отличия по *индексу запроса* наблюдаются между постсоциалистическими и фамилиаристическими странами, с одной стороны, и странами либерального, консервативного и социально-демократического типов — с другой (более подробный анализ межстрановых различий по индексу запроса см. в работе [Монусова, 2012]).

Корреляционные связи между запросом на государственную социальную поддержку и базовыми ценностями

Корреляционный анализ указывает на наличие статистически значимых связей между запросом на государственную социальную поддержку и базовыми ценностями, представленными в виде четырех категорий. Это характерно для всех стран и типов социальных государств (*табл. 4*). В 20 странах из 29 (Великобритания, Бельгия, Болгария, Германия, Израиль, Ирландия, Испания, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швеция) имеются значимые корреляции с участием всех четырех ценностных категорий, в 4 странах (Венгрия, Дания, Польша, Турция) — с участием трех ценностных категорий, в 5 странах (Греция, Кипр, Франция, Швейцария, Эстония) — с участием двух ценностных категорий.

Значимые корреляции для каждой ценностной категории одинаковы по знаку, т.е. указывают на идентичную направленность связей во всех странах (за исключением Швейцарии). *Чем выше ценности Сохранения и Заботы о людях и природе, тем выше запрос на государственную социальную поддержку. И напротив, чем более выражены ценности Открытости изменениям и Самоутверждения, тем запрос на участие государства ниже.*

Ценности Сохранения выражают потребность человека в безопасности и зависимость его от социального окружения (в том числе и от государства), а ценности Заботы — общую ориентацию на помощь людям. Таким образом, получается, что возложение на государство ответственности за социальную поддержку населения имеет два разных ценностных источника — персонализированный и исходящий из интересов окружающих. В большей мере эту ответственность на государство возлагают, во-первых, те, кто свою личную жизнь строит в расчете на поддержку со стороны социального окружения (ценности Сохранения), а во-вторых, те, кого волнует судьба других людей, и кто поэтому считает необходимым оказание им государственной поддержки (ценности Заботы).

Точно так же два ценностных источника имеет и снятие с государства ответственности за социальную поддержку населения. Ценности Открытости изменениям включают ориентацию человека на самостоятельность в принятии решений, что, скорее всего, ассоциируется и с опорой на собственные силы в тех сферах жизни, о которых идет речь в рассматриваемых вопросах анкеты. Ценности же Самоутверждения выражают ориентацию человека на свои собственные потребности и интересы. Таким образом, получается, что снизить ответственность государства за социальную поддержку населения предрасположены, во-первых, те, кто сильнее рассчитывает на свои собственные ресурсы, а во-вторых, те, кто сильнее озабочен собственным благополучием и потому не хочет, чтобы ресурсы, на которые он может претендовать, бесплатно перераспределялись в чужую пользу.

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между индексом запроса на государственную социальную поддержку и субъективной важностью ценностных категорий в 29 европейских странах

Тип режима	Страна	Ценностные категории			
		Сохранение	Открытость изменениям	Самоутверждение	Забота о людях и природе
Либеральный	Великобритания	0,06**	-0,067**	-0,074***	0,06**
	Ирландия	0,09***	-0,06*	-0,14***	0,11***
Консервативный	Бельгия	0,06*	-0,05*	-0,12***	0,12***
	Германия	0,16***	-0,12***	-0,15***	0,07***
	Франция	0,03	-0,02	-0,10***	0,08***
	Швейцария	-0,08**	0,01	0,05	0,07**
Социал-демократический	Дания	0,01	-0,08**	-0,12***	0,20***
	Нидерланды	0,07**	-0,08**	-0,08**	0,07**
	Норвегия	0,09**	-0,08**	-0,19***	0,18***
	Финляндия	0,13***	-0,13***	-0,21***	0,23***
	Швеция	0,11***	-0,10***	-0,17***	0,14***
Фамилиаристический	Греция	0,03	-0,044*	-0,043	0,07**
	Израиль	0,09***	-0,13***	-0,07**	0,09***
	Испания	0,13***	-0,07**	-0,25***	0,21***
	Кипр	0,07*	-0,11***	0,06	0,01
	Португалия	0,13***	-0,22***	-0,24***	0,39***
	Турция	0,08***	-0,12***	0,02	0,08***
Постсоциалистический	Болгария	0,22***	-0,14***	-0,26***	0,13***
	Венгрия	0,10***	-0,12***	-0,05	0,06*
	Латвия	0,11***	-0,09***	-0,10***	0,08**
	Польша	0,16***	-0,11***	-0,06*	-0,03
	Россия	0,23***	-0,24***	-0,17***	0,22***
	Румыния	0,24***	-0,28***	-0,06**	0,19***
	Словакия	0,26***	-0,21***	-0,25***	0,19***
	Словения	0,15***	-0,15***	-0,18***	0,18***
	Украина	0,17***	-0,15***	-0,13***	0,11***
	Хорватия	0,23***	-0,23***	-0,16***	0,15***
	Чехия	0,21***	-0,15***	-0,17***	0,13***
	Эстония	0,13***	-0,19***	0,04	0,01

Примечание. * Корреляция значима при $p < 0,05$; ** – корреляция значима при $p < 0,01$; *** – корреляция значима при $p < 0,001$.

В постсоциалистических и фамилиаристических странах эта связь в среднем теснее, чем в странах либерального и консервативного типов. Кроме того, в социал-демократических странах и фамилиаристических странах с запросом сильнее связаны ценности Самоутверждения и Заботы, а в постсоциалистических — ценности Сохранения и Открытости.

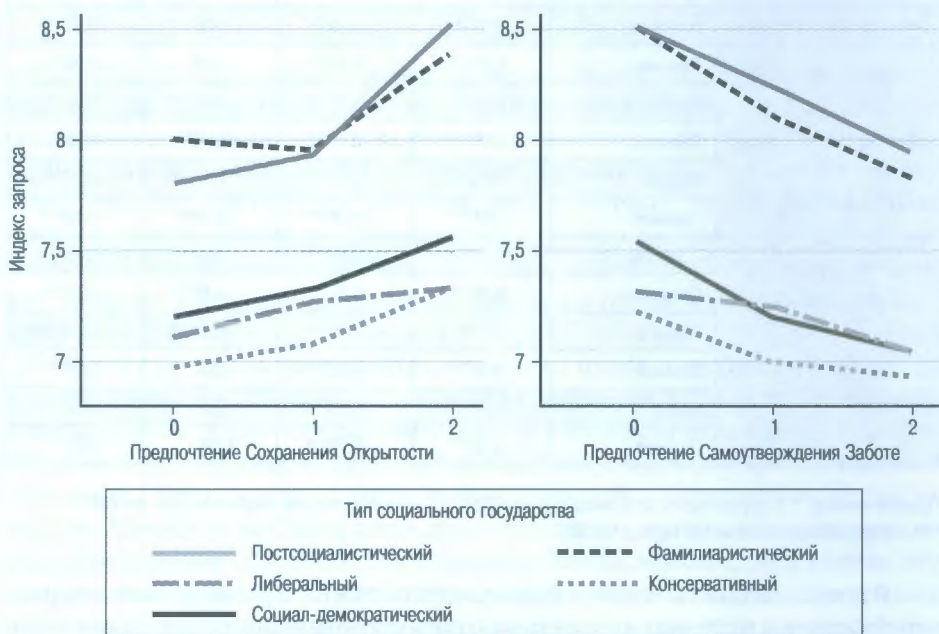
Как уже отмечалось выше, согласно подходу Ш. Шварца, на основе ценностных категорий строятся *индексы предпочтения* «Открытость — Сохранение» и «Забота — Самоутверждение» (см. *таблицу в приложении*). Как

Таблица 5. Коэффициенты корреляции индекса запроса на государственную социальную поддержку с субъективной важностью ценностных категорий и ценностными предпочтениями в группах стран с разными типами социальных государств

Тип режима	Ценностные категории				Ценностные предпочтения	
	Сохранение	Открытость изменениям	Самоутверждение	Забота о людях и природе	Предпочтение Сохранения Открытости	Предпочтение Самоутверждения Заботе
Постсоциалистический	0,20***	-0,21***	-0,12***	0,15***	0,21***	-0,15***
Фамилиаристический	0,10***	-0,10***	-0,15***	0,19***	0,10***	-0,18***
Либеральный	0,07***	-0,07***	-0,08***	0,06***	0,07***	-0,08***
Консервативный	0,10***	-0,08***	-0,11***	0,07***	0,10***	-0,11***
Социал-демократический	0,09***	-0,11***	-0,15***	0,18***	0,10***	-0,19***
По всем 29 странам в целом	0,19***	-0,20***	-0,03***	0,04***	0,21***	-0,04***

Примечание. *** Корреляция значима при $p < 0,001$.

Рисунок 4. Связь индивидуальных ценностных предпочтений и запроса на государственную социальную поддержку в странах с разным типом социальных государств*

Примечание. * Население 29 европейских стран, $N=56751$; при построении этих графиков все респонденты были разделены в зависимости от своих ценностных предпочтений на три равные группы, условно обозначенные цифрами 0, 1 и 2.

видим (табл. 5), корреляции этих предпочтений респондентов с *индексом запроса* на государственную поддержку соответствуют корреляциям образующих эти предпочтения ценностных категорий. И это позволяет нам в дальнейших расчетах использовать эти два более интегральных показателя ценностных предпочтений вместо тех, что характеризуют субъективную значимость отдельных категорий.

На *рисунке 4*, который представляет собой графическую иллюстрацию к *таблице 5*, показана динамика среднего уровня запроса в зависимости от изменения предпочтений ценностей Сохранения ценностям Открытости и ценностей Самоутверждения ценностям Заботы в разных группах стран. Здесь наглядно прослеживаются те закономерности, которые были обнаружены при анализе средних и при корреляционном анализе. Во всех группах стран ценности оказывают влияние на запрос на государственную социальную поддержку — одинаковое по направленности, но несколько различающееся по силе. В постсоциалистических и фамилиаристических странах запрос на государственную социальную поддержку выше и влияние ценностей более выражено (в сравнении с тремя другими группами стран): ценности Сохранения и Заботы сильнее воздействуют на повышение запроса, а ценности Открытости и Самоутверждения в большей степени его понижают.

Влияние базовых ценностей на индекс запроса при контроле факторов интереса и страновой принадлежности (результаты множественного регрессионного анализа)

Чтобы проверить, являются ли связи ценностей человека и его запроса на государственную поддержку автономными от влияния на запрос со стороны социально-демографических переменных («факторов персонального интереса»), а также от типа социального государства, характерного для страны его проживания, мы применили метод множественного регрессионного анализа. В роли зависимой переменной в этом анализе выступает *индекс запроса*, в роли независимой — ценностные предпочтения, а в роли контрольных — факторы интереса (т.е. показатели, характеризующие «объективную» заинтересованность индивида в государственной социальной поддержке — пол, основное занятие, самооценка материального положения респондента), а также тип социального государства, характерный для страны проживания респондента.

Базовые ценности респондента воплощают его представления о желаемых целях и средствах их достижения, запрос на социальную поддержку государства тоже характеризует представления человека о желаемом. Отличие этих феноменов друг от друга в том, что базовые ценности относятся к кросс-ситуативным целям и средствам, а упомянутый запрос локализуется в более ограниченных сферах жизни. Поэтому мы считаем возможным в данном анализе рассматривать базовые ценности в качестве причины по отношению к *индексу запроса* на социальную поддержку. В то же время мы отдаем себе отчет, что возможны и обратные влияния — скорее всего, более слабые — со стороны запроса на базовые ценности или влияния со стороны какой-то третьей переменной на обе эти группы феноменов.

Контрольные переменные во всех регрессионных моделях, описанных в *таблице 6*, имеют статистически значимые коэффициенты и, значит, оказывают влияние на величину запроса. Женщины предъявляют более высокие

требования к социальной поддержке, нежели мужчины. Большого участия государства в социальной поддержке населения требуют люди, имеющие опыт безработицы, а также пенсионеры и инвалиды — в сравнении с работающими респондентами, но не имеющими опыта безработицы. И наконец, сильное влияние на адресованные государству запросы оказывает воспринимаемое человеком материальное положение его семьи: чем оно хуже, тем в большей мере человек требует от государства социальной поддержки.

Таким образом, рассматриваемые переменные, характеризующие социальный и социально-демографический статус, ведут себя в соответствии с тем, что ожидается от «факторов интереса»: заинтересованность в ответственности государства за предоставление социальных благ оказывается выше у тех групп населения, которым в большей мере *лично нужна* подобная поддержка. Это женщины (в сравнении с мужчинами), люди менее обеспеченные и люди, имеющие опыт безработицы (т.е. менее надежно чувствующие себя на рынке труда) или же находящиеся на пенсии по возрасту либо инвалидности.

Тип социального государства, характерный для страны проживания респондента, во всех представленных регрессионных моделях также имеет коэффициенты, указывающие на статистически значимые влияния. Во всех моделях четко фиксируются значимо более высокие требования к государственной социальной поддержке, характерные для населения постсоциалистических и средиземноморских стран, нежели для стран западной и северной Европы (относящихся к либеральному, консервативному или социал-демократическому режимам социального государства). Этот результат согласуется с выводами Г.А. Монусовой [2012] и связан не только с различиями в типе институционального устройства социального государства, но и с различиями между странами по уровню экономического развития и объему социальных расходов: чем эти расходы ниже, тем выше требования людей к социальной поддержке со стороны государства. Данные требования, по-видимому, рассматриваются людьми в роли инструмента воздействия на государство, и чем дефицит социальной поддержки выше, тем более сильное воздействие люди стремятся оказать на государство.

Регрессионные коэффициенты при показателях ценностных предпочтений во всех моделях статистически значимы, и это свидетельствует о том, что взаимосвязи базовых ценностей с запросом на государственную социальную поддержку сохраняются даже при контроле «факторов интереса» и страновой принадлежности респондентов. *Вне зависимости от факторов, определяющих «объективную» персональную заинтересованность человека в социальной поддержке, а также от типа перераспределительных институтов, характерных для страны его проживания, субъективный запрос индивида на государственную социальную поддержку остается связан с его базовыми ценностями.*

Направления связей между ценностями и запросом на государственную социальную поддержку в регрессионных моделях такие же, как и по результатам корреляционного анализа. Чем сильнее выражено предпочтение ценностей Сохранения ценностям Открытости, тем большую ответственность за социальную поддержку человек возлагает на государство (модели М1 и М3). Чем сильнее выражено предпочтение ценности Самоутверждения ценностям Заботы (или чем слабее предпочтение Заботы Самоутверждению), тем требования к государству ниже (модели М2 и М4). Таким образом, подтверждается, во-первых, что обращенные к государству требования со-

**Таблица 6. Коэффициенты линейной регрессии (В)
для пяти уравнений множественной линейной регрессии**

	Модель М1	Модель М2	Модель М3	Модель М4	Модель М5
Ценностные предпочтения					
Сохранение – Открытость (С-О)	0,18***		0,25***		0,13***
Самоутверждение – Забота (С-З)		-0,19***		-0,20***	-0,13***
Тип социального государства (постсоциалистический тип – контрольная группа)					
Фамилиаристический	0,09*	0,00	0,15**	-0,09	-0,84***
Либеральный	-0,62***	-0,82***	-0,56***	-0,67***	-1,08***
Консервативный	-0,74***	-1,00***	-0,69***	-0,88***	-1,14***
Социал-демократический	-0,42***	-0,66***	-0,38***	-0,68***	-1,38***
Взаимодействие: ценностное предпочтение * тип социального государства (С-О * постсоциалистический – контрольная группа)					
С-О * Фамилиаристический			-0,10**		
С-О * Либеральный			-0,17***		
С-О * Консервативный			-0,14***		
С-О * Социал-демократический			-0,13***		
Взаимодействие: ценностное предпочтение * тип социального государства (С-З * постсоциалистический – контрольная группа)					
С-З * Фамилиаристический				-0,10**	
С-З * Либеральный				0,11**	
С-З * Консервативный				0,07*	
С-З * Социал-демократический				-0,01	
Пол (женщины – контрольная группа)					
Мужчины	-0,11***	-0,10***	-0,10***	-0,10***	-0,07**
Основное занятие (работающие без опыта безработицы – контрольная группа)					
Работающие с опытом безработицы	0,17***	0,12**	0,18***	0,11**	0,14***
Учащиеся	0,08	0,00	0,09	0,00	0,09
Неработающие	-0,07	-0,09*	-0,06	-0,08	-0,05
Пенсионеры, инвалиды	0,08*	0,11***	0,08*	0,12***	0,03
Самооценка материального положения семьи, номинальная шкала («жить на такой доход очень трудно» – контрольная группа)					
«Довольно трудно»	-0,28***	-0,27***	-0,26***	-0,27***	
«Дохода нам в принципе хватает»	-0,54***	-0,57***	-0,51***	-0,58***	
«Живем, не испытывая материальных затруднений»	-0,74***	-0,82***	-0,72***	-0,83***	
Самооценка материального положения семьи (4-балльная порядковая шкала)					-0,39***
Взаимодействие: Самооценка материального положения семьи (упорядоченная шкала) * Тип социального государства (Самооценка * постсоциалистический – контрольная группа)					
Самооценка материального положения * Фамилиаристический					0,35***
Самооценка материального положения * Либеральный					0,14**
Самооценка материального положения * Консервативный*					0,12**
Самооценка материального положения * Социал-демократический					0,28***
Константа	8,41***	8,43***	8,34***	8,42***	8,90***
R²	0,125	0,123	0,127	0,125	0,136

Примечание. * Коэффициент значим при $p < 0,05$; ** коэффициент значим при $p < 0,01$; *** коэффициент значим при $p < 0,001$.

Регрессионные модели построены для населения 29 европейских стран и различаются набором независимых переменных, $N=56751$; зависимая переменная — индекс запроса на государственную социальную поддержку.

**Таблица 7. Коэффициенты линейной регрессии (В)
для эффекта взаимодействия между ценностями и типами
социальных государств при разных контрольных группах**

Тип социального государства, сравниваемый с контрольной группой	Тип социального государства, выступающий в качестве контрольной группы				
	Постсоциалистический	Фамилиаристический	Либеральный	Консервативный	Социал-демократический
Взаимодействие типа социального государства с ценностным предпочтением «Сохранение – Открытость»					
Постсоциалистический		0,1**	0,17***	0,14***	0,13***
Фамилиаристический	-0,1**		0,07	0,04	0,03
Либеральный	-0,17***	-0,07		-0,03	-0,04
Консервативный	-0,14***	-0,04	0,03		-0,01
Социал-демократический	-0,13***	-0,03	0,04	0,01	
Взаимодействие типа социального государства с ценностным предпочтением «Самоутверждение – Забота»					
Постсоциалистический		0,10**	-0,11**	-0,07*	0,01
Фамилиаристический	-0,10**		-0,21***	-0,18***	-0,09**
Либеральный	0,11**	0,21***		0,04	0,12***
Консервативный	0,07*	0,18***	-0,04		0,08**
Социал-демократический	-0,01	0,09**	-0,12***	-0,08**	

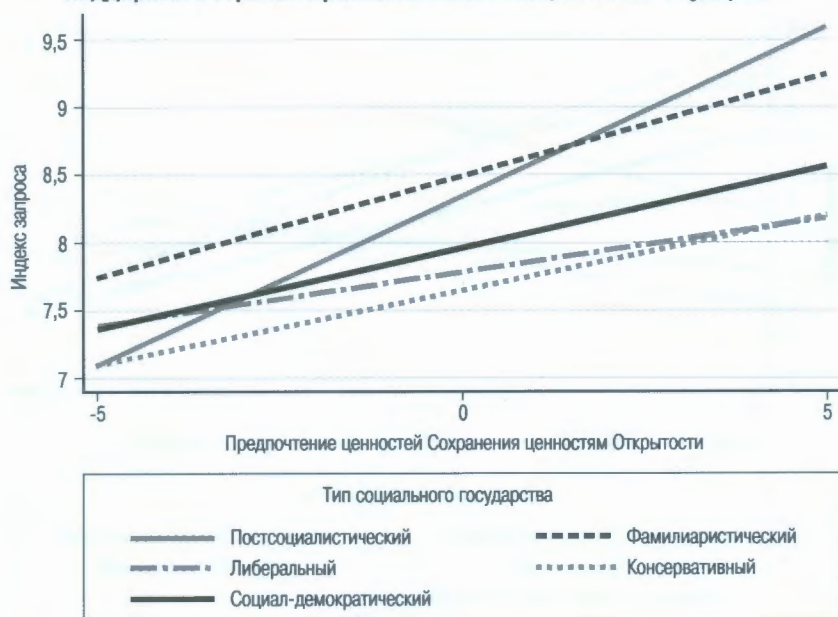
Примечание. * Коэффициент значим при $p < 0,05$; ** коэффициент значим при $p < 0,01$; *** коэффициент значим при $p < 0,001$.

Модели построены для населения 29 европейских стран, $N=56751$. Зависимая переменная — индивидуальные значения *индекса запроса*, независимые переменные — те же, что в моделях М3 и М4 таблицы 6.

циальной поддержки повышаются по мере усиления ценностей безопасности и социальной зависимости («Сохранение») и ослабления соответствующих «контрценностей» самостоятельности и риска («Открытость изменениям»). Во-вторых, подтверждается также, что эти требования повышаются по мере усиления приверженности альтруистическим ценностям Заботы о людях и природе и снижаются по мере усиления соответствующих «контрценностей» («Самоутверждение»), в которых выражается стремление человека не отдавать бесплатно другим то, на что он может претендовать сам.

Существует ли разница между воздействием ценностей на запрос в странах с разным типом социального государства? Чтобы ответить на этот вопрос, мы добавили в модели эффект взаимодействия (интеракции) ценностей и типов социальных государств (модели М3 и М4). В обеих моделях в качестве контрольной группы были выбраны взаимодействия ценностей с постсоциалистическими странами. Почти все (с одним исключением) регрессионные коэффициенты при интеракциях оказались статистически значимыми, что указывает на то, что влияние ценностей на адресованные государству запросы о социальной поддержке в постсоциалистических странах отличается от влияния ценностей на эти запросы в других группах стран. Исключением

Рисунок 5. Влияние величины предпочтения ценностей Сохранения ценностям Открытости на индекс запроса государственной социальной поддержки в странах с разными типами социальных государств*

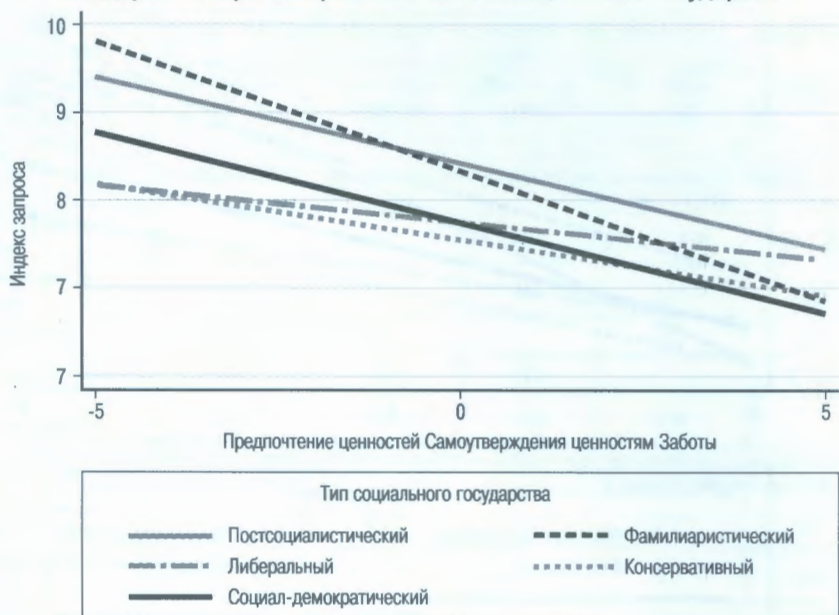
Примечание. * По результатам множественного регрессионного анализа, модель №3.

являются страны социал-демократического типа, где влияние предпочтений «Самоутверждение — Забота» на адресованный государству запрос такое же, как в постсоциалистических странах.

Чтобы посмотреть, отличается ли влияние базовых ценностей на индекс запроса в странах с разным типом социального государства, в дополнение к моделям М3 и М4 мы рассчитали еще несколько регрессионных моделей с тем же набором переменных. В моделях М3 и М4 контрольной группой были интеракции, в которых участвовали постсоциалистические страны. Дополнительные же модели отличаются от М3 и М4 тем, что для интеракций «ценностные предпочтения * тип социального государства» были последовательно выбраны разные контрольные группы. В таблице 7 представлены регрессионные коэффициенты при указанных интеракциях в моделях с разными контрольными группами (регрессионные коэффициенты при других входящих в модели независимых переменных в таблице 7 не приводятся, поскольку они не отличаются от коэффициентов, приведенных в таблице 6). Таким образом мы получили возможность сравнить влияние ценностей на индекс запроса попарно в группах стран во всех пяти типах социальных государств.

Результаты всех этих парных сравнений показывают, что характер влияния ценностных предпочтений «Сохранение — Открытость» на индекс запроса в фамилиаристических, социал-демократических, либеральных и консервативных странах является одинаковым. В постсоциалистических же странах, как уже отмечалось, он значительно отличается и выражается это отличие в более резкой разнице в адресованных государству запросах у людей с разной выраженностью предпочтений ценностей Сохранения ценностям Открытости.

Рисунок 6. Влияние величины предпочтения ценностей Самоутверждения ценностям Заботы на индекс запроса государственной социальной поддержки в странах с разными типами социальных государств*

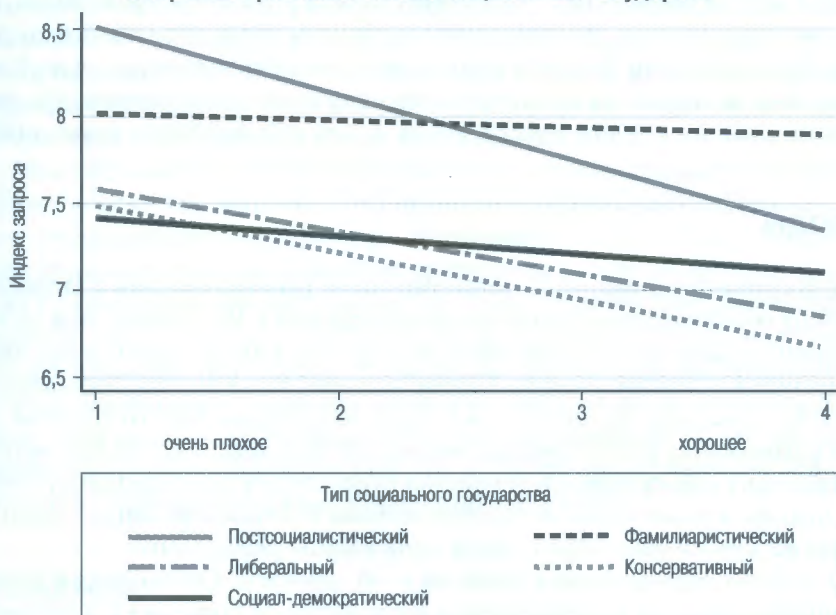

Примечание. * По результатам множественного регрессионного анализа, модель №4.

Что касается ценностных предпочтений «Самоутверждение — Забота», то попарные сравнения разных интеракций показывают, что влияние этих предпочтений на индекс запроса более дифференцировано по типам стран. Значимые отличия существуют не только у постсоциалистических стран с тремя другими типами, но и у семейно-ориентированных стран со всеми остальными, а также у стран с социал-демократическим типом социального государства тоже с тремя другими типами стран.

Рассматриваемые взаимодействия графически отражены на рисунках 5 и 6 и подкреплены оценками статистической значимости, приведенными в таблицах 6 и 7. Из рисунка 5 следует, что влияние ценностных предпочтений «Сохранение — Открытость» на требование к социальной поддержке во всех группах стран одинаково по направлению, но более выражено в постсоциалистических странах, чем в остальных группах стран, между которыми, в свою очередь, нет статистически значимых различий по силе влияния ценностей. Из рисунка 6 следует, что влияние ценностных предпочтений «Самоутверждение — Забота» на требования к государственной социальной поддержке во всех группах стран одинаково по направлению. В то же время максимальное влияние этих ценностных предпочтений наблюдается в странах семейно-ориентированного типа, значительно меньшее по силе влияние — в постсоциалистических странах и странах с социал-демократическим типом социальной политики, и наименьшее в странах либерального и консервативного типа. Внутри двух последних групп стран нет статистически значимых различий по силе рассматриваемого влияния.

Рисунок 7. Влияние самооценки материального положения на индекс запроса на государственную социальную поддержку в странах с разными типами социальных государств*

Примечание. * По результатам множественного регрессионного анализа, модель №5.

Таким образом, ценности «Открытости — Сохранения» оказываются более «влиятельны» в отношении запросов населения на государственную социальную поддержку в постсоциалистических странах, а ценности «Заботы — Самоутверждения» — в фамилиаристических странах. Возможно, это объясняется менее устоявшейся институциональной структурой, менее прозрачными правилами (пере)распределения социальной помощи и поддержки в этих двух типах стран. Отсутствие информации о социальных услугах, с одной стороны, и источниках их финансирования — с другой, делает запрос на государственную социальную поддержку более подверженным влиянию ценностей и субъективного представления о должном. Не случайно именно в этих двух категориях стран запрос сильнее детерминирован «фискальной иллюзией», которая как раз и оставляет больше простора для влияния субъективных представлений о желаемом и должном [Г.А.Монусова, 2012].

Значимым фактором, связанным с запросом на государственные социальные гарантии, является самооценка материального положения. Мы построили еще одну модель для того чтобы показать, что влияние материального статуса на запрос тоже меняется в зависимости от институциональных особенностей стран (модель М5 в таблице 6). В эту модель мы включили эффект взаимодействия самооценки материального положения и типа социального государства. Как видно из рисунка 7, связь самооценки материального положения и представления о социальной ответственности государства снова наиболее заметна в постсоциалистических странах. Она несколько слабее в странах либерального и консервативного типов (нет статистически значимых отличий) и практически отсутствует в фамилиаристических и соци-

ал-демократических странах. При истолковании данного результата стоит иметь в виду, что речь идет о влиянии самооценки человеком своего дохода, а, как и всякая самооценка, она тесно связана с уровнем притязаний, т.е. с желаниями человека. В таком случае мы можем снова объяснить большую влияние этого фактора в постсоциалистических странах их более «рыхлой» институциональной структурой, оставляющей больше простора для фискальной иллюзии и основанных на ней субъективных пожеланий.

ВЫВОДЫ

1. В статье показано, что базовые ценности значимо связаны с запросами людей на государственную социальную поддержку. Во-первых, между этими переменными существуют парные корреляционные связи, и эти связи статистически значимы как по Европе в целом, так и внутри большинства европейских стран. Во-вторых, в рамках общеевропейского массива эти связи сохраняются и при контроле социально-демографических показателей (отражающих «объективную» зависимость респондентов от государственной поддержки), а также типа институционального устройства социального государства, характерного для страны проживания респондента.

2. Как и предполагалось (*гипотезы 1—4*), ценности Сохранения и Заботы повышают запрос на государственную социальную поддержку, а ценности Открытости и Самоутверждения его понижают. Соответственно запрос на государственную социальную поддержку растет по мере того, как усиливается *предпочтение* ценностей Сохранения ценностям Открытости, а также ценностей Самоутверждения ценностям Заботы (или ослабевает предпочтение Открытости Сохранению и Заботы — Самоутверждению). Указанные направления взаимосвязей имеют место как внутри каждой европейской страны в отдельности, так и внутри страновых групп и в Европе в целом.

Полученные результаты показывают, что обращение людей за государственной социальной поддержкой имеет два разных ценностных источника — личный и исходящий из интересов окружающих. Ответственность на государство в большей мере возлагают те, кто свою *личную* жизнь строит в расчете на поддержку со стороны социального окружения (ценности Сохранения), а также те, кого волнует судьба *других* людей, и кто поэтому считает необходимым оказание им государственной поддержки (ценности Заботы).

Точно так же два ценностных источника имеет и сдержанность человека в запросах на социальную поддержку государства. Уменьшать ответственность государства за социальную поддержку населения предрасположены те, кто больше рассчитывает на свои собственные силы (и привержен ценностям Открытости изменениям), и те, кто в большей степени нацелен на собственное благополучие (и привержен ценностям Самоутверждения), а потому не хочет, чтобы ресурсы, на которые он может претендовать, передавались другим.

3. В целом подтвердилась и гипотеза о влиянии типа институционального устройства социального государства на характер взаимосвязей между базовыми ценностями и запросами на государственную социальную поддержку. Как и ожидалось, указанные взаимосвязи оказались более тесными в постсоциалистических и фамилиаристических странах, но результат отличается в зависимости от того, о каких базовых ценностях идет речь.

Влияние на социальные запросы со стороны ценностных предпочтений «Сохранение — Открытость изменениям» в постсоциалистических странах сильнее, чем в четырех других группах стран, причем последние по силе этих влияний не различаются. Что же касается ценностных предпочтений «Самоутверждение — Забота о людях и природе», то их влияние наиболее выражено в фамилиаристических (средиземноморских) странах, но и другие группы стран различаются по силе этих влияний.

Мы связываем большую выраженность влияния ценностей на адресованные государству запросы с требованиями социальной поддержки с тем, что в постсоциалистических и фамилиаристических странах действуют менее прозрачные правила (пере)распределения социальной помощи и поддержки в сравнении с институционально более продвинутыми европейскими странами, относящимися к либеральному, консервативному или социал-демократическому типу устройства социального государства. Недостаточно четкие правила предоставления социальных услуг и недостаточная информированность людей об источниках их финансирования делают запрос на государственную социальную поддержку более подверженным влиянию ценностей и субъективных представлений о должном.

ЛИТЕРАТУРА

- Магун, В., Руднев, М. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 93 (1). С. 33—58.
- Магун, В., Руднев, М. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики. 12. С. 107—130.
- Монусова, Г. (2012). Спрос населения на государственную социальную политику: сравнение европейских стран // Вопросы экономики. 1. С. 127—151.
- Пирсон, К. (2010). Страны поздней модернизации и развитие государства всеобщего благосостояния // SPERO. 12. С. 53—90.
- Салмина, А. (2012). Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // Мир России. 21 (3). С. 133—164.
- Уилан, К., Мэтр, Б. (2011). Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе // SPERO. 15. С. 193—216.
- Arts, W., & Gelissen, J. (2002). Three worlds of welfare capitalism or more? A state-of-the-art report. *Journal of European Social Policy* 12, № 2, 137—158.
- Bambra, C. (2007). Going beyond The three worlds of welfare capitalism: regime theory and public health research. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 61 (12), 1098—1102.
- Bonoli, G. (1997). Classifying Welfare States: A Two-dimension Approach. *Journal of Social Policy*, 26 (3), 351—372.
- d'Anjou, L., Steijn, A., & van Aarsen, D. (1995). Social Position, Ideology, and Distributive Justice. *Social Justice Research* (8), 351—384.
- Deutsch, M. (1975). Equity, Equality, and Need: What Determines Which Value Will Be Used as the Basis of Distributive Justice? *Journal of Social Issues*, 31 (3), 137—149.
- Einhorn, E., & Logue, J. (2003). *Modern Welfare States: Scandinavian Politics and Policy in the Global Age*. Greenwood Publishing Group.
- Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton N.J.: Princeton University Press.

- Fenger, H.* (2007). Welfare regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating post-communist countries in a welfare regime typology. *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, 2 (3), 1—30.
- Ferge, Z.* (2008). Is There a Specific East-Central European Welfare Culture? In W. van Oorschot, M. Opielka, & B. Pfau-Effinger (Eds.), *Culture and Welfare State: Values and Social Policy in Comparative Perspective* (pp. 141—161). Cheltenham, U.K. and Northampton, Mass.: Elgar.
- Ferrera, M.* (1996). The «Southern Model» of Welfare in Social Europe. *Journal of European Social Policy*, 6 (1), 17—37.
- Fraser, D.* (1973). *The evolution of the British Welfare State; a history of social policy since the Industrial Revolution*. New York: Barnes & Noble.
- Gevers, J., Gelissen, J., Arts, W., & Muffels, R.* (2000). Public health care in the balance: exploring popular support for health care systems in the European Union. *International Journal of Social Welfare*, 9 (4), 301—321.
- Hochschild, J. L.* (1981). *What's fair?: American beliefs about distributive justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Jakobsen, G.* (2011). Welfare Attitudes and Social Expenditure: Do Regimes Shape Public Opinion? *Social Indicators Research*, 101 (3), 323—340.
- Kangas, O.* (1997). Self-interest and the common good: The impact of norms, selfishness and context in social policy opinions. *Journal of Socio-Economics*, 26 (5), 475—494.
- Cluegel, J. R., & Mateju, P.* (1995). Egalitarian vs. Inegalitarian Principles of Distributive Justice. In J. R. Cluegel, D. S. Mason, & B. Wegener (Eds.), *Social justice and political change: public opinion in capitalist and post-communist states* (pp. 209—238). New York: Transaction Publishers.
- Leibfried, S.* (1992). Towards a European welfare state? On Integrating Poverty Regimes into the European Community. In Z. Ferge, & J. E. Kolberg (Eds.), *Social Policy in a Changing Europe*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Lipset, S. M.* (1963). *Political Man; the Social Bases of Politics*. Garden City, N.Y.: Doubleday.
- Luhmann, N.* (1990). *Political Theory in the Welfare State*. Berlin: Walter De Gruyter Inc.
- Magun, V. Rudnev, M., Schmidt, P.* (2012). Within and Between-country Value Diversity in Europe: Latent Class Analysis. Working paper of Basic research program of the National Research University Higher School of Economics. Series: Sociology, WP.BRP 06/SOC/2012.
- McClosky, H., & Zaller, J.* (1984). *The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Reeskens, T., & van Oorschot, W.* (2011). Equity, Equality or Need? Explaining Preferences towards Welfare Redistribution Principles across 23 European Countries. Valencia, 8—10 September.
- Schwartz, S.* (1994). Are There Universal Aspects in the Content and Structure of Values? *Journal of Social Issues* 50 (4), 19—45.
- Schwartz, S.* (2005). Human Values. European Social Survey EDUNET [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://essedunet.nsd.uib.no/cms/topics/1/>, свободный. Последнее обращение 14 сентября 2012 г.
- Schwartz, S. H.* (1992). Universals in content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (pp. 1—65). New York: Academic Press.
- Schwartz, S. H., Melech, G., Lehmann, A., Burgess, S., Harris, M., & Owens, V.* (2001). Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement. *Journal of Cross Cultural Psychology*, 32 (5), 519—542.
- Schwartz, S., Lehmann, A., & Roccas, S.* (1999). Multimethod Probes of Basic Human Values. *Social Psychology and Culture Context: Essays in Honor of Harry C. Triandis*. Newbury Park (CA).

- Svallfors, S.* (1991). The politics of welfare policy in Sweden: structural determinants and attitudinal cleavages. *British Journal of Sociology*, 42 (4), 609—634.
- Svallfors, S.* (2004). Class, Attitudes and the Welfare State: Sweden in Comparative Perspective. *Social Policy & Administration*, 38 (2), 119—138.
- Svallfors, S.* (2006). *The Moral Economy of Class: Class and Attitudes in Comparative Perspective*. Stanford (Ca): Stanford University Press.
- Svallfors, S.* (Ed.). (2012). *Contested Welfare States. Welfare Attitudes in Europe and Beyond*. Stanford (Ca): Stanford University Press.
- van Oorschot, W.* (2010). Public perceptions of the economic, moral, social and migration consequences of the welfare state: an empirical analysis of welfare state legitimacy. *Journal of European Social Policy*, 20 (1), 19—31.
- van Oorschot, W., & Meuleman, B.* (2012). Welfare Performance and Welfare Support. In S. Svallfors (Ed.), *Contested Welfare States. Welfare Attitudes in Europe and Beyond*. Stanford (Ca): Stanford University Press.
- Welzel, C.* (2010). How Selfish Are Self-Expression Values? A Civicness Test. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 41 (2), 152—174.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Иерархия ценностных показателей Ш. Шварца

Ценностные предпочтения	Ценностные категории	Ценностные индексы	Исходные высказывания, предлагавшиеся респондентам
Предпочтение ценностей Сохранения ценностям Открытости	Сохранение	Безопасность	Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности.
			Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан.
		Конформность	Он убежден, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит.
			Для него важно всегда вести себя правильно. Он старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить
		Традиция	Для него очень важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание.
			Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным обычаям.
	Открытость изменениям	Самостоятельность	Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом.
			Для него важно принимать самому решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других.
		Рискованность	Ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что для него в жизни важно попробовать много разного.
			Он ищет приключений, и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью.
		Гедонизм	Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать.
			Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно заниматься тем, что доставляет ему удовольствие.
Предпочтение ценностей Самоутверждения ценностям Заботы	Самоутверждение	Достижение	Для него важно показать свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает.
			Для него очень важно быть очень успешным. Он надеется, что люди признают его достижения.
		Власть-богатство	Для него важно быть богатым. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей.
			Для него важно, чтобы его уважали. Он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет.
	Забота о людях и природе	Благожелательность	Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии.
			Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям.
		Универсализм	Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни.
			Для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него, людей. Даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения. Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде.

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОСКВЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Кириллов П. Л., старший научный сотрудник, географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
Махрова А. Г., к. г. н., ведущий научный сотрудник, географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Динамичность социально-демографического развития Москвы в течение последних десятилетий вызывает повышенный интерес к процессам воспроизводства населения российской столицы. Уникальность современного исторического, геополитического, макроэкономического статуса Москвы определила ряд специфических черт трансформации демографического развития города, не укладывающихся в типовые модели демографического развития крупнейших городов мира. Стремительный рост численности населения сказался на изменении позиций города в масштабах макрорегиональных и региональной систем расселения, отразился на деформации закономерностей внутригородской пространственной дифференциации демографических процессов. В данной статье авторы поставили перед собой задачу сформировать полную картину трансформации демографической ситуации в российской столице, связав между собой разномасштабные факторы и закономерности наблюдаемых изменений в воспроизводстве населения Москвы.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Москва в мире

Современная Москва — один из крупнейших и наиболее плотно населенных городов мира (11,6 млн чел. и 10,6 тыс. чел./км², по данным 2012 г.). По режиму воспроизводства населения российская столица ближе к европейским метрополиям, но по численности населения и его плотности она тяготеет к перенаселенным столичным центрам развивающихся стран с характерными для них проблемами качества городской среды. Москва хотя и уступает по плотности населения таким городам, как Мумбаи, Богота, Лима, но сравнима с Тегераном, Киншасой и Манилой. По площади Москва близка к крупнейшим городам развитого мира — например, Берлину и Нью-Йорку, а также к таким столичным регионам, как Большой Париж и Большой Лондон, при этом численность населения российской столицы значительно больше.

Переход к более корректному сравнению с городами и их столичными регионами, близкими по площади, показывает, что плотность населения в Москве и Нью-Йорке почти одинакова, но почти на четверть выше, чем в Большом Париже (Париж и Малая корона муниципалитетов) и в 2,7 раза выше, чем в Берлине. В то же самое время центр Нью-Йорка (Манхеттен) при сопоставимой площади заселен в 2,5 раза плотнее, чем территория Цен-

трального административного округа Москвы. В целом, метрополисы разных стран и их регионы значительно различаются по площади, численности и плотности населения, и параметры Москвы не являются особенными или даже критическими для качества жизни в городе, хотя в российском медиапространстве и профессиональном сообществе высокую плотность населения традиционно отождествляют с перенаселенностью и связанными с ней проблемами. Однако, как показали недавние исследования Дж. Джекобс, высокая плотность населения является одним из слагаемых городского разнообразия, будучи ключевым условием развития полноценных городских сообществ (коммьюнити) [Джекобс, 2011].

Социально-экономический потенциал, который Москва сконцентрировала за годы рыночных реформ, позволил ей не только закрепиться в роли наиболее мощного центра на постсоветском пространстве, но и увеличить свою значимость в глобальном мире, войдя в первую двадцатку мировых городов.¹ Это означает, что основные тенденции ее демографического развития, несмотря на сохраняющуюся роль фактора унаследованного развития, постепенно сближаются, причем довольно причудливым образом, когда Москва начинает походить на крупнейшие мегаполисы как Европы и Америки, так и развивающихся стран.

Москва в России

Значительный отрыв Москвы по уровню социально-экономического развития от остальных российских городов привел к резкому увеличению ее привлекательности и быстрому росту численности населения, хотя опережающий рост людности столицы был генеральной тенденцией всего прошедшего столетия, несмотря на предпринимавшиеся попытки его сдерживания. Так, с конца XIX века население города увеличилось в 11 раз, хотя население России за это время успело только удвоиться.

В последние два десятилетия траектории динамики численности населения страны, большинства ее городов и Москвы стали расходиться. Население РФ и 70% ее городов сокращалось, в то время как Москва продолжала расти очень высокими темпами, что привело к еще большему увеличению ее доли в населении страны, подчеркивая глобальную тенденцию нарастания пространственной неравномерности в развитии (удельный вес столицы в российском населении достиг 8,6%, а вместе с Московской областью — 13%).

В начале XX века столица по размерам своего демографического потенциала уступала Подмоскovie. Однако в 1930-е гг., укрепив свой столичный статус за счет притока мигрантов и расширения границ, Москва стала расти быстрее Подмоскovie, постепенно наращивая свой отрыв от области как по численности населения, так и по доле в населении Московской агломерации (табл. 1).

На фоне сильной депопуляции всех областей Центральной России Москве удастся демонстрировать непрерывный рост демографического потенциала.

¹ В рейтинге, составляемом бюро GaWC («Глобализация и мировые города») во главе с Питером Тейлором, учитываются 4 индикатора, характеризующие основные услуги, предоставляемые городом в глобальном контексте: бухгалтерские, рекламные, банковско-финансовые и юридические (The World According to GaWC). Если в начале—первой половине 2000-х гг. российская столица входила в категорию бета-городов (34 и 37 место в 2000 и 2004 гг.), то к концу десятилетия она переместилась в категорию альфа-городов, заняв 12 позицию в 2008 г. и 17 — в 2010 г.

Таблица 1. Динамика численности населения
Москвы и Московской области

Годы	Численность населения (тыс. чел.)		Доля в общей численности населения РФ, процент		
	Москва	Московская область	Москва	Московская область	Москва и Московская область
1926	2101	2587	2,3	2,8	5,1
1939	4609	4188	4,3	3,9	8,2
1959	6134	4816	5,2	4,1	9,3
1970	7148	5611	5,5	4,3	9,8
1979	8057	6208	5,9	4,5	10,4
1989	8876	6646	6,0	4,5	10,9
2002	10383	6619	7,2	4,6	11,8
2010	11468,3	7092,9	8,1	5,0	13,1
2011	11551,9	7106,2	8,1	5,0	13,1
2012	11612,9	7198,7	8,1	5,0	13,1

Примечание. Данные приводятся в границах на соответствующую дату.

Источники: Москва в цифрах. 1985, 1985; Московская область в цифрах. 1986, 1986; Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Сводный том. 2004; Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения. 2012; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2012 года. 2012.

За период с 1989 по 2012 гг. ее людность увеличилась на 2,7 млн чел., а среднегодовые темпы демографического роста были даже выше, чем в конце советского периода. При этом в течение межпереписных периодов данные текущей статистики показывали убыль или стабилизацию населения, а переписи — ее резкое увеличение, что в значительной степени связано с недоучетом миграций. По данным ГУВД г. Москвы, численность приезжих, которые зарегистрированы по месту пребывания, но не учитываются текущей статистикой, составляет свыше 1 млн чел. Одновременно многие граждане долгое время проживают в столице без регистрации и «невидимы» для статистики. Все это приводит к значительным расхождениям между численностью постоянного и временного населения столицы и к значительным расхождениям между текущей численностью населения и данными переписей.

Из-за проблем учета мигрантов результаты переписи населения 2010 г. были вполне ожидаемы, однако актуальными остаются вопросы об адекватности полученных данных, которые возникли еще в связи с переписью населения 2002 г. из-за масштабных приписок. Так, оценки ожидаемой продолжительности предстоящей жизни и расчета стандартизованных коэффициентов смертности от новообразований в Москве, Московской области и 7 соседних областей, проведенные Е. М. Андреевым, Е. А. Квашой и Т. Л. Харьковской, показали, что перепись 2002 г. завысила численность населения Москвы [Население России..., 2006]. Проверка объективности данных по Москве, полученных в результате переписи 2010 г., более тонкими структурно-балансными методами также показывает, что они по-прежнему вызывают массу вопросов [Мкртчян, 2011а; Мкртчян, 2011б; Денисенко, Степанова, 2012]. Об этом же свидетельствуют и результаты анализа данных переписи населения 2010 г. в разрезе административных округов и районов Москвы, причем переход на внутригородской уровень еще сильнее подчеркивает ее недостатки. Так, например, в ряде муниципальных районов (в том числе достаточно крупных по численности населения) в младших возрастных группах численность девочек превышает число мальчиков (например, Тимирязевский, Якиманка). Эффект «круглых дат» в виде значительных выступов на возрастно-половых пирамидах отдельных возрастных когорт (особенно тридцати- и пятидесятилетних возрастов) заметен в разрезе округов и районов города.

Для Москвы, как и для других крупнейших столиц мира, характерно существенное превышение численности населения, сконцентрированного здесь в дневное время над численностью постоянного населения.² Анализ численности дополнительных групп дневного московского населения показывает, что со временем происходит их устойчивый рост: в начале 1970-х гг. дополнительное население Москвы оценивалось в 1,3 млн чел., в середине 1980-х гг. достигало свыше 1,6 млн чел., в настоящее время — порядка 2,5—3,0 млн чел., составляя около четверти численности постоянного населения столицы. Причем самую значительную группу дополнительного населения составляют трудовые маятниковые мигранты, количество которых достигает более 1,3 млн чел. Основными местами концентрации дневного населения являются центральные части города, где сосредоточена значительная часть предприятий и учреждений столицы, что увеличивает численность дневного населения Центра более чем в 4 раза.

Российская столица всегда была городом с высокой плотностью населения, хотя ее пиковые значения в 1897, 1939 и 1959 гг. намного превышают современный уровень. При этом разуплотнение каждый раз достигалось за счет расширения границ города, а не в результате процессов субурбанизации, как это происходило в ядрах агломераций экономически развитых стран. После достижения своего исторического пика к 1959 г. (17,2 тыс. чел./км²) и последовавшего за этим увеличения площади территории города в 2,5 раза плотность населения в Москве, несмотря на продолжавшийся рост населения, колебалась в пределах от 8,0 до 10,7 тыс. чел./км² при значительных вариациях по отдельным муниципальным районам города. До принятого в 2010 г. решения об очередном расширении Москвы за пределами МКАД было расположено около 19% территории, на которых проживало чуть более 10% населения города. С июля 2012 г. территория города опять, как и в 1960 г., возросла почти в 2,5 раза, а плотностные характеристики населения стали одними из самых низких. Однако само по себе это «традиционное» для Москвы увеличение территории вряд ли позволит решить проблемы качества городской среды, так же как и наиболее острые проблемы развития города и его пригородов, прежде всего транспортный коллапс на дорогах в пиковые часы нагрузок.

Внутригородской уровень

В течение постсоветского периода рост численности населения столицы происходил при одновременном увеличении людности всех административных округов города, однако динамика этого роста была неравномерной (табл. 2). В составе тройки округов-лидеров по численности населения Южный и Восточный сохранили свои позиции, а Юго-Западный в результате значительного увеличения численности своего населения оттеснил Северо-Восточный на четвертую позицию. Небольшой по территории и численности проживающего населения Зеленоград остался на последней десятой позиции, а Северо-За-

² Дневное население Москвы, как и любого другого мегаполиса, состоит из постоянно проживающих в нем жителей и дополнительного населения, которое включает в себя приезжих из городов и районов Московской и соседних областей с трудовыми и культурно-бытовыми целями и временное население (туристы, гости города, транзитные пассажиры, пациенты различных медицинских учреждений и др.).

Таблица 2. Основные характеристики расселения населения по административным округам Москвы

Административные округа	Численность населения, тыс. чел.		Доля в численности населения, процент		Плотность населения, чел./кв. км		Изменение численности населения за 1992–2011 гг., процент
	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	
Центральный	685,0 (8)	745,1 (9)	7,6	6,4	10355 (3)	11242 (5)	108,8 (10)
Северный	994,0 (4)	1118,3 (7)	11,0	9,7	8783 (4)	9879 (7)	112,5 (9)
Северо-Восточный	1134,7 (3)	1370,7 (4)	12,5	11,9	11131 (1)	13415 (1)	120,8 (7)
Восточный	1236,6 (2)	1463,8 (2)	13,6	12,7	7967 (6)	9428 (8)	118,4 (8)
Юго-Восточный	867,1 (8)	1318,1 (5)	9,6	11,4	7375 (7)	11259 (4)	152,0 (1)
Юго-Западный	980,3 (9)	1370,8 (3)	10,8	11,9	8573 (5)	12289 (3)	139,8 (3)
Южный	1385,7 (1)	1709,5 (1)	15,3	14,8	10779 (2)	13001 (2)	123,4 (6)
Западный	990,0 (5)	1303,6 (6)	10,9	11,3	7273 (8)	8491 (9)	131,7 (4)
Северо-Западный	622,7 (6)	927,4 (8)	6,9	8,0	6699 (9)	9988 (6)	148,9 (2)
Зеленоградский	171,7 (10)	224,6 (10)	1,9	1,9	4615 (10)	6037 (10)	130,8 (5)
Москва	9067,8	11551,9	100,0	100,0	8518	10588	127,4

Примечание. * В скобках указано место, занимаемое округом на соответствующую дату.

Источник: Официальные данные Мосгорстата по численности населения округов и районов города Москвы, пересчитанные по итогам переписи населения 2010 г.

падный округ отодвинул с восьмого на девятое место Центральный округ. Юго-Восточный округ, показавший максимальные темпы роста численности населения среди всех округов, значительно увеличил плотность и долю в общей численности населения (на 1,8%). Северо-Восточный округ по-прежнему остался наиболее плотно заселенной территорией города.

При отсутствии кардинальных подвижек в распределении населения по поясам районов³ разными темпами сокращается доля центральных и срединных районов и растет доля периферии, расположенной с внутренней и внешней сторон МКАД. «Новая периферия» (районы, расположенные за МКАД) выделяется наиболее высокими темпами роста численности населения (136,2%), однако плотность населения здесь продолжает оставаться самой низкой в городе. Именно в этих районах, так же как и на территориях «Новой Москвы», сосредоточен основной ресурс для застройки на перспективу и связанный с этим рост численности и доли населения в будущем. Однако при столь значительном росте удельный вес внешнего пояса в общих пропорциях расселения увеличился за двадцать лет на 4,8%. Вместе с очень незначительным изменением доли населения остальных поясов (от 0,4% до 2,8%) это говорит об устойчивости основных пропорций в расселении населения на территории Москвы (табл. 3).

³ Для более детального анализа изменений в пропорциях расселения населения в разрезе административных районов города выделено пять поясов (зон) районов: *центральный* (все районы ЦАО); *субцентральный* (12 районов — соседей первого порядка районов ЦАО, имеющих с ними непосредственные границы); *срединный* (соседи третьего-четвертого порядка районов центра); *периферийный* (в зависимости от размеров территории районов и их конфигурации — это один-три «слоя» районов, расположенных с внутренней стороны МКАД); *внешний* пояс (районы за границами МКАД).

Таблица 3. Динамика численности, удельного веса и плотности населения по поясам районов Москвы

Пояса районов	Численность населения, тыс. чел.		Доля в численности населения, процент		Плотность населения, чел./кв. км		Изменение численности населения за 1992-2011 гг., процент
	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	1992 г.	2011 г.	
Центральный	685 (4)	745,1 (5)	7,6 (4)	6,4 (5)	10355 (1)	11242 (2)	108,8 (5)
Субцентральный	804,1 (3)	880,8 (4)	8,9 (3)	7,6 (4)	9888 (2)	10099 (4)	109,5 (3)
Срединный	2499,1 (2)	2861,8 (2)	27,6 (2)	24,8 (2)	9456 (4)	10723 (3)	114,5 (3)
Периферийный	4577,9 (1)	5879,4 (1)	50,5 (1)	50,9 (1)	9804 (3)	12648 (1)	128,4 (2)
Внешний	501,7 (5)	1184,8 (3)	5,5 (5)	10,3 (3)	2484 (5)	6064 (5)	236,2 (1)
Москва в целом	9067,8	11551,9	100,0	100,0	8518	10588	127,4

Источник: Официальные данные Мосгорстата по численности населения округов и районов города Москвы, пересчитанные по итогам переписи населения 2010 г.

Сдвиги в расселении, даже еще более рельефно, могут быть оценены и через показатель плотности населения, динамика которого также демонстрирует, что рост людности Москвы происходит при его одновременном сдвиге к периферии города. Во внешнем поясе районов за МКАД плотность населения увеличилась более чем на 40%, а в периферийном поясе она стала максимальной среди выделенных зон. Тем не менее в центральных районах города селитебная функция по-прежнему сохраняется в значительных объемах. Плотность населения в центре, несмотря на концентрацию нежилых функций и преобладание среднеэтажной жилой застройки, выше аналогичного показателя в субцентральной и срединном поясах, а также по Москве в целом, что является следствием идущих здесь процессов джентрификации⁴ и реновации городской среды.

В целом, распределение плотности населения укладывается в общую закономерность ее снижения от центра к периферии, сопровождаемую проявлением волнового эффекта в виде небольшого понижения в субцентральной поясе и более значительного повышения в зоне внутренней периферии. Во внешнем поясе плотность населения все еще гораздо ниже, чем во внутренних районах столицы, хотя очевидно, что достижение ими общегородского уровня является вопросом времени.

Анализ территориальных пропорций расселения показывает, что при отсутствии значительных подвижек в распределении населения мода смещается в сторону внешнего пояса районов, которые растут максимальными, но постепенно замедляющимися темпами. Таким образом, в Москве рост численности населения происходит при децентрализации его внутреннего распределения.

Существующая система внутригородских миграционных перетоков населения не может быть точно и достоверно проанализирована, однако в целом можно говорить о формирующихся тенденциях усиления социальной сегрегации по линии запад-восток, накладывающихся на унаследованные центр-

⁴ Джентрификация (англ. *gentrification*) — реконструкция и обновление строений в прежде нефешенебельных городских кварталах либо согласно программе запланированного городского восстановления, либо в результате решений, принимаемых профессионалами и управляющими. Этот процесс иногда называют городской рециркуляцией. *Примеч. отв. ред.*

периферийные различия. Общие различия между центром и периферией, а также западом и востоком достаточно устойчивы, но по мере формирования современной географии престижности и нарастания процессов социальной пространственной поляризации районы центра и западных округов становятся все более престижными, а большинство районов Северо-Восточного, Восточного и Южного округов столицы все более четко позиционируются как непрестижные окраины с маргинальным населением [Вендина, 2009; Махрова, 2012]. Привлекательность восточных и Южного округов сильно снижается тем, что они становятся местом концентрации мигрантов, в том числе этнических, прежде всего из бывших республик Средней Азии и Закавказья со всеми вытекающими отсюда возможными последствиями [Вендина, 2005; Зайончковская, Мкртчян, 2009].

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Москва в мире

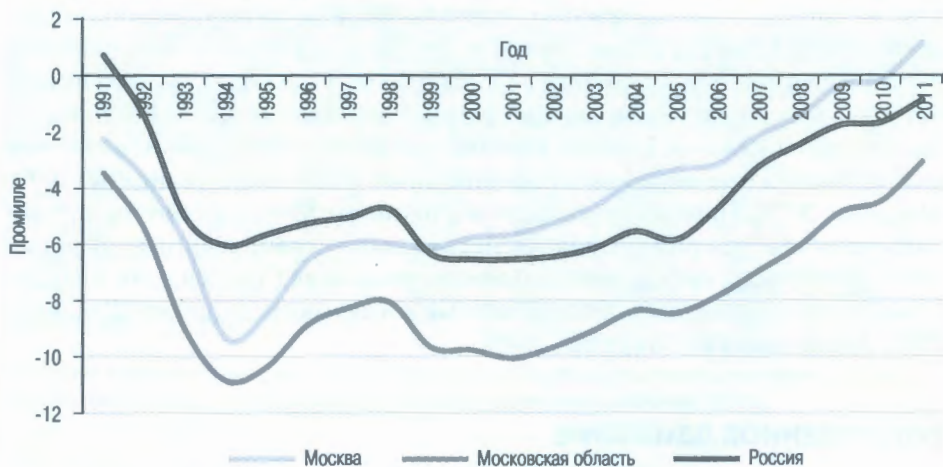
Показатели естественного движения населения столицы также не являются особенными или уникальными в мире. За счет положительных сдвигов последних лет Москва прошла от показателей убыли, характерных, например, для Румынии, к отметкам, близким к нулевым значениям, которые наблюдаются в Португалии или Италии. При этом общий коэффициент смертности в российской столице находится на уровне таких стран, как Португалия или Швеция, а общий коэффициент рождаемости близок к уровню Польши и Эстонии.

Более показательны сравнения значений суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни. Уровень рождаемости в Москве уже с конца 1950-х гг. опустился до уровня ниже 2 рождений на одну женщину: аналогичные тенденции наблюдаются и в других столичных городах развитых стран. Так, коэффициент суммарной рождаемости варьирует от 1,2 до 1,9 рождений на женщину в таких мировых городах, как Париж, Нью-Йорк, Лондон, при этом в некоторых крупнейших мегаполисах Азии он еще ниже — от 0,9 в Шанхае до 1,1 в Токио. Показатель ожидаемой продолжительности жизни, который является важным и точным индикатором состояния здоровья, качества населения и уровня жизни, в сравнении с городами развитых стран остается в Москве довольно низким (в общем он сопоставим с показателями таких стран, как Эстония или Словакия).

Москва в России

В советское время демографическая ситуация в Москве была более благоприятной по сравнению с остальными регионами Центра, так как постарение населения замедлялось многолетним притоком молодых мигрантов. В результате естественная убыль населения была впервые зафиксирована только в 1989 г., на одно-два десятилетия позже, чем в соседних регионах и за два года до начала радикальных экономических реформ. В постсоветский период Москва перестала отличаться от соседей, для нее характерны постарение населения, низкая рождаемость и довольно высокая смертность (исключение составляет небольшое число муниципалитетов) [Бабурин и др.,

Рисунок 1. Динамика коэффициента естественного прироста (убыли) населения

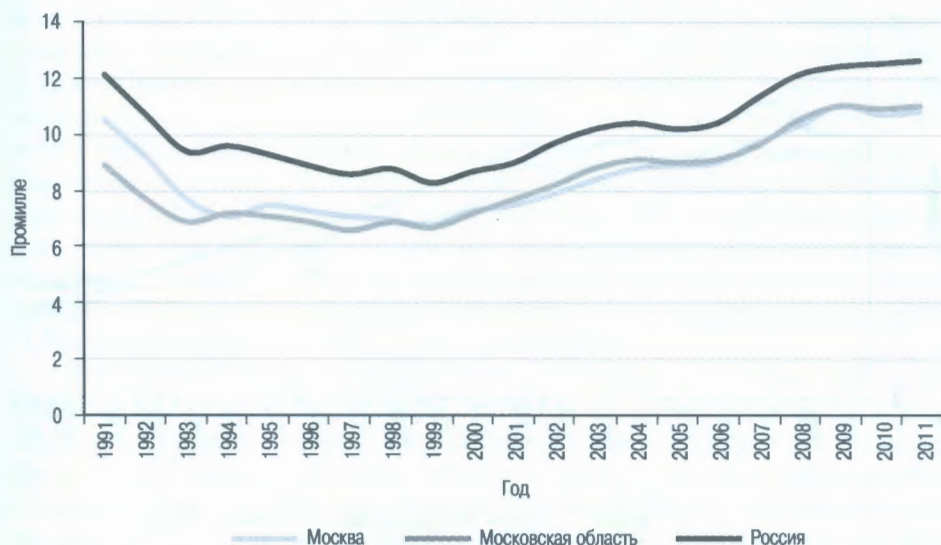
Источник: Демографический ежегодник России. 2002–2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002–2010.

2003; Molodikova, Makhrova, 2010]. Всего за 1989–2011 гг. естественная убыль в Москве превысила 1,0 млн чел., что составило 11% от общей численности населения города в 1989 г. С 2002 г. естественная убыль населения в Москве, как и в стране в целом, стала сокращаться (рис. 1). При этом в столице падение естественного прироста в первой половине 1990-х гг. было более глубоким, но с началом 2000-х гг. его параметры стали улучшаться быстрее, чем по стране в целом и по Московской области, вплотную подойдя к «нулевым» отметкам, а в 2011 г. даже превзошли их на 12 тыс. чел. (хотя насколько устойчивой окажется эта тенденция, покажет только время).

Экономический кризис 1990-х гг. практически «обрушил» рождаемость [Махрова, Перцик, 1998]. Вновь ее рост начался в 2000-е гг. и был обусловлен в основном действием демографических волн прошлого, улучшением экономической ситуации в стране и реализацией мер проводимой демографической политики, а также довольно развитой системой социальной поддержки семей с детьми в Москве (рис. 2). При этом показатели рождаемости хотя и повысились, но продолжают оставаться низкими. Сходную динамику, как и общий коэффициент рождаемости, имеет суммарный коэффициент рождаемости, который к 2009 г. вырос и составил 1,414. Тем не менее он почти вдвое ниже, чем необходимо даже для простого воспроизводства численности населения (первоначальные оценки показывают, что с учетом данных переписи 2010 г. он ниже и, вероятно, составляет около 1,25).

На фоне общероссийских тенденций динамики смертности в последние двадцать лет ситуация в Москве выглядит сравнительно благополучной [Денисенко и др., 2009]. Однако самые острые проблемы демографического развития столицы связаны именно с высокой смертностью, несмотря на то что произошло ее значительное снижение по сравнению с пиковыми кризисными показателями первой половины 1990-х гг., когда в 1994 г. был достигнут максимальный уровень смертности за весь постсоветский период (16,5‰). В 2000-е гг. он опустился ниже показателей конца советского периода, составив в 2010 г. 10,9‰ (рис. 3).

Рисунок 2. Динамика общего коэффициента рождаемости

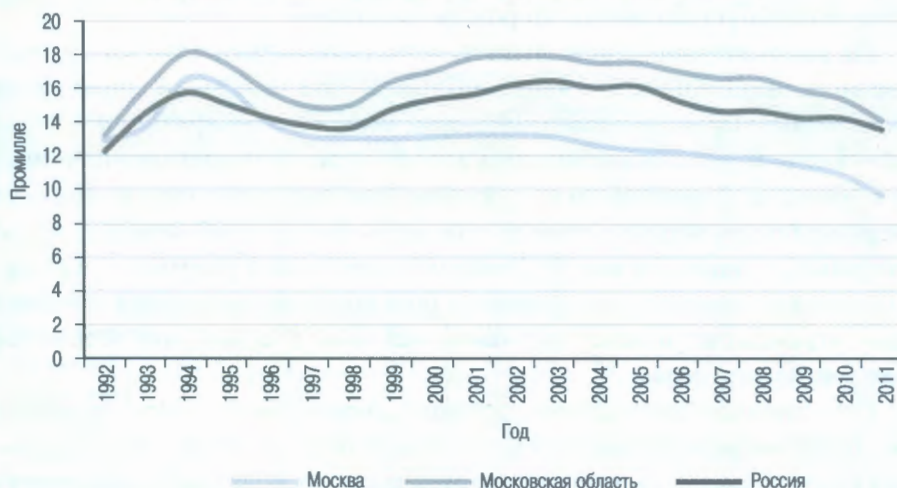

Источник: Демографический ежегодник России. 2002–2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002–2010.

Снижение смертности у мужчин происходило быстрее, чем у женщин, что привело к сокращению гендерных различий в ожидаемой продолжительности жизни при рождении с 10,75 лет в 2001 гг. до 8,28 лет в 2009 г. В 2000-е гг. этот показатель рос довольно быстро, превысив к середине периода максимальные показатели советского периода. Причем динамика ожидаемой продолжительности жизни в Москве близка к тенденциям, наблюдаемым в странах Восточной Европы, где она растет, начиная с 1990-х гг.

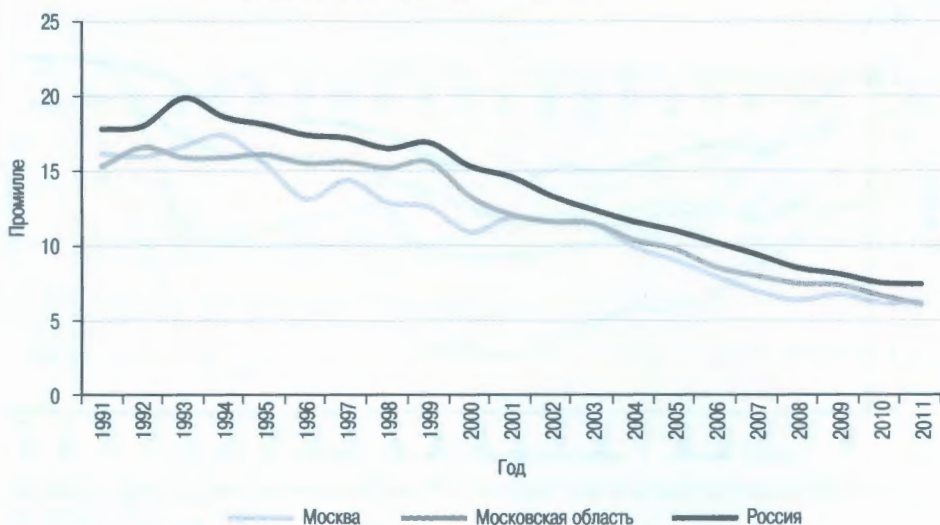
В кризисные 1990-е гг. среди причин смертности в Москве, как и в стране в целом, увеличилась роль экзогенных, или внешних, факторов (несчастные

Рисунок 3. Динамика общего коэффициента смертности

Источник: Демографический ежегодник России. 2002–2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002–2010.

Рисунок 4. Динамика коэффициента младенческой смертности

Источник: Демографический ежегодник России, 2002–2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002–2010.

случаи, травмы, отравления, убийства, суицид и др.) [Бабурин и др., 2003]. По сравнению с 1985 г. их доля в общей структуре смертности возросла почти в 2 раза, и хотя к середине 2000-х гг. она снизилась, но по-прежнему остается в несколько раз больше, чем в экономически развитых странах [Molodikova, Makhrova, 2010]. Среди умерших по этим причинам большинство составляли мужчины, причем эти показатели по сравнению с кризисными 1990 гг. даже выросли. Очень высокой остается смертность среди мужчин трудоспособного возраста, условно — сверхсмертность мужского населения. Даже в 2009 г. коэффициент смертности мужчин в трудоспособном возрасте в 3,2 раза превышал аналогичный показатель среди москвичек, что отражает общую неблагоприятную картину со здоровьем населения.

На высоком уровне остается младенческая смертность, хотя и произошло ее значительное снижение по сравнению с пиковыми кризисными показателями первой половины 1990-х гг., когда она варьировала на уровне 15,1–16,6‰. К 2011 г. она опустилась до 6,2‰ (рис. 4). Основными причинами младенческой смертности по-прежнему являлись патологии, возникшие в перинатальном периоде, врожденные аномалии, т.е. заболевания, тесно связанные со здоровьем матери. Уровень младенческой смертности в Москве продолжает значительно превышать показатели экономически развитых стран, отражая ситуацию со здоровьем населения россиян, хотя и остается ниже среднего по стране.

Относительно благополучная ситуация со смертностью в Москве связана как с более высоким уровнем жизни и образования населения, так и с наличием более развитой системы здравоохранения, включающей доступность высококвалифицированной медицинской помощи, лучшую оснащенность современным медицинским оборудованием и т.д.

Внутригородские различия

В 2010 г. во всех округах, за исключением Зеленоградского, соотношение уровней рождаемости и смертности не обеспечивало положительного естественного прироста населения (табл. 4). К наиболее благополучным округам помимо Зеленограда, относится и Юго-Восточный округ с незначительной естественной убылью; для обоих округов характерен самый высокий коэффициент рождаемости. К наиболее неблагоприятным территориям относятся Северный и Восточный округа, в которых сочетание низкой рождаемости и относительно высокой смертности дает максимальную по городу убыль населения (-2,5‰ и -2,7‰ соответственно). Уровнем естественной убыли населения выделяется также Центральный округ, где этот показатель составил -1,7‰ (тоже вследствие пониженной рождаемости).

Дифференциация значений естественного прироста населения и его компонентов между районами Москвы, естественно, намного выше, чем между округами столицы. Положительный естественный прирост наблюдается более чем в 30 районах, большинство из которых — периферийные районы с относительно молодым населением, в которых в последнее десятилетие активно велось жилищное строительство (Куркино, Крюково, Бутово, Косино-Ухтомский, Марьино) (табл. 5).

В целом, уровень естественного прироста коррелирует с «возрастом» застройки района, определяющее влияние на который оказывает политика городских властей, включая меняющиеся подходы к выделению площадок под новое строительство, переселению населения из ветхого и сносимого жилья и др. Существенна роль крупных девелоперских компаний, которые для реализации жилищных приоритетов своих основных покупателей — новой элиты и среднего класса влияют на политику властей, лоббируя застройку наиболее востребованных территорий центральных и западных районов города [Махрова, Голубчиков, 2012]. Так, в течение 1992—2011 гг. 45% от общего объема построенного жилья было возведено в западных округах города (более 10,8 млн м² в ЮЗАО, около 10,4 млн м² в ЗАО и 7,3 млн м² в СЗАО), что соответствующим образом отразилось на показателях демографического развития этих округов и их муниципалитетов. Так, все муниципалитеты Центрального

Таблица 4. Показатели естественного движения населения по административным округам Москвы, промилле

Административные округа	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.
Восточный	8,3	8,3	10,7	11,0	-2,4	-2,7
Западный	9,5	8,7	10,4	9,4	-0,8	-0,7
Зеленоградский	10,9	12,1	10,9	11,2	0,0	0,9
Северный	8,2	8,9	10,7	11,3	-2,5	-2,5
Северо-Восточный	9,3	8,8	10,5	9,9	-1,2	-1,1
Северо-Западный	9,5	8,7	10,1	9,4	-0,7	-0,7
Центральный	8,7	8,1	10,0	9,8	-1,3	-1,7
Юго-Восточный	10,0	9,2	10,0	9,3	0,0	-0,1
Юго-Западный	9,7	9,0	10,0	9,5	-0,3	-0,5
Южный	8,9	8,5	9,8	9,6	-0,9	-1,1
Москва в целом	11,0	10,7	11,4	10,9	-0,4	-0,2

Источник: данные Мосгорстата.

Таблица 5. Муниципалитеты-лидеры и аутсайдеры по показателям естественного движения населения, 2010 г.

Муниципальные округа с наиболее благоприятной ситуацией	Естественный прирост, промилле	Общий коэффициент смертности, промилле	Муниципальные округа с наименее благоприятной ситуацией	Естественная убыль, промилле	Общий коэффициент смертности, промилле
Куркино	11,9	2,9	Левобережный	-6,5	14,1
Крюково	5,8	9,3	Метрогородок	-5,0	13,1
Бутово	5,6	6,7	Северное Измайлово	-4,8	14,1
Северный	5,0	5,3	Преображенское	-4,7	12,0
Косино-Ухтомский	4,9	5,0	Восточное Измайлово	-4,2	12,0
Митино	4,2	6,0	Головинское	-4,1	12,4
Северное Бутово	3,9	6,8	Ростокино	-4,1	11,5
Братеево	3,8	7,4	Алексеевский	-4,1	10,1
Крылатское	3,7	6,7	Ивановское	-4,0	11,8
Марьино	3,6	7,5	Теплый Стан	-3,9	12,1
			Москва в целом	-0,2	10,9

Источник: данные Мосгорстата.

округа — это районы со старым населением, в которых рождаемость ниже средней по городу. Однако как следствие процессов джентрификации, а также из-за повышенной концентрации состоятельных и наиболее образованных слоев населения, уделяющих больше внимания своему здоровью, в большинстве из них (в 7 из 10) наблюдается пониженный уровень смертности; на этом фоне в двух районах (Арбат и Красносельский) зафиксирован даже естественный прирост.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Москва в мире

В течение 1990—2000-х гг. Москва прочно закрепилась в роли крупнейшего евразийского центра притяжения мигрантов, став одной из наиболее притягательных точек на карте мировых миграций. Статус бывшей союзной столицы, крупнейшего города и экономического центра сделал Москву наиболее привлекательным направлением миграций на всем постсоветском пространстве.

Коэффициент миграционного прироста в столице в течение последних десятилетий был непостоянным: наиболее высокие показатели прироста были характерны для первой половины—середины 1990-х гг., когда этот показатель достигал беспрецедентных 250 чел. на 10 тыс. жителей и более. В мировой практике такой уровень прироста был характерен для пиковых периодов в миграциях в Западную Европу в начале-середине второй половины XX века. В последние годы этот показатель стабильно находится на отметке более 50 чел. на 10 тыс. жителей, что также не имеет аналогов среди крупнейших агломераций других стран мира (в том числе наиболее миграционно привлекательных). Масштабный приток мигрантов, основная часть которых — граждане России, уже сейчас способствует развитию конфликтных ситуаций и требует принятия специальных мер, охватывающих регулирование рынка труда, размещение и социальную адаптацию мигрантов.

Москва в России

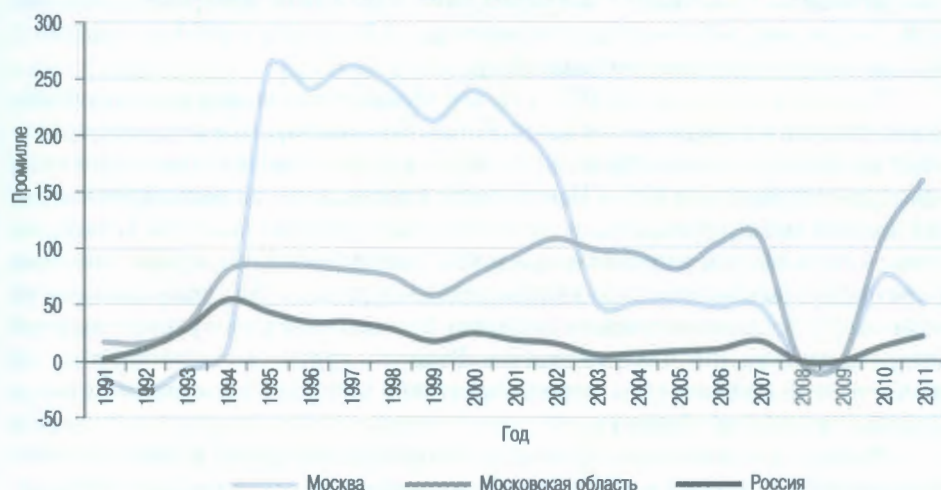
Одним из прямых последствий политических и экономических преобразований постсоветского периода явилось резкое увеличение притока мигрантов в отдельные особо привлекательные регионы России, к которым в стране, в первую очередь, относится Москва [Кириллов, Махрова, 2012]. Хотя из-за проблем учета мигрантов официальные данные об объемах миграций трудно считать достоверными, но даже по ним миграционный прирост был положительным в течение почти всего этого времени, а в последние годы Москва вместе с Московской областью входят в первую тройку регионов Центрального федерального округа по значению коэффициента миграционного прироста. В последние два десятилетия миграционный прирост по абсолютной величине существенно превышал наблюдавшийся в предыдущие десятилетия (рис. 5), а всего с 1990 по 2010 гг. Москва получила свыше 4,5 млн чел. (40% современной численности населения города).

Среди мигрантов, приехавших в Москву, преобладали лица трудоспособного возраста, из которых выделялась группа наиболее активно мигрирующих в возрасте от 16 до 49 лет. Среди них, в свою очередь, более 50% составляли мигранты возрастной группы от 16 до 30 лет. Такое соотношение возрастных групп в структуре миграционного прироста остается практически неизменным на протяжении многих лет и является фактором, сдерживающим процесс старения населения. Среди мигрантов трудоспособных возрастов характерно незначительное преобладание женщин над мужчинами, в старших возрастных группах численность женщин уже в несколько раз больше, чем мужчин.

За постсоветский период миграционные связи Москвы с другими регионами РФ, странами ближнего и дальнего зарубежья подверглись значительной трансформации, отличаясь разнонаправленными тенденциями на отдельных отрезках времени.

В первой половине 1990-гг. в Москве, как и в стране в целом, произошло сильное снижение миграционной подвижности населения во внутренней

Рисунок 5. Коэффициенты миграционного прироста
(миграционный прирост (убыль) в год на 10 тыс. населения)

Источник: Демографический ежегодник России. 2002–2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002–2010.

Таблица 6. Динамика территориальной структуры миграционного прироста (убыли)

Регион	2001 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.
Всего	52,0/100	50,7/100	46,8/100	58,1/100,0	86,7/100,0
В том числе					
Регионы РФ	46,4/89,2	47,9/94,5	38,4/82,1	47,5/81,8	75,0/86,5
ЦФО	17,8/34,2	17,6/34,7	14,1/30,1		
Московская область/Москва	3,9/7,5	2,4/4,7	3,0/6,4		
Ближнее зарубежье	6,8/13,1	3,3/6,5	8,7/18,6	10,6/18,2	11,5/13,3
В том числе:					
Украина	1,5/2,9	0,8/1,6	3,1/6,6	3,8/6,5	3,5/4,0
Молдова	0,5/1,0	0,3/0,01	1,0/2,1	1,3/2,2	1,5/1,7
Закавказье	1,9/3,7	0,9/1,8	2,2/4,7	2,8/4,8	2,9/3,3
Средняя Азия и Казахстан	2,5/4,8	1,1/2,2	2,0/4,3	1,7/2,9	2,2/2,5
Дальнее зарубежье	-1,1/-0,02	-0,4/-0,01	-0,4/-0,01	-0,04/-0,01	0,2/0,3

Источник: данные Статистического комитета г. Москвы.

миграции при росте миграций русскоязычного населения вследствие распада Советского Союза, в результате чего в структуре миграционного прироста внешние миграции из стран СНГ и Балтии стали преобладать над внутри-российским потоком. К середине 1990-х гг. Москва за счет преимуществ столичного положения заняла монопольную позицию самого успешного центра страны с развитым рынком труда. При сокращении миграций из ближнего зарубежья это привело к увеличению потоков мигрантов в столицу из других регионов РФ, что стало долговременным трендом, определяющим структуру миграционного движения населения [Бабурин и др., 2003].

Москва, получая население из других регионов России и стран СНГ, в основном теряет его в миграционном обмене со странами дальнего зарубежья, среди которых традиционно выделяются Германия, США, Канада. По сравнению с периодом начала рыночных реформ, когда происходило увеличение размеров эмиграции, наблюдается ее постепенное сокращение, что наглядно иллюстрирует динамика этого показателя, который сократился с 10—14 тыс. чел. в 1991—1993 гг. до менее чем 0,5 тыс. чел. в 2000-е гг. (в 2010 г. был зафиксирован даже небольшой прирост).

Таким образом, с конца 1990-х гг. для Москвы характерна относительная устойчивость миграционного «водосбора». Большая часть мигрантов приезжает из других регионов РФ (в 2010 г. 86,5% для Москвы), а главным районом «выхода» мигрантов является Центральная Россия, которая формирует наиболее значительные по масштабам контингенты миграции (табл. 6). Приток из стран СНГ и Балтии является вторым по значению после внутрироссийского и составляет почти весь поток прибывших из-за рубежа. По числу прибывших в Москву с большим отрывом лидирует Украина, на которую приходится около трети всех внешних мигрантов. Второе и третье места по количеству иммигрантов занимают поочередно Армения и Молдова, четвертое и пятое — Узбекистан и Азербайджан.

Наряду с расширением этнического состава мигрантов, в 1990-е гг. появилась новая категория мигрантов — беженцы и вынужденные переселенцы. Пик числа зарегистрированных вынужденных мигрантов пришелся на период распада Советского Союза и военных конфликтов в различных точках

страны. В дальнейшем, в том числе в результате усложнения процедуры получения статуса, их число сильно уменьшилось (с 1,7 тыс. чел. в 1992 г. до 58 чел. в 2010 г.), а значительная часть этих мигрантов не являлась таковыми официально.

За постсоветский период большие изменения произошли в трудовой миграции. На смену трудовой миграции «по лимиту» пришла иностранная рабочая сила, которая играет все более важную роль в обеспечении отраслей экономики Москвы (особенно неквалифицированной рабочей силой для «закрытия» тех вакансий на рынке труда, которые являются непрестижными для местного населения). В последнее время наблюдается тенденция роста зависимости отдельных отраслей хозяйства от труда иностранных рабочих. К сферам занятости мигрантов, сформировавшимся еще в 1970—1980-е гг. (строительство, городской транспорт, ЖКХ, работа на конвейерах) в новое время добавились уличная торговля и ресторанный бизнес, многие заняты оказанием услуг физическим лицам [Кириллов, Махрова, 2012; Махрова и др., 2008]. Рост численности иностранных трудовых мигрантов особенно активно происходил в период экономического роста в 2000-е гг. Так, по официальным данным сводного баланса трудовых ресурсов сальдо иностранной рабочей силы достигало свыше 500 тыс. человек.

Увеличение численности работников, приезжающих из-за рубежа, отражает растущую интернационализацию рынка труда Москвы, как это уже произошло и в других крупнейших столичных агломерациях мира, где иностранные рабочие (выходцы из разных стран) занимают определенные «ниши» на рынке труда, не занятые собственным населением. Как и в большинстве миграционно привлекательных территорий, в Москве развита нелегальная трудовая миграция, чему способствовало развитие теневого сектора экономики и теневого рынка труда. По оценкам экспертов, численность «нелегалов» составляет более 1 млн человек. Большая часть нелегалов занята в строительном комплексе, а также в жилищно-коммунальном хозяйстве, торговле и на транспорте.

В структуре иностранных работников в Москве преобладают выходцы из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Киргизия), далее следуют Украина и Молдова. В последние годы сократилась численность иностранных работников из стран традиционного зарубежья, среди которых преобладают мигранты из Китая и Вьетнама.

Миграционная привлекательность Москвы приводит к тому, что миграция компенсирует естественную убыль населения, обеспечивая рост численности населения и замедляя процесс старения. В перспективе старение населения и его естественная убыль в трудоспособных возрастах потребуют увеличения притока мигрантов, которые необходимы для нормального функционирования экономики. Увеличивающаяся зависимость от труда мигрантов требует не только дополнительных расходов на социальную сферу, но и проведения активной политики адаптации и интеграции мигрантов в принимающий социум для предотвращения этнической сегрегации и развития теневой этноэкономики, чего Москве пока удавалось избегать [Зайончковская, Мкртчян, 2009].

Если процессы естественного воспроизводства населения могут быть признаны в целом односторонними во всех округах (табл. 7), то по характеру миграционной подвижности выявляются серьезные различия

Таблица 7. Миграционное движение населения по административным округам, чел. на 1 тыс. жителей

Административные округа	1995 г.			2000 г.			2009 г.		
	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
г. Москва	11,1	8,3	2,8	10,4	3,7	6,7	8,5	3	5,5
Центральный	13,3	9	4,3	11,5	4,5	7	5,8	2,2	3,5
Северный	11,1	8,7	2,5	9,3	3,6	5,7	11,4	3,1	8,2
Северо-Западный	12,2	7,6	4,6	13,5	4,7	8,8	10,1	2,8	7,3
Северо-Восточный	9,6	8,7	0,8	8,8	3,4	5,4	7,9	2,7	5,2
Южный	8,2	7,8	0,4	8,9	2,9	6	7,4	3,2	4,2
Юго-Западный	14,4	11,3	3,1	14,1	5,7	8,4	11,4	5,4	6
Юго-Восточный	11	7,5	3,4	14,5	3,9	10,5	4,9	2,1	2,8
Западный	13,9	7,4	6,4	6,9	2,5	4,4	6,1	2,1	4
Восточный	8,4	7	1,4	8,9	3	5,9	11,3	2,9	8,4
Зеленоградский	17	8,8	8,2	8,7	3,4	5,3	5,6	2	3,6

Источник: данные Мосгорстата (без корректировки по данным переписи населения 2010 г.).

в интенсивности прибытия и выбытия, которые имеют значительные годовые колебания. Внутригородские перемещения населения прежде всего обусловлены новым жилищным строительством, с которым связан существенный приток жителей (особенно в районы, расположенные за МКАД).

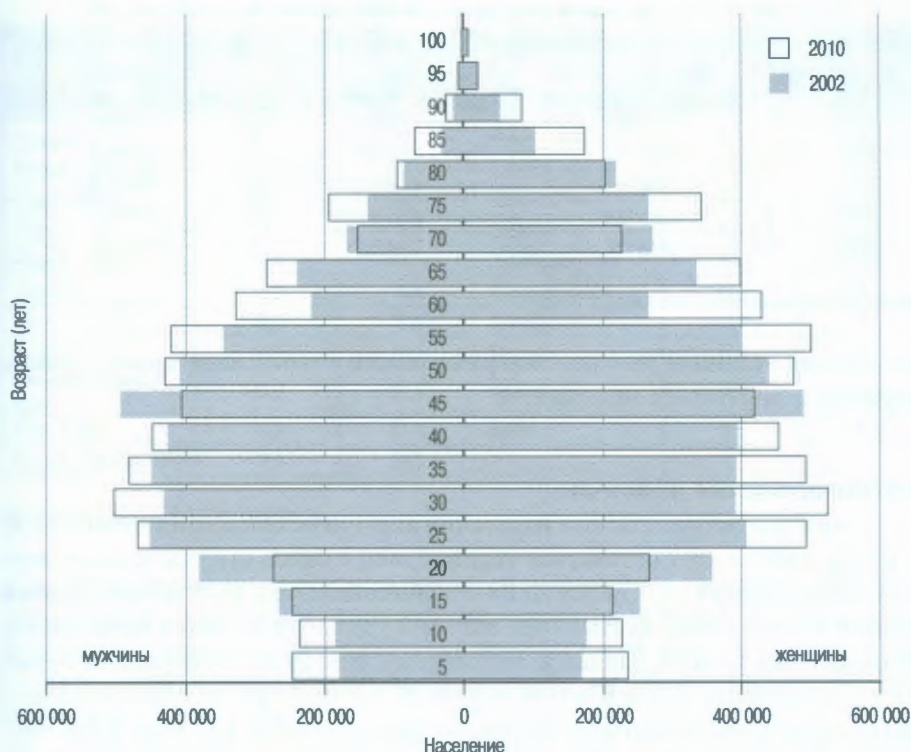
ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Возрастно-половая пирамида современной Москвы отличается узким основанием, отражающим режим рождаемости, и сильными деформациями, связанными с различными событиями в истории страны (голод, Великая Отечественная война) и демографической политикой советского государства, а также повышенной долей женщин в старших возрастных группах (рис. 6).

Москва в мире

В последние два десятилетия в столице быстро протекает процесс старения населения, который является магистральной тенденцией изменения возрастной структуры в развитых странах, приводя к устойчивому росту абсолютных и относительных показателей лиц старшего возраста. Этот процесс стал заметен уже в 1970-х гг., однако, в отличие от столиц других стран с низкой рождаемостью, доля пожилых людей среди москвичей ниже, чем, например, в Берлине, Париже или Мадриде, так как значительная часть людей до старости просто не доживает. Другой особенностью возрастно-половой структуры Москвы как следствие низкой по международным стандартам продолжительности жизни мужчин является более заметное преобладание женщин после 50-летнего возраста. Устойчивый приток мигрантов, характерный для Москвы, как и для других крупнейших городов, основную часть которых составляет население трудоспособных возрастов, предопределяет

Рисунок 6. Возрастно-половая структура населения Москвы, 2002 и 2010 гг.

Источник: данные Мосгорстата.

положительные тренды в изменении возрастно-полового состава. Причем из-за резкого падения рождаемости в 1990-е гг. доля лиц трудоспособных возрастов (условно в возрасте 15–64 года) в Москве выше, чем во многих других европейских столицах (например, в Лондоне, Париже, Берлине).

Москва в России

В постсоветский период негативные тенденции в динамике демографических процессов в Москве, как и по стране в целом (такие как проявление процессов старения), происходили одновременно с позитивными изменениями в виде роста численности трудоспособного населения, обусловленного действием очередной демографической волны и притоком мигрантов на постоянное место жительства. Поскольку столица долго «подпитывалась» миграцией и процесс постарения в ней выражен слабее, то по доли лиц старше трудоспособного возраста (23,7%) она находится среди субъектов РФ и ЦФО с низким значением данного показателя. Вместе с тем в Москве за 1990–2010 гг. численность населения трудоспособных возрастов увеличилась более чем на треть или почти на 2 млн чел., достигнув своего максимума, который, согласно данным переписи 2010 г., превысил 7 млн чел. (табл. 8). По доле лиц в трудоспособных возрастах Москва опережает большинство регионов России, за исключением Крайнего Севера и Дальнего Востока, которые

Таблица 8. Распределение населения Москвы по трем возрастным контингентам по данным переписей населения

Годы	Численность населения, тыс. чел. / процент		
	молоче трудо- способного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудо- способного возраста
1970 г.	1337/18,9	4338/61,4	1379/19,6
1979 г.	1359/17,5	4810/62,1	1581/20,4
1989 г.	1764/19,9	5185/58,3	1924/21,8
2002 г.	1365/13,8	6758/64,7	2235/21,5
2010 г.	1476/12,8	7304/63,5	2722/23,7

Источник: данные Мосгорстата.

отличаются высоким уровнем миграционного оттока населения старших возрастов и притоком в молодых.

Внутригородские различия

Различия в возрастном составе населения округов не слишком значительны, но центр продолжает оставаться территорией с более старым населением: здесь самая высокая доля населения в пенсионных возрастах и максимальный средний возраст (табл. 9). Наиболее высокий удельный вес детей наблюдается среди жителей Северо-Запада и Зеленограда, а доля лиц в трудоспособных возрастах максимальна в Южном округе. К группе округов с относительно сбалансированной структурой населения можно отнести Южный, Юго-Восточный, Юго-Западный округа и Зеленоград. Остальные округа занимают промежуточное положение.

Среди всех муниципалитетов Москвы особняком стоит Куркино с самым молодым населением. Здесь наиболее высокий удельный вес жителей в младших возрастных группах и самый низкий средний возраст (32,9 лет). По сравнению с другими периферийными районами этот район застраивался позже; большая часть жилья, построенного здесь, продавалась на коммерчес-

Таблица 9. Возрастной состав населения административных округов Москвы, 2010 г.

Административные округа	Молоче трудоспособного возраста, процент	В трудоспособном возрасте, процент	Старше трудоспособного возраста, процент	Средний возраст
Москва в целом	12,8	63,5	23,7	40,7
В том числе по административным округам:				
Восточный	11,8	63,1	25,1	41,6
Западный	13,0	64,4	22,6	40,3
Зеленоградский	14,1	62,9	23,0	40,2
Северный	13,2	62,4	24,4	40,8
Северо-Восточный	13,0	63,5	23,5	40,5
Северо-Западный	14,5	62,6	22,9	40,0
Центральный	12,8	60,9	26,3	41,9
Южный	12,3	64,6	23,1	40,6
Юго-Восточный	13,0	64,3	22,7	40,5
Юго-Западный	12,6	63,9	23,5	40,7

Источник: данные Мосгорстата.

Таблица 10. Муниципалитеты-лидеры и аутсайдеры по показателям возрастной структуры населения, процент (2010 г.)

Муниципальные округа с наиболее молодым населением	Доля лиц младше трудоспособного возраста	Доля лиц старше трудоспособного возраста	Муниципальные округа с наиболее старым населением	Доля лиц младше трудоспособного возраста	Доля лиц старше трудоспособного возраста
Куркино	26,1	11,8	Мещанский	10,2	32,0
Косино-Ухтомский	19,3	12,4	Богородский	13,3	29,8
Северный	18,7	11,5	Теплый Стан	11,9	29,2
Некрасовка	17,3	15,8	Сокольники	9,9	29,1
Южное Бутово	17,3	14,6	Преображенское	8,9	28,9
Марьино	16,3	18,4	Ломоносовский	12,2	28,9
Митино	16,0	16,5	Гагаринский	10,2	28,6
Хорошевский	16,0	23,3	Марфино	12,5	28,5
Северное Медведково	15,9	21,4	Войковский	12,7	28,4
Можайский	15,6	21,8	Арбат	10,6	28,3
Москва в целом	12,8	23,7			

Источник: данные Мосгорстата.

кой основе; кроме того квартиры получали москвичи по программе «Молодая семья». Другие «молодые» районы также находятся во внутренней и внешней периферии города, особенно внешней периферии «нового освоения» (Косино-Ухтомский, Южное Бутово, Митино) (табл. 10). Муниципалитеты с наиболее старым населением — это «староосвоенные» территории как центра, так и срединной зоны и периферии, причем самый высокий средний возраст в районах ЦАО (Мещанский и Арбат — соответственно 44,9 и 44,1 года).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Новейшие демографические процессы, наблюдаемые в российской столице, в целом повторяют общероссийскую динамику, однако темпы роста основных показателей заметно выделяют Москву на этом фоне. В Москве по сравнению с большинством регионов страны процессы старения населения выражены слабее, при этом численность населения в трудоспособном возрасте в столице продолжает расти. Однако уже в ближайшее десятилетие процесс старения возрастной структуры населения приведет к сокращению количества населения Москвы в трудоспособном возрасте. В целом сравнительно высокие и при этом сохраняющие растущую динамику показатели рождаемости и продолжительности жизни, обусловленные относительно высоким уровнем жизни в российской столице, постепенно сближают демографическую ситуацию в Москве с западноевропейской моделью, предусматривающей постоянную «подпитку» средневозрастной когорты за счет миграционного прироста. Помимо увеличения притока мигрантов, наиболее вероятным способом смягчения последствий от сокращения трудового потенциала может стать снижение смертности населения в трудоспособных возрастах.
2. Потенциальные «вызовы» ожидают московскую социальную политику и со стороны других возрастных групп. Так, следствием сохранения

текущего режима воспроизводства населения станет рост доли населения старших возрастов, который приведет к неизбежному увеличению социальных расходов, необходимости развития специализированной социальной инфраструктуры, а в перспективе и реформирования пенсионной системы. Другим важным следствием деформированной возрастной структуры населения станут колебания его численности в младших возрастных когортах, что приведет к неравномерной нагрузке на образовательные учреждения города и потребует повышения их внутренней организационной гибкости. Большинство мер городской политики в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения в данном случае предлагается формировать и реализовать с учетом оценок изменения состава населения и демографической ситуации в средние и долгосрочной перспективах.

3. Несмотря на вариативность оценок миграционного притока населения Москвы, его значение в динамике численности населения города на протяжении почти 20 лет являлось ключевым (за счет него сформировалось около 40% современного населения города). В условиях суженного воспроизводства населения роль миграционного прироста в динамике воспроизводства останется определяющей для текущей и перспективной социально-демографической ситуации. В качестве отдельного направления социальной политики отчетливо должна быть сформулирована миграционная политика города, охватывающая все без исключения социальные группы мигрантов и предусматривающая дифференцированную систему мер в сфере регулирования общего миграционного потока рынка труда, жилья, социальной адаптации и интеграции мигрантов.
4. Официальные данные (по переписи 2010 г.) о различиях в возрастной структуре и демографической ситуации на внутригородском уровне (в разрезе административных округов и муниципальных районов), несмотря на имеющиеся дефекты, в целом характеризуют сохранение выраженной центр-периферийной дифференциации в составе и воспроизводстве населения. Вместе с тем унаследованная центр-периферийная картина осложняется нарастающим проявлением межсекторной дифференциации по линии Северо-Запад — Юго-Восток (ЗАО, СЗАО, ЗАО характеризуются более близким к «центральному» районам режимом воспроизводства населения). Наблюдаемые тенденции пространственной дифференциации процессов воспроизводства указывают на вероятность усиления воспроизводственных различий и социальной сегрегации городского пространства. Нивелирование такой сегрегации вместе с формированием эффективных мер по обеспечению сбалансированного социально-демографического развития территории города и отдельных его частей становится принципиальной задачей на ближайшую перспективу. Планирование пространственного развития социальной сферы в данном случае должно быть ориентировано на сглаживание современных и перспективных территориальных диспропорций в социальном развитии города, предотвращение формирования предпосылок проявления пространственной сегрегации, а также на регулирование социально-демографического развития Московской городской агломерации в целом.
5. Достоверная оценка демографических показателей в Москве осложнена существенными искажениями текущей статистики населения, не поз-

воляющей оперировать надежными показателями его воспроизводства. Ключевые расхождения в общих показателях между официальными и экспертными оценками объясняются некорректным учетом миграционного движения и необходимостью проведения дооценивания основных параметров воспроизводства населения. Среди первоочередных мер следует назвать информационно-вспомогательное обеспечение городской социальной политики (формирование системы достоверного учета населения, постоянного мониторинга и текущего прогнозирования социально-демографической ситуации).

ЛИТЕРАТУРА

- Бабурин В. Л., Битюкова В. Р., Казьмин М. А., Махрова А. Г. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена, 2003.
- Вендина О. И. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2005. № 177–178.
- Вендина О. И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 2.
- Демографический ежегодник России. 2002—2010: статистический сборник. М.: Росстат, 2002—2010.
- Денисенко М. Б., Кириллов П. Л., Махрова А. Г. Методология и результаты прогнозирования становления региона и општина (на примере Московской области) // ДЕМОГРАФИЯ. 2009. Кн. VI. С. 89–107.
- Денисенко М. Б., Степанова А. В. География происхождения жителей Москвы // Расселение населения. Демографические исследования. Вып. 19. М.: МАКС Пресс. С. 133–168.
- Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
- Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве. М., 2009.
- Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Сводный том. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.
- Итоги всероссийской переписи населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012.
- Кириллов П. Л., Махрова А. Г. Особенности и перспективы развития Московской агломерации // Расселение населения. Демографические исследования. Вып. 19. М.: МАКС Пресс, С. 169–191.
- Махрова А. Г., Голубчиков О. Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2012. № 2. С. 26–31.
- Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития М.: Новый хронограф, 2008.
- Махрова А. Г., Перцик Е. Н. Демографический потенциал Москвы // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1998. № 6. С. 51–55.
- Махрова А. Г. Социальное расслоение населения в современной Москве: территориальная проекция // Территория и планирование. 2012. № 1 (37). С. 14–27.
- Мкртчян Н. В. Миграция как компонент динамики населения регионов России: оценка на основе данных переписи населения 2010 года // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41.

Мкртчян Н. В. Проблемы счета населения России и ее регионов: первые оценки результатов переписи населения 2010 года // Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Российско-немецкая научная конференция (Ставрополь, 16–18 июня 2011 г.): сборник рабочих материалов. Ставрополь — Фрайбург: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011.

Москва в цифрах. Статистический сборник. 1985: стат. ежегодник / Стат. упр. г. Москвы. М.: Финансы и статистика, 1985.

Московская область в цифрах. 1986: Стат. сборник / Стат. упр. Московской области. М.: Статистика, 1986.

Население России 2003—2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого. М.: «Наука», 2006.

Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2012 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012.

Molodikova I, Makhrova A. Ageing Population in Moscow: Does the Capital City Suffer Differently from the Rest of Russia? In Challenges of Ageing in Villages and Cities: The Central European Experience. Ed. Zoltan Kovacs, Szeged, 2010. Pp. 87–109.

МОСКВА НА ФОНЕ ДРУГИХ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ: ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ СТАТИСТИКА

Зубаревич Н.В., д. г. н., директор региональной программы НИСП

В статье проведен статистический анализ демографической ситуации, состояния рынка труда, уровня жизни, развития социальных услуг, инвестиционной активности и бюджетных возможностей Москвы и других крупнейших городов России. Выявлены преимущества и барьеры развития крупнейших городов.

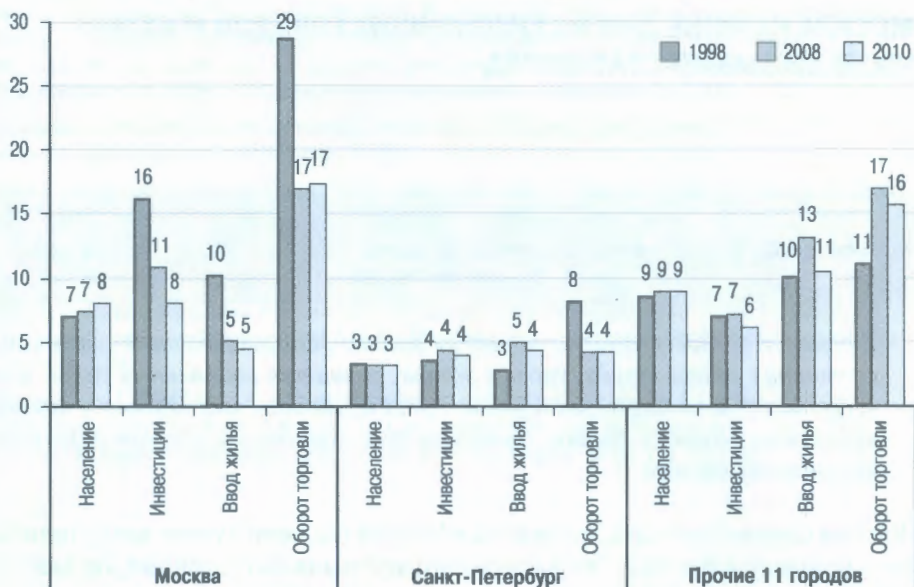
В России принято считать, что жизнь в Москве намного лучше, ведь столица самая большая и богатая. Этот стереотип чрезвычайно устойчив, но любой стереотип нуждается в проверке. С этой целью проведен анализ развития столицы на фоне других крупнейших городов России по последним опубликованным данным Росстата за 2009 и 2010 гг. Рассматриваются города с населением свыше 800 тыс. чел., таких в России всего 17¹. К сожалению, сравнивать можно ограниченный круг социальных индикаторов, так как все крупнейшие города, кроме федеральных, — муниципалитеты, а российская муниципальная статистика намного беднее региональной, в ней нет показателей среднедушевых доходов населения, уровня бедности, безработицы по методологии МОТ и многих других.

РОЛЬ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ В НАСЕЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ

Доля Москвы в социально-экономических показателях всей России очень велика по сравнению с Санкт-Петербургом и другими городами-«миллионниками», однако в 2000-х гг. она устойчиво снижалась (рис. 1). При этом Санкт-Петербург не смог составить Москве сильную конкуренцию. Причины снижения доли столицы совсем иные. Во-первых, это следствие перетока экономической активности, в том числе инвестиций, жилищного строительства, торговли, во внешнюю зону столичной агломерации (Московскую область). Если оценивать вклад всей столичной агломерации, он почти не изменился. Во-вторых, в прочих городах-«миллионниках» наконец-то заработал агломерационный эффект, поэтому их вклад в оборот розничной торговли и жилищное строительство вырос, хотя кризис 2009 г. прервал по-

¹ Москва, Санкт-Петербург, 12 городов с населением свыше миллиона жителей на середину 2012 г. (Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара, Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону, Уфа, Волгоград, Пермь, Красноярск), а также Воронеж, Саратов и Краснодар с населением от 800 тыс. до 900 тыс. чел.

Рисунок 1. Доля федеральных городов и прочих городов-«миллионников» в социально-экономических показателях России, процент

Примечание. Учтены 11 «миллионников» на начало 2000-х гг.

зитивную динамику. В то же время не удалось нарастить долю в инвестициях, что затрудняет развитие инфраструктуры и социальной сферы крупнейших городов.

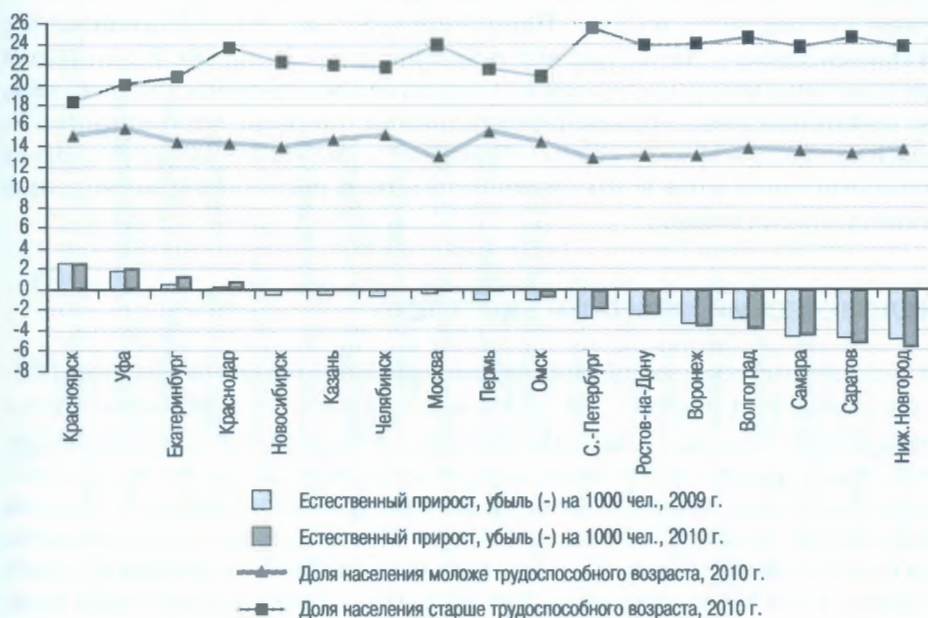
НАСЕЛЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Преимущества Москвы и всей столичной агломерации подтверждаются быстрым ростом численности ее населения, хотя к точности этих измерений по двум последним переписям 2002 и 2010 гг. есть большие вопросы. И население Санкт-Петербурга, которое за межпереписной период 2002–2010 гг. выросло с 4,66 млн до 4,85 млн чел., к осени 2012 г. достигло 5 млн человек. Причина не только в дефектах статистики, но и в изменении методики учета мигрантов в численности населения с 2011 г.² Для городов-миллионников не менее значимы административно-территориальные преобразования, которые активизировались в период проведения муниципальной реформы (2004–2005 гг.) и в последние годы, для сохранения или искусственного роста численности населения крупных городов. Так, Красноярск попал в число миллионников благодаря расширению территории города и включению в его состав других населенных пунктов. В результате показатель динамики численности населения, используемый для сравнения развития городов, малопригоден в современной России.

Население Москвы долгое время росло только за счет миграционного притока, который перекрывал естественную убыль. В 2010 г. баланс был

² С 2011 г. в численности населения учитываются мигранты, зарегистрированные более чем на 9 месяцев.

Рисунок 2. Коэффициент естественного прироста на 1 тыс. чел. населения и возрастная структура населения, процент

близким к нулю, а с 2011 г. рождаемость в столице превысила смертность благодаря притоку молодых мигрантов в фертильном возрасте и росту продолжительности жизни москвичей. Показатели естественного прироста в Москве теперь средние на фоне других крупных городов (рис. 2). Самые проблемные (с естественной убылью до 0,5% в год) — Нижний Новгород, Саратов, Самара и Воронеж. Эти города отличаются сильно постаревшим населением: доля пенсионеров достигает 24–25%, она в 1,5–2 раза выше доли детей. Столь же высокую долю населения пенсионного возраста при минимальной доле детей имеют и федеральные города, причем в Санкт-Петербурге процесс старения выражен сильнее. Особенно велика доля населения старше трудоспособного возраста среди женщин — 33% в Санкт-Петербурге и 30% в Москве.

Небольшой естественный прирост сохраняют Уфа и Красноярск, в которых население еще не так сильно постарело и доли детей и пенсионеров сопоставимы. Красноярск выделяется самой высокой долей трудоспособного населения (66,5%), что заметно выше, чем в Москве (63,1%), но с учетом огромной и плохо регистрируемой трудовой миграции в столицу вряд ли какой-либо из российских городов сравнится с ней по доле трудоспособного населения. Значительный миграционный приток молодежи из своего региона способствует сохранению минимального естественного прироста в Казани и Екатеринбурге. В целом, в крупнейших городах Урала и Сибири, как и раньше, демографическая ситуация является менее проблемной по сравнению с городами европейской части страны.

Достоверность миграционной статистики невысока, кроме того, региональные органы Росстата публикуют информацию не по всем крупнейшим городам. Но даже при неполном учете масштабы миграционного притока в Московскую агломерацию и в Санкт-Петербург в 4–8 раз выше, чем в регио-

нальные центры с самыми высокими показателями. В 2010 г. миграционный прирост в Москве составил 86 тыс. чел. (вместе с Московской областью — более 150 тыс. чел.), в Санкт-Петербурге — 37 тыс. чел., в Екатеринбурге и Новосибирске — 10–11 тыс. чел., в Краснодаре — 7 тыс. чел. Крупнейшие региональные центры притягивают мигрантов в основном из своих регионов, но теряют население в обмене с федеральными городами. Перемещения жителей на работу в Москву и Санкт-Петербург плохо учитываются, поскольку такие мигранты чаще всего сохраняют жилье и постоянную регистрацию в своих родных городах.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЗАНЯТОСТЬ

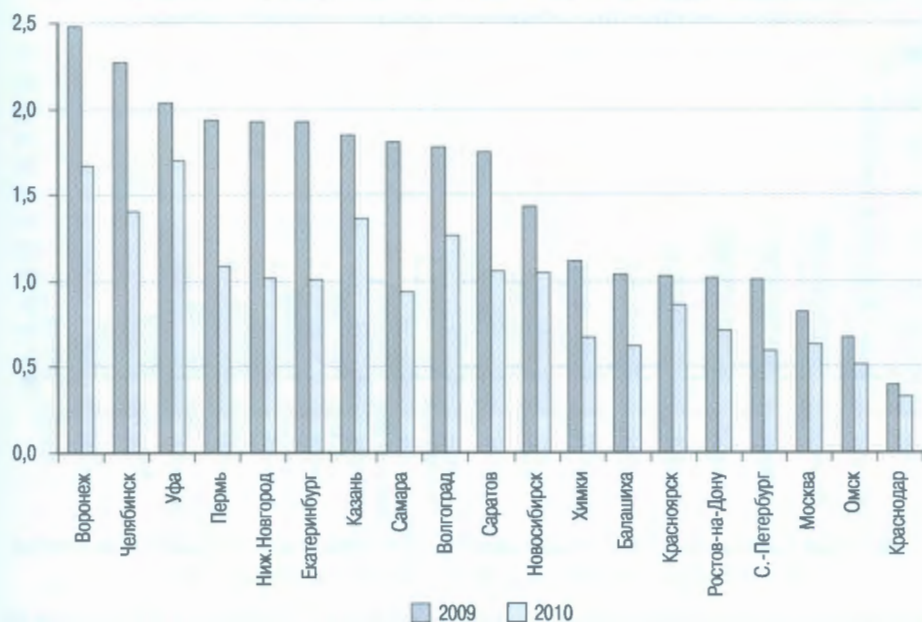
В федеральных городах самые квалифицированные трудовые ресурсы. Последняя перепись показала, что в Москве 50% взрослого населения имеют высшее образование, в Санкт-Петербурге — 44%. Сравнить с другими крупнейшими городами невозможно из-за отсутствия опубликованных данных переписи, но первенство Москвы не вызывает сомнений. Высокий уровень образования наряду с более высокими доходами населения — важные факторы более высокой ожидаемой продолжительности жизни москвичей (73,56 лет в 2010 г., в том числе женщин — 77,49 лет³), что почти на пять лет выше среднероссийского уровня и на два года выше, чем в Санкт-Петербурге. В начале 2000-х гг., когда Пенсионный фонд еще публиковал данные о работающих пенсионерах в региональном разрезе, половина жителей федеральных городов в «молодом» пенсионном возрасте (женщины — 55–59 лет, мужчины — 60–64 лет) работали. За прошедшее десятилетие этот показатель вырос во всей стране от четверти до половины, а в федеральных городах, очевидно, приблизился к максимуму.

Сравнивать состояние рынка труда столицы и других крупнейших городов можно только по двум индикаторам: численности занятых на крупных и средних предприятиях и организациях и численности зарегистрированных безработных. Других показателей в муниципальной статистике нет. Из-за отсутствия данных о численности экономически активного населения в городах приходится сравнивать численность занятых (на крупных и средних предприятиях и организациях) с численностью населения в трудоспособном возрасте. Самое высокое соотношение (69–71%) имеют федеральные города. Во многом это следствие недоучета занятых в столице мигрантов, в том числе маятниковой трудовой миграции из ближайших пригородов. В большинстве других крупнейших городов соотношение составляет около 50%. Более низкие значения имеют Новосибирск и Ростов-на-Дону (45–46%) с развитым малым бизнесом и высокой неформальной занятостью, а также некоторые города Сибири (Красноярск и Омск — 43–44%), что можно объяснить только значительной неформальной занятостью, так как малый бизнес в них развит слабо.

Для оценки различий рынка труда в мегаполисах численность зарегистрированных безработных также соотнесена с численностью населения в трудоспособном возрасте, что позволило выявить города с более серьезными проблемами на рынке труда в кризисный период 2009 г. Более высокий уро-

³ Без учета итогов переписи населения 2010 г.

Рисунок 3. Отношение численности зарегистрированных безработных к численности трудоспособного населения города, процент

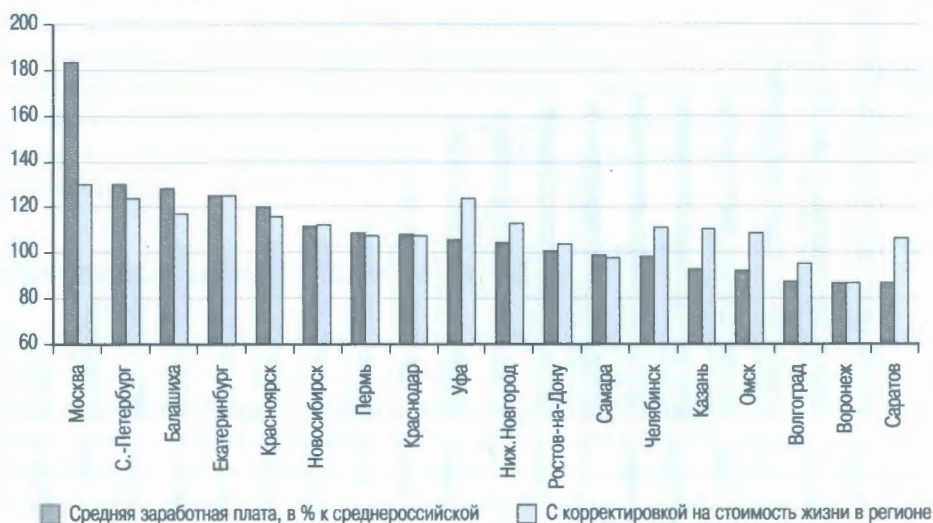
вень безработицы (относительно численности трудоспособного населения) имели в основном города с сохранившейся промышленной специализацией экономики — Челябинск, Уфа, Пермь, Нижний Новгород и др. (рис. 3). В 2010 г. почти все эти города, за исключением Воронежа и Уфы, существенно улучшили показатели, так как рынки труда в крупнейших городах более адаптивны благодаря разнообразию рабочих мест.

Москва с ее огромным и диверсифицированным рынком труда с 1990-х гг. имеет минимальный уровень безработицы в России, в последние годы к ней добавились Санкт-Петербург с ближним Подмосковьем (для сравнения на рисунке 3 приведены данные по двум крупнейшим городам Московской агломерации — Балашиха и Химки). В 2010 г. соотношение численности безработных и трудоспособного населения в Санкт-Петербурге было даже немного лучше, чем в Москве. Минимальные значения, характерные для Краснодара и Омска, можно объяснить только барьерами регистрации безработных, а не реальной ситуацией на рынке труда этих городов.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ

Уровень жизни населения крупных городов можно оценить только по заработной плате, в муниципальной статистике отсутствуют показатели душевых доходов и уровня бедности. Москва лидирует по номинальной средней заработной плате (в 1,8 раз выше средней по стране), отрыв по среднедушевым доходам населения от среднероссийского уровня еще больше (в 2,2 раза). Для сравнения, средняя заработная плата в Санкт-Петербурге на 40% ниже столичной и сопоставима со средней заработной платой в Московской области. Отрыв Москвы может быть еще больше, если учитывать дефекты

Рисунок 4. Отношение средней заработной платы в городе к средней заработной плате по РФ (в номинальном выражении и с корректировкой на стоимость жизни в регионе⁴), процент

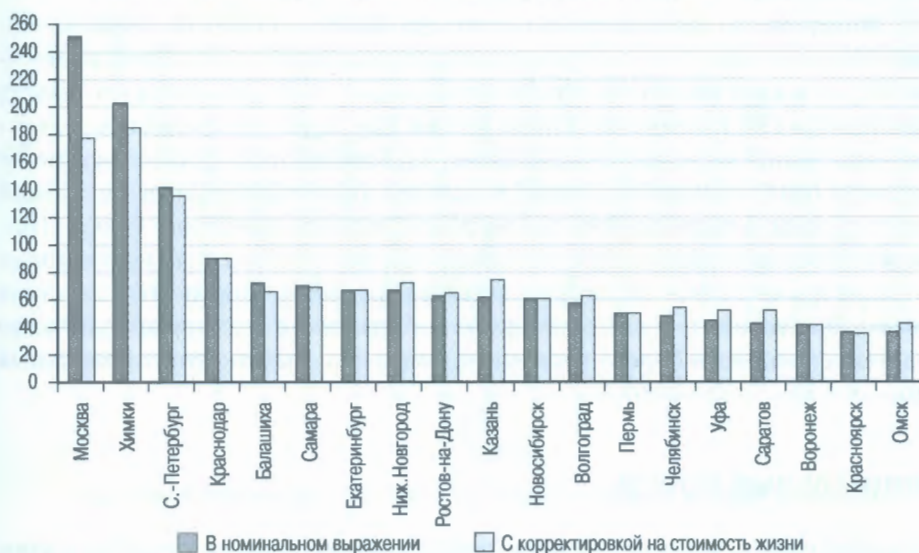
измерения заработков населения: многие москвичи работают в нескольких местах, получают часть заработной платы в виде страховых схем, теневых выплат и т.д. Но реальный отрыв меньше, если учитывать стоимость жизни, которая в столице в полтора раза выше средней по стране. С корректировкой на стоимость жизни отрыв заработной платы в Москве от средней по стране существенно снижается, но столица все равно остается лидером среди крупнейших городов (рис. 4).

В некоторых регионах стоимость жизни существенно ниже среднероссийской, поэтому их региональные центры имеют более высокую заработную плату с корректировкой на стоимость жизни (Уфа, Казань, Челябинск, Саратов). Но заработная плата в этих городах все равно неконкурентоспособна для привлечения мигрантов из других регионов.

Помимо заработной платы, в качестве индикатора уровня жизни можно использовать потребление населения, измеряемое показателем душевого оборота розничной торговли (без учета субъектов малого предпринимательства и рыночной торговли). Этот показатель выделяет в качестве лидеров федеральные города, при этом Москва в 1,8 раза опережает Санкт-Петербург (без корректировки на ценовые различия). Выделяются также ближайшие пригороды столицы, особенно Химки, где сосредоточено множество крупных торговых центров, которыми пользуется население всей столичной агломерации. Из прочих крупнейших городов выделяется Краснодар, которому достается часть «золотого дождя», пролившегося на Сочи. Слабее всего развита розничная торговля в региональных центрах Сибири, Предуралья и Урала, а также в менее крупных городах с более низкими доходами населения — Саратове и Воронеже (рис. 5). Но следует учитывать, что в статистику не включены

⁴ Для корректировки использован показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений Росстата.

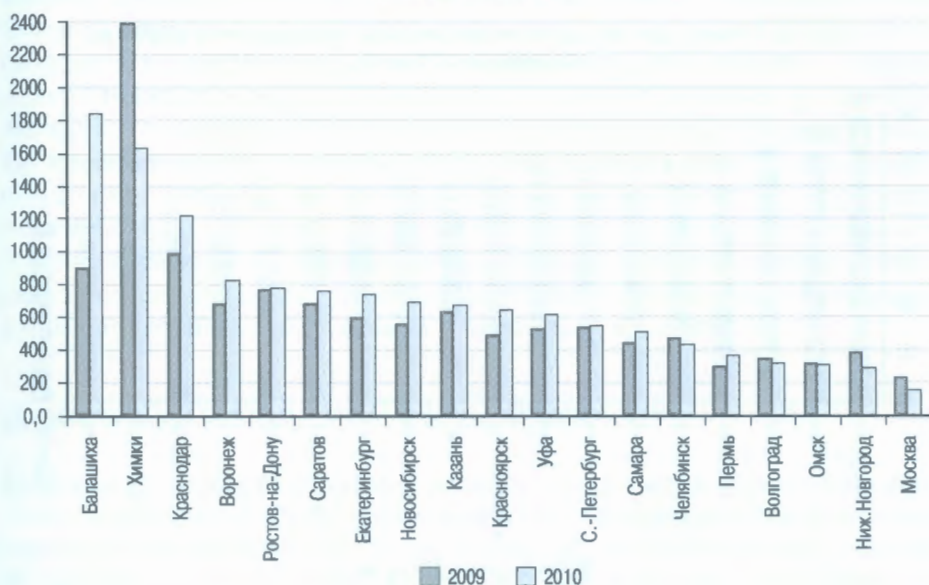
Рисунок 5. Объем розничной торговли в расчете на душу населения, без учета субъектов малого предпринимательства и рынков (в номинальном выражении и с корректировкой на стоимость жизни), тыс. руб./чел.

данные об объемах торговли на рынках и малом предпринимательстве. Эти более примитивные формы все еще занимают значительную долю в обороте розничной торговли сибирских, уральских, поволжских городов.

Одним из косвенных индикаторов доходов и потребления служит ввод жилья, так как большая его часть идет на продажу или строится за счет средств населения. Москва в последние три года оказалась в числе аутсайдеров вследствие ограничения площадей для массового строительства и его

Рисунок 6. Ввод жилья в среднем за 2009-2010 гг., кв. м на 1 тыс. чел.

переноса в Подмоскowie. Немалую роль играет также сверхвысокая цена на жилье в столице. Показатели ввода жилья в расчете на 1000 чел. в Москве в 3,5 раза ниже, чем в Санкт-Петербурге.

Лидерами по вводу жилья в расчете на 1000 чел. являются города ближнего Подмосковья, куда сместился платежеспособный спрос не только москвичей, но и жителей других городов страны (рис. 6). На Московскую область приходится 13% вводимого в стране жилья. Среди региональных центров устойчиво лидируют менее крупные Тюмень и Краснодар, имеющие достаточно высокий платежеспособный спрос населения в сочетании с умеренной ценой жилья. В целом в городах Черноземья и юга России жилья строят больше (Воронеж, Ростов-на-Дону и др.). Минимальные показатели среди крупнейших городов имеют Пермь, Волгоград, Омск и Нижний Новгород. Это следствие разных факторов: проблем экономического развития этих городов, низкого платежеспособного спроса населения, более сильных институциональных барьеров для застройщиков.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Обеспеченность жильем и основными услугами отражает качество жизни в городах. По жилищной обеспеченности лидируют города юга с высокой долей индивидуального жилищного фонда и значительным жилищным строительством (Краснодар) и города ближнего Подмосковья (Химки) с массовым жилищным строительством для всей агломерации. Хуже всего обеспечено жильем население быстро растущей Москвы — на 17% ниже среднего показателя по стране, показатели Санкт-Петербурга близки к средним по стране.

Проблема дефицита мест и переполненности детских садов — общая для всех крупных городов, но более всего переполнены детские сады в Краснодаре и Уфе (рис. 7). Не так остра эта проблема в мегаполисах с сильно постаревшим населением (Санкт-Петербург) и значительным миграционным оттоком

Рисунок 7. Число детей в детских дошкольных учреждениях в 2010 г., человек на 100 мест

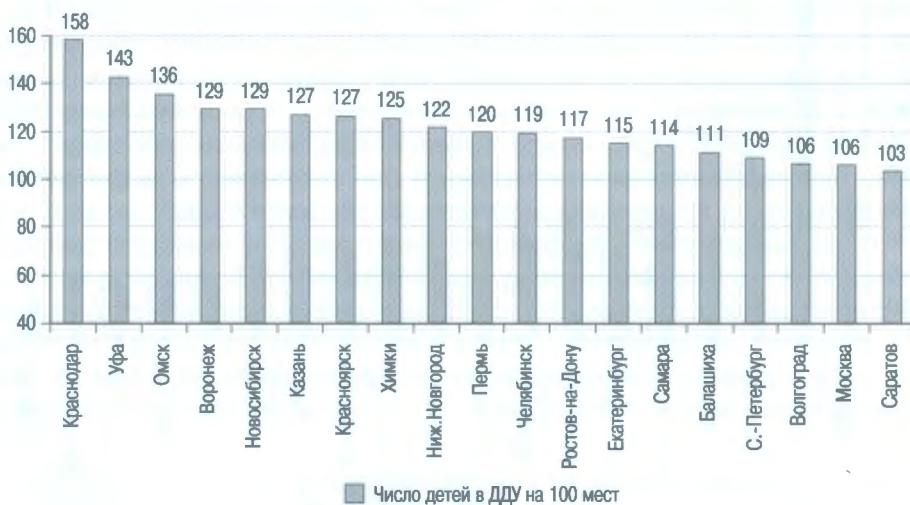
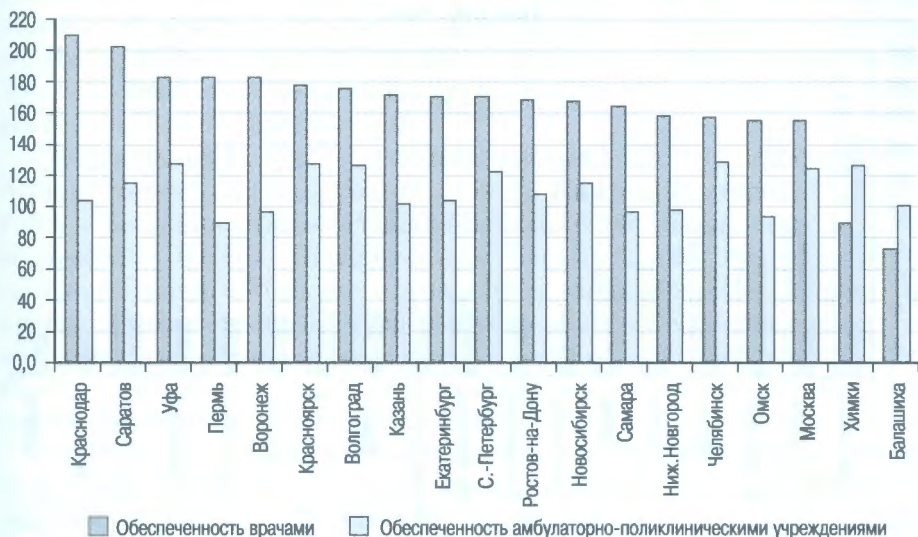

Рисунок 8. Обеспеченность населения врачами и амбулаторно-поликлиническими учреждениями, процент к средней по РФ

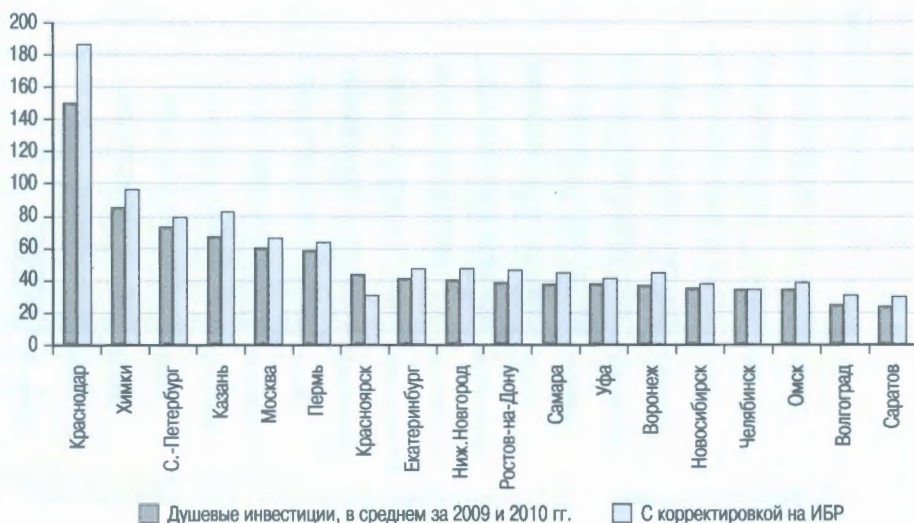
молодежи (Саратов, Волгоград). Москва также имеет один из самых низких показателей переполненности детских садов благодаря возросшим масштабам ввода новых дошкольных учреждений, а также «уплотнению» детей в существующих.

На уровень обеспеченности крупнейших городов медицинскими услугами влияют несколько разнородных факторов: сложившаяся сеть медицинских учреждений, деятельность властей региона и города по реформированию системы здравоохранения, а для Москвы — и высокие темпы роста численности населения. В советское время обеспеченность врачами в Москве была максимальной, но в 2010 г. столица имела самые низкие показатели по сравнению с другими крупнейшими городами (рис. 8). Быстрый рост населения столицы дополняется спросом на получение медицинских услуг в ней со стороны жителей Московской области, где обеспеченность врачами низка даже в ближних пригородах. Эти факторы должны учитываться при оптимизации численности врачебного персонала в ходе реформы здравоохранения. По обеспеченности амбулаторно-поликлиническими учреждениями (на 25% выше среднероссийской) Москва сохраняет лучшие позиции, поскольку в быстро стареющем городе доступность поликлиник — необходимое условие жизни, их сеть не сворачивается. Среди крупнейших городов наиболее низки показатели доступности поликлиник в Перми и Омске — на 6–11% ниже среднего уровня по стране, а также в Челябинске и Самаре.

ИНВЕСТИЦИИ И БЮДЖЕТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ

Важнейшая проблема России — дефицит инвестиций, кризисный спад 2009 г. не преодолен. Инвестиционный «голод» испытывают и крупнейшие города России, что затрудняет их социальное развитие. Только в трех городах (Краснодар, Санкт-Петербург, Казань) душевые инвестиции выше средних

Рисунок 9. Инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения в среднем за 2009 и 2010 гг.⁵ (номинальные и с корректировкой на удорожание), тыс. руб./чел.

Примечание. Для корректировки использован индекс бюджетных расходов Минфина (ИБР).

по стране (рис. 9). В Москве душевые инвестиции в среднем за 2009–2010 гг. были равны среднероссийским (60 тыс. руб. на человека), но ее ближние пригороды, например Химки, получают больше. Хотя еще несколько лет назад Москва была лидером среди крупнейших российских городов по объему инвестиций в душевом выражении.

Инвестиционные приоритеты в России таковы: для бизнеса это нефтегазодобывающие регионы, для государства — Сочи, где строятся объекты Олимпиады (немалая часть средств перепадает Краснодару), Владивосток, где проводится саммит АТЭС, Казань, готовящаяся к Универсиаде, а также Грозный с особым режимом федерального финансирования. Кроме городов с особыми преференциями, в числе лидеров небольшие по численности населения центры богатых нефтегазодобывающих округов Тюменской области, некоторые промышленные города со значительными инвестициями крупных компаний в их базовые предприятия (Нижнекамск, Нижневартовск, Магнитогорск, Сургут, Липецк и др.) и города «новой индустриализации» с большим объемом иностранных и отечественных инвестиций (Калуга, Калининград). Крупнейшие города им проигрывают, особенно Волгоград и Саратов, что создает серьезные барьеры для развития.

Помогают ли развитию крупнейших городов инвестиции из бюджетов? В среднем по регионам РФ доля инвестиций из бюджетов всех уровней составляет 20%, в том числе из федерального — 10–11%. В крупнейших городах структура инвестиций различается. Доля бюджетных инвестиций минимальна в Омске, а самую высокую долю имеют Казань, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, причем в двух последних выше доля инвестиций из

⁵ Душевые инвестиции рассчитаны в среднем за два года (2009 и 2010 гг.), чтобы сгладить сильные годовые колебания в период кризиса и на стадии выхода из него.

федерального бюджета. В Москве при высокой доле бюджетных инвестиций (30–40%) основная их часть поступает из бюджета города. Такая структура инвестиций характерна для двух городов, бюджет которых получает рентные доходы, — Москвы и Тюмени⁶. Благодаря огромным рентным доходам бюджет Москвы является важнейшим инструментом развития города, в том числе его социальной инфраструктуры.

Федеральный бюджет — наиболее значимый инвестор для четырех крупнейших городов (Казань, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Воронеж), в них инвестиции из федерального бюджета составляют не менее четверти всего объема. В Санкт-Петербурге федеральный бюджет обеспечивает 17% всех инвестиций, в Москве его доля в 2011 г. выросла до 10%. Система распределения инвестиций из федерального бюджета непрозрачна, велика роль лоббизма региональных органов власти и крупных компаний, что не способствует развитию конкуренции крупнейших городов за частных инвесторов и улучшению инвестиционного климата.

Показатели душевых доходов бюджетов наиболее ярко демонстрируют сильнейший отрыв федеральных городов от прочих крупнейших. Федеральные города (субъекты РФ) получают значительно больший объем налогов, поэтому душевые доходы бюджета в Москве составили в 2010 г. 98 тыс. руб., в Санкт-Петербурге — 72 тыс. руб. Доходы бюджетов городов-муниципалитетов намного ниже и слабо различаются между собой — от 12 до 23 тыс. руб. на человека в 2010 г. При этом крупнейшие региональные центры уступают по душевым доходам бюджета относительно небольшим муниципалитетам ближнего Подмосковья (Химки, Балашиха). Низкая бюджетная обеспеченность — сильнейший тормоз развития всех крупнейших городов страны, за исключением федеральных.

МОСКВА: ПРЕИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ

Статистика подтверждает, что преимуществ у столицы очень много: наиболее образованное население, диверсифицированный рынок труда и минимальные проблемы безработицы, мощный миграционный приток трудовых ресурсов, самый высокий уровень заработной платы, потребления, бюджетной обеспеченности, наиболее успешное решение проблемы дефицита мест в детских дошкольных учреждениях. Однако столица проигрывает всем крупнейшим городам по обеспеченности жильем и его вводу, обеспеченности врачами, в ней самая низкая доля детей в структуре населения наряду с Санкт-Петербургом, сильно постаревшее население. Кроме того, столица медленно выходит из инвестиционного спада и уже не лидер по душевым показателям инвестиций. К этому нужно добавить новую проблему — бюджет Москвы уже не будет расти такими высокими темпами, поскольку с 2012 г. изменилось законодательство и крупные российские компании должны выплачивать более значительную часть налога на прибыль в регионах размещения их предприятий. Столичная рента сокращается, при этом городу приходится

⁶ В Москве это огромный налог на прибыль, выплачиваемый в бюджет города штаб-квартирами крупнейших российских компаний, в Тюменской области — поступления налога на добычу полезных ископаемых (до 2010 г.)

Таблица 1. Группировка городов по уровню развития

	Лидеры	«Середина»	Аутсайдеры
Федеральные города	Москва	Санкт-Петербург	
Прочие города с населением более 800 тыс. чел.	Екатеринбург, Казань, Краснодар	Новосибирск, Ростов-на-Дону, Уфа, Самара, Нижний Новгород, Пермь, Челябинск, Красноярск	Волгоград, Омск, Воронеж, Саратов

тратить все больше средств на инфраструктуру для смягчения транспортного коллапса. Все последние меры московского правительства показывают, что социальные расходы бюджета города будут оптимизироваться. И тогда статистика может показать не только худшую среди российских мегаполисов обеспеченность врачами...

Тем не менее Москва остается лидером, а концентрация в ней человеческих и финансовых ресурсов — максимальной. Все остальные крупнейшие города можно сгруппировать по нескольким основаниям — численности населения и статусу (крупнейшие федеральные города и прочие) и совокупной оценке социально-экономического развития. Внутри каждой группы автором проведено разделение на лидеров, «середину» и аутсайдеров (табл. 1) на основе рассмотренных выше индикаторов с приоритетом заработной платы, занятости, инвестиций и доходов бюджета. Регионы с самыми худшими значениями этих индикаторов попали в группу аутсайдеров.

Результаты вполне предсказуемы. Города-лидеры имеют более разнообразные конкурентные преимущества: развитые функции межрегионального центра и концентрацию в своем регионе финансовых ресурсов богатого экспортного бизнеса (Екатеринбург), выгодное географическое положение, привлекательные для жизни условия, развитую инфраструктуру, многочисленных и более дешевых для бизнеса работников, резко возросший при подготовке к Олимпиаде поток инвестиций в регион (Краснодар). Почти все эти преимущества имеет и Казань, к ним нужно добавить многолетнюю особую финансовую поддержку Татарстана из федерального бюджета и немалые собственные доходы республики от нефтяной отрасли, направлявшиеся и на развитие столицы. Аутсайдерами оказались наименее крупные города, имеющие самые ограниченные экономические ресурсы для развития (Воронеж, Саратов), индустриальные города с низкоконкурентной экономикой и неразвитой социальной инфраструктурой, более низким человеческим капиталом (Волгоград, в меньшей степени Омск). Но все эти различия — в «первой лиге», а «высшая лига» федеральных городов далеко впереди. И пока это так, две крупнейшие агломерации страны будут выкачивать человеческие ресурсы со всей страны, замедляя развитие всех других крупнейших городов.

ЛИТЕРАТУРА

Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. № 4, 2009. с. 4–19.

Махрова А.Г. Социальное расслоение населения в современной Москве: территориальная проекция // Территория и планирование. № 1 (37). 2012. С. 14–27.

КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОЙ ИСКЛЮЧЕННОСТИ? ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК КЛЮЧ К СОЦИАЛЬНОЙ ВКЛЮЧЕННОСТИ В КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДАХ¹

Виллем ван Винден, Европейский институт сравнительных городских исследований,
Университет Эразмус, Роттердам

Социальная исключенность (social exclusion)² отдельных слоев городского населения стала рассматриваться в качестве одной из ключевых причин множества современных городских проблем. В настоящее время возник новый повод для оптимизма в отношении возможностей преодолеть социальную исключенность. По большей части он основан на кажущихся безграничными возможностях информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Считается, что ИКТ вносят вклад в экономическое, социальное и политическое измерения включенности (inclusion). Более пристальное изучение вопроса позволяет сделать вывод, что лица, определяющие политику, возлагают слишком большие ожидания на ИКТ как средство решения проблемы социальной исключенности, однако при определенных условиях в долгосрочной перспективе ИКТ действительно могут поддержать политику социальной включенности. Степень, в которой новые возможности ИКТ могут быть выгодно использованы, зависит во многом от способности городского управления повлиять на понимание и применение населением ИКТ, а также от соотнесения с другими стратегиями в области социальной включенности.

ВВЕДЕНИЕ

В 1970-х и 1980-х гг. многие города Европы пережили серьезный кризис. Они потеряли часть населения, и их экономическая база ослабла. Семьи покинули центры крупных городов ради пригородных жилищ или менее тесных сообществ. Рост уровня перенаселенности и ухудшение состояния внутри городов сделали их менее привлекательными для жизни, а возросшая мобильность людей — за счет увеличения числа автовладельцев и улучшения работы общественного транспорта — дала возможность людям жить дальше от места работы, в больших по размеру домах. Центральные части многих европейских городов становились все менее и менее привлекательными,

¹ Перевод статьи Willem van Winden (2001): The End of Social Exclusion? On Information Technology Policy as a Key to Social Inclusion in Large European Cities, *Regional Studies*, 35:9, 861-877. Научный редактор перевода — Синявская О. В., к.э.н., заместитель директора НИСР.

² Термин «social exclusion» не имеет единственного аналога в русском языке. В ряде научных статей используют кальку «социальная эксклюзия»; в других переводят как «социальная изоляция / изолированность» либо «социальная исключенность». В работах по социальной политике последний термин употребляется относительно чаще, поэтому мы будем использовать его в переводе данной статьи. Соответственно, антоним социальной исключенности — «social inclusion» — будет переводиться нами как «социальная включенность». *Примеч. науч. ред.*

качество жилого фонда в них ухудшалось, и их стали заселять малоквалифицированные рабочие-мигранты. Городские магазины пострадали от снижения притока покупателей и столкнулись с серьезной конкуренцией в виде новых пригородных торговых центров. В конце 1980-х гг. многие отметили поворотный для Западной Европы момент в этой нисходящей спирали [Van Den Berg, 1987; Cheshire and Hay, 1989]. В части европейских городов потери населения остановились, а некоторые города смогли трансформировать свою индустриальную базу и начать развивать новые секторы экономики [Van Den Berg et al., 2001]. Этот тренд подтвердился в 1990-х гг., когда несколько европейских городов пережили удивительное возрождение. Тогда этот «поворотный момент» совпал с началом комплекса изменений, которые обычно описывают термином «информационная революция». Этот емкий термин относится к экономическим, социальным и институциональным изменениям, вызванным и/или значительно подкрепленным революционными инновациями в информационных и коммуникационных технологиях, и их широким применением компаниями и гражданами [Castells, 1996]. Несмотря на признаки излечения, во многих европейских городах до сих пор сохраняется высокий уровень безработицы, преступности, наркопотребления и физической деградации в определенных городских кварталах. В последние годы социальная исключенность отдельных частей городского населения стала рассматриваться как одна из основных причин этого взаимосвязанного комплекса городских проблем. Многие города развивают и применяют интегрированные подходы, которые включают в себя стимулирование образования, определенные стратегии на рынке труда и улучшение городской среды в обветшавших кварталах. С недавних пор появились новые основания для оптимизма в отношении возможностей побороть социальную исключенность. По большей части они основаны на кажущихся безграничными возможностях информационных технологий. ИКТ рассматриваются как катализатор новых социальных связей, повышенной безопасности, более высокой активности граждан на рынке труда и в политической деятельности.

В этой статье критически оценивается вклад ИКТ в социальную включенность в городских районах, в особенности в нищих кварталах, описывается и анализируется то, как, по мнению людей, определяющих политику в этой сфере, ИКТ могут быть полезны в этом отношении и какие стратегии разработаны для решения новых задач. Данная статья основана на международном сравнительном анализе различных способов применения ИКТ европейскими городами [Van Den Berg и Van Winden, 2000]. В центре нашего внимания три конкретных примера (кейса): один — в Великобритании (Манчестер) и два — в Нидерландах (Гаага и Роттердам). Эти страны были выбраны, так как, по сравнению с другими, у них наиболее высокий уровень ожиданий от ИКТ как способа решения ряда проблем, связанных с исключенностью, и они активно инвестируют средства в этом направлении. Города Манчестер, Роттердам и Гаага были выбраны, потому что они особенно привержены использованию ИКТ в качестве способа борьбы с социальной исключенностью. По каждому городу были подробно рассмотрены соответствующие отчеты, исследования и программные документы в отношении местной политики в области ИКТ, а также проведены несколько интервью с людьми, формирующими местные программы, и получателями этих программ и услуг. Для изучения виртуальных сетей были широко использованы веб-ресурсы.

Цель этой статьи — внести вклад в фундаментальное обсуждение того, как информационная революция влияет на городское развитие и какой стратегический ответ могут дать лица, ответственные за разработку соответствующей политики и программ. Несмотря на то что существует и постоянно увеличивается спектр литературы по общим вопросам ИКТ и развития городов [Sassen, 1994; Graham и Marvin, 1996; Hall, 1998; Graham, 1998, 1999; Gibbs, 2001, и многие другие], насколько нам известно, исследования инструментальной ценности ИКТ в борьбе с социальной исключенностью в городских районах ранее не проводились.

Приведем краткое содержание и структуру данной статьи. Следующий раздел открывается коротким обсуждением вопроса социальной исключенности в европейских городах. Затем дается оценка того, как и в какой степени разработчики стратегических программ и ученые рассматривают возможности вклада ИКТ в социальную включенность, а также представляются свидетельства из выбранных городов — Манчестера, Гааги и Роттердама. В четвертом разделе мы обращаемся к сложностям, с которыми сталкиваются многие городские управленцы: как подключить всех горожан для того, чтобы извлечь максимальную выгоду из ИКТ. Дана критическая оценка ряда программ по продвижению внедрения ИКТ в Великобритании и Нидерландах. Последний раздел содержит выводы.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСКЛЮЧЕННОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДАХ

Существует много различных определений и подходов к понятию социальной исключенности [см. Mingione, 1996; Levitas, 1998; Byrne, 1999]. В большинстве случаев понятие «социальная исключенность» не относится напрямую к материальной депривации, а скорее, к степени доступности и использования широкого спектра услуг, а также участия в общественной жизни [Liebfried, 1993; Bhalla and Lapeyre, 1997]. Балла и Лапейр выделяют различия между социальной, экономической и политической исключенностью. Экономическая исключенность ассоциируется с безработицей, низкими доходами или низким уровнем доступа к определенным товарам и услугам. Политическая исключенность относится к лишению конкретных человеческих или политических прав определенных групп населения и отсутствию участия в политическом процессе. Социальное измерение описывается в виде доступа к социальным услугам и возможностям участия в общественной жизни. В следующем разделе мы используем различия между экономической, социальной и политической исключенностью в обсуждении того вклада, который (как считается) новые информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) делают в процесс социальной включенности.

Большинство подходов к социальной исключенности ориентированы на процесс и особое внимание уделяют взаимосвязям между социальной, экономической и политической исключенностью. Многие называют безработицу началом цикла исключенности. Безработица (экономическая исключенность) ведет главным образом к потере дохода и возможности отстаивать свои интересы в других ситуациях и напрямую связана с исключением (исключенностью) из производственной среды, услуг, ресурсов и общественных сетей. В частности, считается, что длительное отсутствие работы влечет за собой другие

виды исключенности: ухудшаются общественные взаимосвязи [Clasen et al., 1997], часто возникает стигма и уныние [Layard et al., 1994] и появляется соблазн справиться с ситуацией с помощью выпивки, наркотиков или совершения преступных действий [Morris and Irwin, 1992; Clasen et al., 1997]. С этой точки зрения интеграция с помощью оплачиваемой занятости считается ключевой для всех программ социальной включенности. Левитас [Levitas, 1998] предупреждает, что подходы, основанные только лишь на интеграции людей с помощью рынка труда, отказываются признавать ценность неоплачиваемой работы или исключенность, возникающую вследствие низкооплачиваемой занятости.

Очевидно, что социальная исключенность не является только городским феноменом. Тем не менее в странах ЕС и в США соответствующие проблемы достаточно громко заявляют о себе в больших городах, в особенности в отдельных кварталах. Некоторые исследователи предполагают, что проблемы социальной исключенности, как правило, концентрируются в определенных районах [Madanipour, 1998; Byrne, 1999]. Холл [Hall, 1998] обращает внимание на порочный круг низкого уровня образования, безработицы и преступности во многих нищих районах европейских городов. Пауэр [Power, 1997] отмечает концентрацию бедных и безработных людей в более крупных муниципальных жилых массивах. Уакквант [Wacquant, 1993] и Жукин [Žuckin, 1998] упоминают концентрацию проблем в кварталах со значительным количеством проживающих мигрантов или представителей этнических групп. Широко распространено мнение, что концентрация малообеспеченных или безработных людей в одном месте приводит к последующему ухудшению положения, что усиливает неблагоприятное состояние, в котором находятся домохозяйства в нищих жилых массивах или кварталах [Taylor, 1995]. Семьи, у которых есть выбор, делают его в пользу проживания в каком-либо другом месте, а новыми резидентами становятся те, у кого выбора нет. Концентрации обездоленных ведут к ослаблению социальных связей. Это наносит серьезный ущерб, так как социальные сети являются ключевыми в процессе обмена информацией о работе [Scottish Council Foundation, 1998, с. 14], а также в предоставлении ухода и поддержки в разнообразных других контекстах [Young and Lemos, 1997]. В этой связи утверждается, что сильные внутренние социальные сети менее эффективны в борьбе с социальной исключенностью, чем те сети, которые шире связаны с внешним миром. В то же время признается, что кварталы с серьезными проблемами в отношении безработицы и низкого дохода менее склонны к созданию сильных внешних социальных сетей [Pett, 1997].

В последние десятилетия социальная исключенность в урбанистических районах стала постоянной. Некоторые исследователи считают, что в дальнейшем проблема будет только нарастать в связи с глобализацией и технологическими изменениями. Грэхэм и Марвин [Graham and Marvin, 1996] утверждают, что информационная революция повлечет за собой усиление элит, увеличение разрыва между богатыми и бедными и приведет к увеличению социальной и территориальной поляризации и фрагментации внутри городов. Хэнди, Холл и Кастельс [Handy, 1994; Hall, 1998; and Castells, 1999] считают, что быстрые технологические изменения могут привести к увеличению исключенности более слабых социальных групп, так как им не хватает квалификации, чтобы угнаться за этими изменениями. Эти группы останутся безработными или будут вынуждены стать разнорабочими («рабочей беднотой») и удовлетворять нужды городских богачей. Кастельс [Castells, 1997] предсказывает усиление со-

циальной исключенности и тенденцию к фрагментации вследствие ослабления традиционных семейных связей и кризиса государства благосостояния. Другие исследователи придерживаются более оптимистичных взглядов.

В следующем разделе мы рассмотрим причины возникшего оптимизма, наблюдаемого в политических кругах в отношении возможностей борьбы с процессами социальной исключенности. Эти ожидания по большей части основаны на потенциале новых информационных и коммуникационных технологий. Они относятся к экономическому, социальному и политическому измерениям исключенности.

ИКТ — ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУК?

У европейских городов существует длительная традиция борьбы с социальной исключенностью. В течение десятилетий городские правительства по всей Европе разрабатывали стратегии и программы борьбы с бедностью и социальной исключенностью, среди которых были программы экономического развития, образования, улучшения жилищных условий, проекты субсидируемого труда³ и т.д. Наблюдается значительное различие в подходах к решению проблем; у каждой страны сложились свои традиции в области борьбы с бедностью и исключенностью. В 1990-х гг. появилась некая конвергенция в подходах: основой стали ориентация на интеграцию программ и партнерство на местном уровне [Geddes, 2000].

В последние годы наблюдается новый «технооптимизм», относящийся к новым возможностям ИКТ в борьбе с социальной исключенностью. В нескольких программных документах, а также и в наших интервью мы столкнулись с мнением, что ИКТ могут содействовать трем измерениям социальной включенности. В отношении социальной составляющей ИКТ описываются как катализатор социальной сплоченности: они позволяют людям вовлекаться в социальные сети новыми способами. Что касается политического измерения исключенности, ИКТ рассматриваются в качестве инструмента, способного улучшить или обновить гражданское участие в местном процессе принятия решений и выработки политики. В отношении экономического измерения ИКТ воспринимаются в качестве способа возвращения безработных людей на рынок труда.

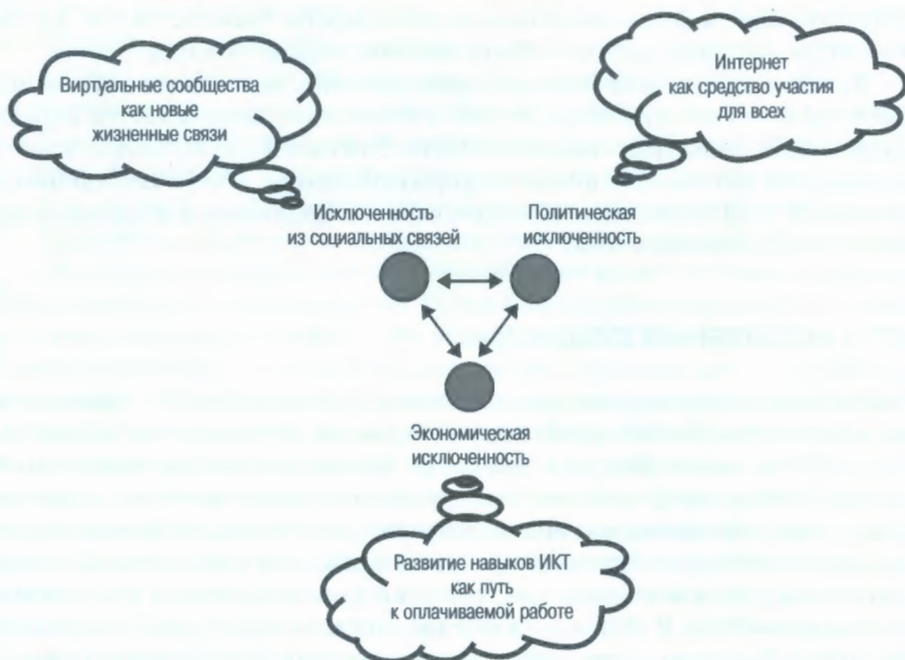
На *рисунке 1* графически представлены разные измерения исключенности и потенциальный вклад со стороны ИКТ. В этом разделе мы детально разбираем существующие взгляды людей, определяющих политику, и исследователей по данным вопросам, а также представляем доказательства в виде отдельных примеров из наших кейсов о том, какой реальный вклад ИКТ вносят в вышеупомянутые аспекты.

ИКТ как катализатор социальных сетей

Многие считают, что ИКТ могут быть катализатором улучшения социальных отношений для людей, пострадавших от исключенности или проживающих

³ Речь идет о системе занятости, в которой работник получает от государства гарантированную субсидируемую заработную плату до тех пор, пока может и хочет работать. Работодатели, нанимая таких работников у государства, должны предложить им размер зарплаты, превышающий субсидируемую. Эта «избыточная» зарплата делится между работником и государством. *Примеч. науч. ред.*

Рисунок 1. Измерения социальной исключенности и потенциальный вклад ИКТ

в нищих кварталах, так как электронная почта и интернет создают возможности для легкого социального общения. Голландская специализированная государственная комиссия по ИКТ и городскому развитию настроена довольно оптимистично: «С одной стороны, существующие социальные отношения перейдут в электронно-цифровую форму, но при этом возникнут новые виртуальные сообщества, не имеющие предшественников в «реальном мире». Эти виртуальные сообщества смогут сделать вклад в социальную интеграцию в городах в противовес негативным последствиям индивидуализации. Виртуальные сообщества способствуют установлению более разнообразных контактов между людьми» [Commissie ICT en de Stad, 2000, p. 20].

Эта комиссия также считает, что ИКТ могут стимулировать интеграцию этнических меньшинств: «Интеграция и участие этнических меньшинств может увеличиться за счет предоставления им обучающего программного обеспечения с анимационными видео или аудиовизуальными программами через сети с высокоскоростным подключением (широкополосные информационные сети)». Президент комиссии в интервью рассматривает крупные инвестиции в ИКТ как способ решения множества проблем больших городов: «Компьютер может стать волшебной палочкой для социума бедных кварталов: вовлечение граждан в онлайн-коммуникацию позволяет им делать покупки, находить людей с похожими проблемами, устанавливать связи, в том числе с соседями, у которых есть схожие интересы; чувство общности, социальной сплоченности и приверженности будет усилено» [De Volkskrant, 2000].

Некоторые настроены еще более оптимистично. Нами были проведены интервью со служителем церкви, который руководит ИКТ-проектом в бедном квартале в восточной части Манчестера. В его видении «проводного будущего» этого бедного района жители квартала будут использовать электронную

почту и интернет для общения друг с другом; инвалиды или престарелые люди смогут попросить детей совершать для них покупки и вывешивать онлайн-список необходимых товаров; пожилые люди будут помогать детям с домашней работой. В Великобритании Национальная комиссия по социальной исключенности считает, что доступ к ИКТ может существенно изменить ситуацию к лучшему и сделать свой вклад в обновление сообществ; это помогает людям развивать в себе такие качества как уверенность и самооценка, а также позволяет гражданам публиковать и транслировать свои мнения и идеи [Департамент торговли и промышленности (DTI), 2000]. Некоторые считают, что ИКТ могут уменьшить чувство одиночества и социальной изоляции. «С веб-камерой пожилым людям легче выживать в современном обществе. Им легче общаться с другими людьми, и это уменьшает чувство одиночества. В то же время им проще находиться под наблюдением социальных работников, что увеличивает их чувство защищенности» [Commissie ICT en de Stad, 2000]. Таким же образом интернет может уменьшить изоляцию менее мобильных групп населения, например, мусульманок-иммигрантов или одиноких матерей. С помощью электронной почты они могут быть в связи с остальным миром [Electronic Village Hall (EVH), 1999].

У других исследователей можно заметить скептический взгляд на роль ИКТ в социальной включенности. Они считают, что виртуальная реальность может способствовать лишь большей социальной фрагментации. Санштайн [Sunstein, 2001], например, утверждает, что люди все больше и больше будут использовать интернет, отсеивая все богатство человеческого разнообразия и изолируя себя. Интернет может загнать индивидуума обратно в пещеру, к которой он сможет закрыть доступ для всех, кроме наиболее близких по духу посетителей. Другие «современные приверженцы антиутопии» предполагают, что притягательная сила новых коммуникационных технологий уводит людей от прямого человеческого контакта и еще больше разрушает их связи с семьями и сообществами [Fox, 1995; and Slouka, 1995].

Есть ли доказательства того, что ИКТ ведет к улучшению социальных связей и появлению новых типов социальных сетей? В Гааге местное правительство активно продвигает формирование цифровых «улиц», «кварталов» или «площадей» на официальных веб-порталах городов. Это могут быть как виртуальные сообщества людей реальных улиц и кварталов, так и только интернет-сообщества. На одном из веб-порталов г. Гаага — Digitalehof-stad.nl⁴ — граждане могут общаться друг с другом на форумах и легко создавать новые темы. Многие форумы были созданы по принципу местных интересов, некоторые посвящены развитию в конкретных кварталах, не обязательно в проблемных районах. В Роттердаме благодаря жителю-энтузиасту реально существующая улица дополнилась виртуальной. Что интересно, создание виртуальной улицы внесло свой вклад в социальную сплоченность жителей улицы. Люди лучше узнают друг друга и используют веб-сайт для обсуждения всевозможных локальных проблем. Это даже привело к созданию еженедельной «уличной встречи за стаканчиком» в баре за углом (www.graafflorisstraat.nl). Хотя это улица расположена в проблемном квартале, ее обитатели имеют хороший достаток и далеки от «исключенности».

⁴ Портал был основан в середине 1990-х гг. Примечательно, что он был создан участниками муниципального тренинга по ИКТ в рамках инициативы для безработных граждан.

Мы обнаружили еще несколько сайтов, целью которых выступает создание «виртуальных соседств» в интернете. Один из наиболее амбициозных сайтов в Нидерландах — Buurtonline.nl. Это сайт, работающий при поддержке государства, на котором заявлено, что он покрывает всю страну. Посетители могут вбить почтовый индекс, чтобы получать сообщения и обновления публикаций от людей, живущих по соседству: спрос и предложение б/у товаров, личные услуги, запрос контактов и т.п. Количество публикаций, однако, очень ограничено. Более подробное изучение сайта показало, что отклик жителей наиболее бедных кварталов, в особенности в Роттердаме (Делфсхавен, Фейноорд) и Гааге (Шилдершвик), очень слабый.

Одно из предсказаний проповедников ИКТ состоит в том, что ИКТ ведут к большему количеству связей между этническими группами и автохтонными группами населения и таким образом делают вклад в интеграцию. В Нидерландах нами обнаружено мало свидетельств в поддержку этого тезиса. Скорее, наблюдается растущая популярность этнических виртуальных сообществ. Молодые марокканцы — дети и внуки первого поколения иммигрантов — встречаются виртуально на сайте Maghreb.nl, и у других этнических групп есть свои собственные форумы. Это подтверждает заключение Санштайна [Sunstein, 2001], что интернет не способствует созданию более разнообразных и многонациональных социальных сетей, а, скорее, ведет к созданию специализированных сетей для равных людей. Необходимо проведение дальнейших исследований для того, чтобы разобраться в роли этих этнических виртуальных сообществ в процессах социальной включенности и исключенности.

ИКТ как катализатор участия в гражданских и политических процессах

Одним из ракурсов социальной исключенности является низкий уровень гражданского участия и вовлеченности в политический процесс. Группы, подверженные социальной исключенности, обычно имеют мало влияния на местные процессы принятия решений, низкие проценты явки на выборах и низкий уровень участия в гражданском обществе. Многие политики и авторы стратегий и программ сегодня считают, что ИКТ могут стать катализатором, ведущим к улучшению сложившейся ситуации. Процитируем доклад Голландской комиссии по ИКТ и городскому развитию [Commissie ICT en de Stad, 2000]: «Виртуальные сообщества могут быть основой для формирования мнений и дискуссий, выражать интересы и политические предпочтения гражданских групп; так, ИКТ помогут выстроить новые мосты между гражданами и городскими управленцами». Британская группа по формированию программ в области социальной включенности и ИКТ высказывает схожее мнение: «Люди, использующие ИКТ, получают право на проведение кампаний и участие в демократическом процессе; они смогут влиять на процессы принятия решений, которые касаются их» [DTI, 2000]. Есть и более скептический настрой в отношении роли ИКТ в стимулировании участия: Соркин [Sorkin, 1992] считает, что возможность ИКТ сокращать дистанции ослабит роль традиционных территориально обусловленных политических процессов.

Города, использованные в качестве примеров (кейсов) в нашем исследовании, стремятся к стимулированию гражданского участия с помощью интернета. В Гааге и Роттердаме у местных политических партий есть веб-сайты

с дискуссионными форумами; члены муниципалитета открывают личные сайты. Цифровая улица в Роттердаме — пример того, как виртуальная улица помогает сформулировать специфические потребности и пожелания ее обитателей; этот сайт, очевидно, служит дискуссионной площадкой и с большой вероятностью оказывает влияние на принятие решений на муниципальном уровне. На городском портале г. Гаага работает веб-форум с обсуждением политики и городского управления, на котором каждый может оставить свой комментарий по политическим вопросам. Мы насчитали в среднем около 50 публикаций в месяц, однако большая часть из них не относилась к дебатам, а, скорее, была способом выражения дискомфорта в агрессивных и иногда расистских заявлениях. В Гааге также экспериментируют с гражданским участием в большом проекте реконструкции городских районов; граждане могут вносить свои идеи на стадии планирования проекта, и пожелания граждан будут учтены в окончательном варианте проекта по мере возможности. Город создал «обсерваторию» на базе Лейденского университета для мониторинга процесса участия и уроков на будущее.

Несмотря на то что все эти инициативы в избранных нами для исследования городах могут способствовать продвижению гражданского участия в процессах принятия решения в целом, мы не нашли свидетельств того, что группы, подверженные социальной исключенности, также используют эти возможности. Скорее, подтверждается предположение, что этим людям не удастся охватить новые возможности, так как часто у них нет даже доступа в интернет. Если это верно, можно утверждать, что новое гражданское участие с использованием ИКТ соответственно снизит относительный уровень участия групп, подверженных социальной исключенности.

ИКТ и экономическая включенность: компьютерные навыки как билет на рынок труда

Считается, что ИКТ вносят вклад в экономический аспект включенности. Социальная исключенность связана со структурной безработицей (см. выше). Сейчас уже широко распространено мнение, что обучение людей, подверженных исключенности, навыкам ИКТ может серьезно повысить их шансы на реинтеграцию на рынке труда, учитывая нехватку персонала с навыками ИКТ в информационной индустрии многих городов [Hall, 1998]. Если людей обучить даже основным навыкам ИКТ — работе с электронными текстами, таблицами — их шансы трудоустройства значительно повысятся. Другие считают, что обучения навыкам ИКТ недостаточно. Недавние исследования голландского Бюро социального и культурного планирования [the SCP, 2000] показали, что огромное значение в успешном возвращении на рынок труда принадлежит когнитивным и социальным способностям. Таким образом, программы, нацеленные на это, должны также учитывать нехватку этих способностей. ИКТ также могли бы обеспечивать оплачиваемой работой с использованием дистанционных технологий менее мобильные группы населения (например, людей с физическими ограничениями, одиноких матерей, некоторые категории женщин-иммигрантов), что оказало бы положительное влияние на доход и самооценку этих людей и могло бы в перспективе снизить их имобильность и улучшить их социальные связи.

В Нидерландах и Великобритании мы обнаружили значительный оптимизм в отношении новых возможностей и реальных попыток улучшить «электронную грамотность» в бедных кварталах. Британская инициатива «Информационные технологии для всех» (IT for All) обеспечивает 3000 центров по всей стране, в которых люди могут осваивать компьютеры. Проект создания центров обучения ИКТ нацелен на открытие 700 обучающих центров в неблагополучных сообществах в ближайшее время. Британское правительство вложило 252 млн фунтов в создание этой сети [Silcock, 2001]. Голландский министр по управлению крупными городами запустил аналогичный проект в 2000 г., который получил название «Цифровые площадки» — центры, обучающие ИКТ, в бедных кварталах. Учитывая недавнее на момент исследования учреждение этих инициатив, трудно оценить их результаты. Манчестер, в котором центры обучения ИКТ начали работу 10 лет назад, уже может похвастаться определенными успехами. Мы провели интервью с некоторыми людьми, сумевшими вернуться на рынок труда благодаря новым навыкам, которые они там получили.

ПРЕПЯТСТВИЕ НОМЕР ОДИН: ЦИФРОВОЙ РУБЕЖ

В предыдущем разделе были перечислены некоторые потенциальные «выгоды», которые ИКТ могут принести бедным кварталам и людям, подверженным социальной исключенности. Однако этими преимуществами ИКТ люди, подверженные социальной исключенности, могут воспользоваться только при условии, что они имеют доступ к ИКТ и интернету. И это является ключевой проблемой: у многих из них нет доступа к компьютеру или же навыков его использования.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что среди наиболее слабых социальных групп (безработные, этнические меньшинства, люди с низким доходом, пожилые) наблюдается низкий уровень внедрения ИКТ [SCP, 2000]. Британское исследование [DTI, 2000] показывает, что вероятность использования компьютера или интернета представителями нижних социальных классов (D и E в Великобритании)⁵ ниже, чем у населения в целом — 38% (компьютер) и 14% (интернет) по сравнению с соответственно 58% и 29%. Только 9% всех представителей групп, классифицированных как

⁵ Речь идет о стратификации британского общества, предложенной Национальным обследованием читателей (National Readership Survey, Ltd - NRS). Их определение социальных классов, разработанное для классификации читателей, более полувека используется в маркетинговых исследованиях, для выявления целевой аудитории СМИ и т.п. Выделение социальных классов производится на основе профессии главы домохозяйства, либо, если глава домохозяйства безработный или пенсионер, по основной профессии лица, чья зарплата выступает главным источником доходов домохозяйства. В рамках данной классификации выделяется пять социальных страт: А — верхний средний класс, в котором глава домохозяйства является управленцем или чиновником высокого уровня или профессионалом высшей квалификации; В — средний класс; глава домохозяйства — профессионал средней квалификации, управленец или чиновник среднего звена; С1 — нижний средний класс (руководители первого звена, служащие, младшие управленческие, административные или профессиональные позиции); С2 — класс квалифицированных рабочих (квалифицированные рабочие); D — рабочий класс (полуквалифицированные или неквалифицированные рабочие); E — имеющие минимальные доходы (сезонные, случайные работники, разнорабочие, пенсионеры и прочие получатели социальных пособий). См.: http://en.wikipedia.org/wiki/NRS_social_grade. *Примеч. науч. ред.*

Д и Е, использовали интернет за последние 12 месяцев по сравнению с 43% у групп А и В (высшие социальные классы). В исследовании по внедрению ИКТ в Нидерландах [SCP, 2000] выделено пять социальных групп, которые значительно отстают в вопросах владения и использования ИКТ: домохозяйства с низким доходом; (одинокие) женщины; люди в возрасте старше 65 лет; люди с низким уровнем образования; безработные. Отмечается особенно значительная разница в факте владения и использования ИКТ между работающими и безработными.

Учитывая большое представительство низших социальных страт в бедных кварталах, логично предположить, что уровень освоения ИКТ здесь низок. Специализированные исследования доступа к ИКТ в бедных кварталах встречаются редко. Фоли [Foley, 2000], проведя исследование по освоению ИКТ в обездоленных кварталах Великобритании, выявил, что уровень понимания и освоения ИКТ там намного ниже среднего. Квирк [Quirk, 1999] обнаружил очень низкий уровень владения ИКТ в лондонском районе Луишем.

Правительства на различных уровнях разрабатывали инициативы по преодолению этого цифрового рубежа. В городах, выбранных для исследования, нами выделено три типа программ, направленных на улучшение уровня освоения ИКТ среди менее привилегированных групп: создание центров обучения ИКТ в бедных районах; предоставление доступа к интернету в общественных зданиях; предоставление гражданам бесплатного доступа в интернет на дому.

Некоторые города предприняли (или поддержали) инициативы по открытию специализированных ИКТ-центров с целью помочь группам, имеющим более низкий уровень освоения ИКТ, сделать шаги по направлению к информационному обществу, предлагая им обучение основным навыкам ИКТ и доступ к компьютерам и интернету. Например, в Манчестере есть «электронные местные клубы» («electronic village halls» — EVHs), в которых можно получить бесплатный доступ к интернету, а различные тренинги и программы обучению навыкам ИКТ предлагаются по низким ценам. Манчестер насчитывает три таких клуба: один из них работает по территориальному признаку в бедном районе восточной части Манчестера; два других направлены на конкретные группы населения, а именно на иммигрантов («Бангладешский дом») и женщин (Электронный женский клуб). Эта инициатива стартовала в начале 1990-х гг. и была одной из первых в своем роде в европейском городе. Концепция во многом основана на скандинавской модели телесервисных центров в сельских поселениях (см.: <http://www.mmu.ac.uk/h-ss/sis/evh.htm>). Городской совет Манчестера рассматривает политику внедрения ИКТ не только как инструмент борьбы с социальной исключенностью, безработицей и низким уровнем образования, но также как способ компенсировать появляющуюся нехватку кадров в местном секторе ИКТ. Таким образом, социальные задачи объединяются с экономическими. По словам менеджера этих центров, несколько человек, прошедших курсы в таких клубах, нашли себе работу в быстро развивающемся секторе ИКТ, а также и в традиционных секторах экономики. В Нидерландах недавно была запущена похожая инициатива.

Второй тип программ по внедрению ИКТ — предоставление доступа в интернет в общественных зданиях. В Манчестере, Роттердаме и Гааге публичные библиотеки оборудованы терминалами доступа в интернет. Однако большинством пользователей становятся студенты, которые извлекают свои

выгоды из бесплатно предоставляемого компьютерного оборудования. Целевые группы — люди с низким уровнем знания ИКТ — оказываются практически не вовлеченными. Возникает вопрос: до какой степени предоставление бесплатного доступа в интернет должно быть государственной задачей, так как это может вызвать неравную конкуренцию с коммерческими интернет-кафе, быстро возникшими в каждом крупном европейском городе.

Третий тип программ внедрения ИКТ — предложить всем гражданам доступ в интернет в их домах. В Гааге слоган «Каждый горожанин Гааги — подключен» стал центральным в муниципальной стратегии движения к информационному обществу. Значительное большинство населения все еще не находится «онлайн». Для того чтобы увеличить уровень использования новых средств связи и подготовить своих граждан к информатизации общества, город Гаага инициировал проект Residentie.net, в партнерстве с Casema (оператор кабельной связи) и KPN (провайдер телекоммуникационных услуг). Каждый житель города получает бесплатный доступ в интернет. Для того чтобы охватить горожан, не имеющих компьютера, было разработано решение, позволяющее пользоваться интернетом с помощью интерактивного телетекста, для которого нужен лишь телефон и телевизор.

Все эти действия отражают идеальный вариант доступа к ИКТ и интернету для всех граждан. Схожие программы сейчас входят в моду во многих европейских городах и, несомненно, вносят вклад в преодоление цифрового рубежа и открытие новых возможностей для групп, подверженных исключенности. Однако другие тенденции работают в противоположном направлении. Во-первых, скорость появления инноваций в программном обеспечении, оборудовании и сетях усложняет процесс их освоения для людей, которым не хватает социальных, когнитивных и материальных ресурсов, чтобы угнаться за ними, и их отставание может только увеличиться. Во-вторых, продолжающаяся приватизация и дерегулирование европейских рынков телекоммуникаций может привести к растущим качественным изменениям в создании инфраструктуры для богатых и бедных кварталов, так как частные телекоммуникационные компании инвестируют средства туда, где спрос выше, в отличие от их государственных предшественников. Внутри городов могут возникнуть «отключенные» территории [Castells, 1997]. Например, в бедном районе в восточной части Манчестера мы обнаружили очень низкий уровень частных инвестиций в телекоммуникационную инфраструктуру по сравнению с более обеспеченными окраинами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба с социальной исключенностью и восстановление бедных районов является основным приоритетом большинства европейских городов. В последние годы информационные и коммуникационные технологии стали рассматриваться в качестве важного катализатора для решения множества урбанистических проблем, связанных с бедными районами. Люди, определяющие политику и программы развития на европейском, национальном и местном уровне считают что программы ИКТ могут помочь решить проблемы, связанные с исключенностью в экономической, социальной и политической сферах:

- ИКТ могут усилить социальные связи посредством формирования виртуальных сообществ, в которых люди будут общаться друг с другом;
- ИКТ — инструмент для повышения уровня участия в принятии решений и политических процессах на местном уровне;
- ИКТ могут привести к повышению уровня вовлеченности в экономическую жизнь; обучение людей навыкам ИКТ усилит их позиции на рынке труда.

Ожидания очень высоки, о чем свидетельствуют различные программные документы, изученные нами. Однако в конкретных городах, выбранных для исследования, мы нашли мало доказательств того, что ИКТ делают преимущественный вклад в три данные области. Нами не найдено убедительных свидетельств усиления социальных связей групп, подверженных исключенности; также не было найдено признаков увеличивающегося участия в политических процессах и влияния обездоленных групп населения в изучаемых городах. Что касается экономического измерения исключенности, мы обнаружили несколько примеров того, что программы в области ИКТ могут привести к реинтеграции в экономический процесс.

Чем объяснить широкую пропасть между мечтой и реальностью? Во-первых, возможно, еще слишком рано ожидать чудес от ИКТ в отношении социальной включенности. Большинство из инициатив были начаты совсем недавно, а многие программы находятся в экспериментальной стадии. Также уровень освоения ИКТ среди групп, подверженных социальной исключенности, до сих пор чрезвычайно низок. Несмотря на это, ожидания управленцев могут быть излишне оптимистичны, а в некоторых случаях они являются технологическим утопизмом. Во многих случаях ИКТ рассматривается в качестве прямой причины или спускового крючка для благоприятных социальных и экономических изменений. Подобный подход отрицает всю комплексность вопроса: социальная исключенность — это многомерный феномен, к которому примешиваются социальные, экономические и культурные факторы. Следовательно, нельзя ожидать, что предоставление новой технологии сделает мир раем. Грэхэм [Graham, 1999] утверждает, что технология не является автономной силой — скорее, напротив, социальные, институциональные и политические процессы влияют на то, каким образом технологии развиваются и применяются. Данный взгляд полезен для понимания того, почему, несмотря на весь потенциал интернета в области снижения социальной исключенности, проблема продолжает существовать. Основным препятствием, сдерживающим благоприятное влияние ИКТ на это явление, очевидно, является низкий уровень освоения ИКТ в нищих кварталах и среди групп, подверженных социальной исключенности. До тех пор пока такие люди не имеют доступа к новым технологиям, их относительное положение в обществе будет только ухудшаться. Новые технологии расширят экономическую, социальную и политическую власть людей, использующих их, что повлечет за собой соответствующее ухудшение положения тех, кто их не использует.

Более того, либерализация рынка телекоммуникаций вполне может привести к снижению инвестиций в электронную инфраструктуру нищих кварталов. Политики, скорее всего, осознают это и настойчиво ускоряют применение ИКТ. В частности, популярным становится основание центров обучения ИКТ в бедных районах. Риски такого технолого-центричного под-

хода заключаются в том, что важность когнитивных и социальных навыков часто остается незамеченной; эти навыки являются ключевыми не только для интеграции на рынке труда, но также и для того, чтобы иметь возможность успевать за всеми технологическими инновациями. Скорее, программы, направленные на реинтеграцию на рынке труда, могут наилучшим способом одновременно повысить освоение ИКТ и бороться с исключенностью. Наш обзор литературы показывает, что структурная безработица является главным спусковым крючком социальной исключенности и негативно влияет на освоение ИКТ. Кроме того, существует множество возможностей обеспечить лучший доступ к ИКТ, например, ввести налоговые льготы для работников с низким доходом, покупающим компьютеры у своих работодателей. Другой важный момент заключается в том, что многие граждане до сих пор не знают, что они могут бесплатно пользоваться интернетом во многих точках.

Думается, что ожидания лиц, определяющих политику и программы, от ИКТ как средства решения проблемы социальной исключенности должны быть снижены, однако остается определенное число возможностей, в особенности в долгосрочной перспективе. ИКТ должны рассматриваться как новый инструмент среди прочих для борьбы с процессами исключенности. Степень, в которой новые возможности ИКТ могут быть выгодно использованы, зависит в большой мере от возможностей городских органов управления повлиять на освоение и применение ИКТ населением, а также от их способности интегрировать программы ИКТ в более широкие политические программы, направленные на социальную включенность. Местным властям необходим высокий уровень «организационных возможностей» для того, чтобы этого достичь, а также нужны квалифицированные сотрудники, способные разработать и внедрить инновационные программы. В настоящее время во многих городах государственные служащие недостаточно осведомлены или не ощущают потенциал ИКТ как катализатора городского развития.

И, наконец, необходимо проведение дополнительных эмпирических исследований для улучшения нашего понимания роли ИКТ в социальной включенности и исключенности. Процессы социальной исключенности сложны и далеки от того, чтобы быть полностью понятыми и изученными; также относительно мало известно о том, как ИКТ влияют на поведение людей. Требуется провести углубленное эмпирическое исследование для изучения освоения ИКТ более слабыми социальными группами и того влияния, которое они оказывают на их участие в социальной, экономической и политической жизни.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я хотел бы поблагодарить моих коллег Лору Капель-Татжер и Андре ван дер Меера за их конструктивные комментарии к данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Bhalla A. and Lapeyre F.* (1997) Social exclusion: towards an analytical and operational framework, *Development and Change* 28 (3), 413—34.
- Byrne D.* (1999) Social exclusion and capitalism: the reserve, *Critical Social Policy* 17, 27—51.
- Castells M.* (1996) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture* vol. 1. Blackwell, Oxford.
- Castells M.* (1997) Hauling in the future, *The Guardian*, 13 December, p. 21.
- Castells M.* (1999) The informational city is a dual city: can it be reversed? in Schön D. A., Sanyal B. and Mitchell W. J. (Eds) *High Technology and Low-income Communities: Prospects for the Positive Use of Advanced Information Technology*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Cheshire P. C. and Hay D. G.* (1989) *Urban Problems in Western Europe*. Unwin Hyman, London.
- Clasen J., Gould A. and Vincen T. J.* (1997) *Long-term Unemployment and the Threat of Social Exclusion*. Policy Press, Bristol.
- Commissie ICT en de Stad (2000) *Burgers Verbonden Tijdelijke Adviescommissie ICT en de Stad*, The Hague.
- Department of Trade and Industry (DTI) (2000) *Closing the Digital Divide: Information and Communication Technologies in Deprived Areas*. Report by Policy Action Team 15, Department of Trade and Industry, UK.
- Electronic Village Hall (EVH) (1999) *Women's Electronic Village Hall, Annual Report 1998*. EVH, Manchester.
- Foley P.* (2000) *Whose Net? Characteristics of Internet Users in the UK*. De Montford University, Leicester.
- Fox R.* (1995) Newstrack, *Communications of the ACM* 38(8), 11—12.
- Geddes M.* (2000) Tackling social exclusion in the European Union? The limits to the new orthodoxy of local partnership, *Int. J. Urban & Reg. Res.* 24(4), 782—800.
- Gibbs D.* (2001) Harnessing the information society? European union policy and information and communication technologies, *Europ. Urban & Reg. Studies* 8(1), 73—84.
- Graham S.* (1998) The end of geography or the explosion of space? Conceptualising space, place and information technology, *Progr. Hum. Geogr.* 2, 165—85.
- Graham S.* (1999) Towards urban cyberspace planning: grounding the global through urban telematics policy and planning, in Downy J. and McGuigan J. (Eds) *Technocities*. Sage, London.
- Graham S. and Marvin S.* (1996) *Telecommunications and the City: Electronic Spaces, Urban Places*. Routledge, New York.
- Hall P.* (1998) *Cities in Civilization: Culture, Innovation and Urban Order*. Weiden. eld & Nicolson, London.
- Handy C.* (1994) *The Empty Raincoat: Making Sense of the Future*. Hutchinson, London.
- Layard R., Nickell S. and Jackman R.* (1994) *The Unemployment Crisis*. Oxford University Press, Oxford.
- Levitas R.* (1996) The concept of social exclusion and the new Durkheimian hegemony, *Critical Social Policy* 16(1), 5—20.
- Levitas R.* (1998) *The Inclusive Society: Social Exclusion and New Labour*. Macmillan, London.
- Liebfried S.* (1993) Towards a European welfare state? On integrating poverty regimes into the European Community, in Jones C. (Ed) *New Perspectives on the Welfare State in Europe*. Routledge, London.

- Madanipour A.* (1998) Social exclusion and space, in Madanipour A., Cars G. and Allen J. (Eds) *Social Exclusion in European Cities*. Jessica Kingsly, London.
- Mingione F. (Ed)* (1996) *Urban Poverty and the Underclass: A Reader*. Blackwell, Oxford.
- Morris L. and Irwin S.* (1992) Unemployment and informal support: dependency, exclusion or participation? *Employment, Work & Society* 6(2), 185–207.
- Perry I.* (1997) *Escaping Poverty: From Safety Nets to Networks of Opportunity*. Demos, London.
- Power A.* (1997) *Estates on the Edge*. Macmillan, London.
- Quirk B.* (1999) *Social Inclusion and the Digital Divide*. Borough of Lewisham, London.
- Sassen S.* (1994) *Cities in a World Economy*. Pine Forge/Sage Press, Thousand Oaks, CA.
- Scottish Council Foundation (1998) *Three Nations: Social Exclusion in Scotland*. Scottish Council Foundation, Edinburgh.
- Sociaal en Cultureel Planbureau (SCP) (2000) *Digitalisering van de Leefwereld: Een Onderzoek naar Informatie- en Communicatietechnologie en Sociale Ongelijkheid* (Digitalisation of Daily Life: On Information and Communication Technologies and Social Inequality). SCP, The Hague.
- Silcock R.* (2001) What is e-government? *Parliamentary Affairs* 54, 88–101.
- Slouka M.* (1995) *War of the Worlds: Cyberspace and the High-tech Assault on Reality*. Basic Books, New York.
- Sorkin M.* (1992) *Variations on a Theme Park*. Hill & Wang, New York.
- Sunstein C. R.* (2001) *Republic.com*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Taylor M.* (1995) *Unleashing the Potential: Bringing Residents to the Centre of Regeneration*. Joseph Rowntree Foundation, York.
- van den Berg L.* (1987) *Urban Systems in a Dynamic Society*. Aldershot, Gower.
- van den Berg L. and van Winden W.* (2000) *ICT as Potential Catalyst for Sustainable Urban Development*. European Institute for Comparative Urban Research, Erasmus University Rotterdam.
- van den Berg L., Braun E. and van Winden W.* (2001) Growth clusters in European cities: an integral approach, *Urban Studies* 38(1), 185–205.
- Volkskrant, De* (2000) Buurt moet nu' online, 12 December 2000.
- Wacquant L.* (1993) Urban outcasts: stigma and division in the black American ghetto and the French urban periphery, *Int. J. Urban & Reg. Res.* 17(3), 366–83.
- Young J. and Lemos G.* (1997) *The Communities We Have Lost and Can Regain*. Lemos & Crane, London.
- Žuckin S.* (1998) How bad is it? Institutions and intentions in the study of the American ghetto, *Int. J. Urban & Reg. Res.* 22(3), 511–20.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: В ОЖИДАНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Авраамова Е. М., д. э. н., проф., зав. отделом исследований проблем образования ИГРМ

Актуальность вопросов модернизации экономики, общества и политической системы определяется тупиковым, по мнению многих экспертов, сырьевым типом экономического развития, отсутствием условий честной экономической и политической конкуренции, затрудненным движением социальных лифтов, сдерживающим продуктивную вертикальную мобильность. При этом в качестве наиболее позитивной черты современного этапа социально-экономического развития рассматривается стабильный характер протекающих процессов. Задача статьи — рассмотрение того, на чем базируется социальная стабильность и какие социальные процессы лежат в ее основе, какое направление вертикальной мобильности ей соответствует.

Установлено, что рост, хотя и затухающий, материального благосостояния российского населения не симметричен расширению возможностей и перспектив вертикальной мобильности. При подобном дисбалансе вряд социально-экономическую ситуацию можно расценить как латентно нестабильную и не имеющую явного общественного стимула к модернизации.

Проблемы модернизации экономики, общества и политической системы не сходят с российской повестки дня. Напротив, все эти вопросы стали острее в период и после выборов, с началом нового политического цикла. Их актуальность связана с тупиковым, по мнению многих экспертов, сырьевым типом экономического развития, отсутствием условий честной экономической и политической конкуренции, затрудненным движением социальных лифтов, сдерживающим продуктивную вертикальную мобильность. Нашей задачей будет рассмотрение следующих моментов:

- на чем строится действующий механизм вертикальной мобильности,
- какие социальные ресурсы «работают» в этом механизме,
- есть ли перспективы наращивания соответствующих ресурсов для значительных по численности слоев населения,
- насколько действующие механизмы вертикальной мобильности имманентны задачам модернизации.

Как известно, интенсивная вертикальная мобильность является одним из основных механизмов, обеспечивающих социальную стабильность и интеграцию за счет перемещений значительных по численности групп населения из нижних слоев в верхние. В случае, когда социальные лифты не работают, в слоях, располагающих ресурсами, в принципе позволяющими продвигаться наверх (прежде всего высоким уровнем образования и квалификации),

возникает социальный дискомфорт, следствием которого становится либо фрустрация, либо агрессия. Компенсировать образовавшуюся дисфункцию механизма вертикальной мобильности может «золотой дождь», падающий на большинство населения, невзирая на то, какими ресурсами для продвижения вперед и вверх оно располагает. Имеется в виду рост благосостояния, который не всегда имманентен общему социально-экономическому развитию, что мы наблюдаем в ситуации сырьевого экономического сценария, реализуемого в России, несмотря на поставленные задачи модернизации.

В рамках данной работы мы попытаемся выяснить, какие социальные ресурсы определяют вертикальную мобильность современного российского общества, какова их доступность и реализуемость в сложившихся институциональных условиях. На основании подобного анализа можно будет сделать заключение о характере и продуктивности действующих механизмов вертикальной мобильности.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Наращивание образовательного потенциала — основное условие вертикальной мобильности. Из данных статистики следует, что образовательный потенциал российского населения неуклонно растет¹ и преимущественно за счет роста численности обучающихся в высших учебных заведениях. Так, если соответствующую численность в 2000 г. взять за 100%, в 2008 г. высшее профессиональное образование получали 158,5%, а среднее профессиональное — 95,1%. Отношение численности приема в высшие учебные заведения к численности возрастной когорты 17-летних в 2010 г. достигло 90%².

Известно, что сфера образования интенсивно реформировалась в последнее десятилетие, причем провозглашенными целями изменений, часто радикальных, было повышение его качества и доступности, что необходимо в целях модернизации экономики. Приведем данные исследования³, проливающего свет на то, в какой степени эти цели достигнуты.

Отвечая на вопрос, в какую сторону изменилось качество образования за последние 3 года, почти треть (32%) респондентов, имеющих опыт обращения к образовательным учреждениям той или иной ступени, отметили тенденцию снижения качества, столько же (31%) не заметили каких-либо изменений; улучшение качества образования отмечено 27% респондентов. Если же говорить об оценке качества услуг применительно к отдельным ступеням образования, то здесь уже порядка 40% респондентов, имеющих в семье школьников или студентов, отметили ухудшение качества школьного и высшего образования. Не видят каких-либо изменений с точки зрения качества образования, предоставляемого школами и вузами, около трети респондентов. С учетом того что в предшествующих исследованиях [Аврамова, 2010]

¹ Индикаторы образования: 2010. Статистический сборник. М. 2010.

² Итоговый доклад экспертной группы по обновлению Стратегии 2020 [Электронный ресурс]: Сайт «Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 г.». Режим доступа: <http://2020strategy.ru>, свободный.

³ В ходе опроса, проведенного РАНХ и ГС при Президенте РФ под руководством Т.Л. Клячко с участием автора летом 2012 г., было опрошено 1200 домохозяйств, имеющих в своем составе детей-школьников и/или студентов.

Таблица 1. Мнения респондентов о причинах снижения качества и доступности образования, процент

Причина	Согласны и скорее согласны	Не согласны и скорее не согласны	Затрудняются ответить	Итого
Государство выделяет слишком мало денег учреждениям образования/здравоохранения	78	18	4	100
Нет надлежащего контроля со стороны государства за работой учреждений	71	22	7	100
Снижается квалификация работников	70	25	5	100
Низкая оплата труда работников	81	12	7	100

большинство респондентов оценивали ситуацию с качеством образования в основном «на тройку», указание на отсутствие изменений скорее следует интерпретировать как негативную оценку. Что касается образования, предоставляемого учреждениями начального профессионального образования и среднего профессионального образования, то его ухудшение респондентами в основном не отмечалось — практически в равных долях респонденты указывали на улучшение ситуации или отсутствие каких-либо изменений.

Отвечая на вопрос о том, проще или сложнее стало получить качественное образование, респонденты дали оценки, характеризующие ситуацию с доступностью этих услуг как весьма непростую и даже тревожную. Так, почти две трети респондентов негативно оценили тенденции, связанные с доступностью хорошего образования (сумма тех, кто указал на ухудшение ситуации и ее неизменность). На расширение возможностей в сфере образования указала четверть опрошенных⁴.

Для выяснения причин, с которыми население связывает снижение в целом качества и доступности образовательных услуг, респондентам был предложен набор наиболее вероятных детерминант отмеченных тенденций: от отсутствия адекватного финансирования и контроля со стороны государства до качества преподавания в образовательных учреждениях. И следует заметить, что каждая из них видится существенным фактором не менее чем двум третям опрошенных. Среди факторов, снижающих качество образования, наибольшее число голосов набрала низкая оплата труда его работников (ту или иную степень согласия с этим выразили соответственно 78% и 81% респондентов).

Вскоре после того как система образования с трудом пережила введение ЕГЭ и ГИА, настала очередь перехода образовательных учреждений в статус казенных, новых бюджетных или автономных в соответствии с федеральным законом РФ № 83 «Об образовании». В качестве целей соответствующего перехода декларировались оптимизация бюджетных расходов, повышение качества услуг и сокращение (исчезновение) теневых платежей.

Как показывают результаты опроса, продекларированные цели реформы не представляются достижимыми большинству тех, кого непосредственно касаются изменения. В частности, значительной части опрошенных

⁴ Задавался вопрос, легче или труднее за последние 3 года стало поступить в образовательное учреждение того или иного уровня.

избавление сферы образования от теневых платежей кажется маловероятным. Так, лишь пятая часть респондентов полагает, что предоставление образовательным учреждениям возможности самостоятельно зарабатывать на платных услугах сократит их объем. Половина же респондентов уверена, что в этом отношении ничего не изменится, а еще четверть опрошенных вообще ожидает роста низовой коррупции в образовательной сфере.

Что касается перспективы повышения качества образовательных услуг, то здесь мнения респондентов разделились следующим образом: порядка 40% респондентов ожидают улучшения качества, в то же время свыше трети респондентов не прогнозируют каких-либо изменений, а 16% ответивших ожидают снижения качества услуг.

Если же говорить более детально об ожиданиях потребителей, то картина получается следующая. Как видно из результатов опроса, лишь чуть более трети респондентов в качестве результата реформы ожидает повышение качества работы школ; ровно столько же тех, кто полагает, что качество останется на нынешнем уровне, и почти каждый пятый ожидает его снижения. Более оптимистичной перспектива повышения качества образовательных услуг видится в области начального и среднего профессионального образования: здесь свыше половины респондентов ожидает повышения качества и менее трети полагает, что все останется как есть. Не исключено, что подобные ожидания связаны с заявлениями руководства страны и представителей промышленности о дефиците рабочих кадров и среднего технического персонала. А возможно, они уже были услышаны, и на этих ступенях профессионального образования начались определенные подвижки, замеченные и нашими респондентами. В отношении повышения качества высшего профессионального образования отмечаются умеренно оптимистические экспектации (ожидают улучшения качества 34% респондентов).

Говоря о качестве услуг в связи с возможным расширением их платности, следует заметить, что в представлениях респондентов между «платная» и «более качественная» услуга далеко не всегда стоит знак равенства. В рамках опроса исследовался опыт респондентов с точки зрения использования платных услуг, им также было предложено провести сравнение качества услуг, получаемых за деньги и предоставляемых бесплатно.

Как следует из полученных ответов, существенной части домохозяйств (от 40% до 50%) доводилось прибегать к использованию платных услуг. В рамках школьного образования наличие разницы в качестве платных и бесплатных услуг признает большая доля респондентов (50% против трети тех, кто такую разницу отрицает). Однако при ответе на уточняющий вопрос, какие же из услуг более качественные, распределение мнений получилось следующим: половина считает, что обычно платные услуги в школах являются более качественными, но в то же время более 40% затруднились с ответом. Аналогичное соотношение мнений по данным вопросам обнаружилось в сфере профессионального образования различного уровня.

Как следует из результатов опроса, в расширение доступности качественных услуг верит чуть более четверти респондентов — примерно столько же, сколько ожидает сужения возможностей, при этом треть респондентов не ожидает никаких изменений. Только пятая часть респондентов полагает, что в результате реформы станет легче отдать ребенка в хорошую государственную школу, в то время как 28% считают, что доступность хороших школ сократит-

ся, и еще 36% — что по сравнению с сегодняшним днем ничего не изменится. Еще более негативный прогноз дается относительно высшего образования: здесь уже более трети (34,7%) респондентов ожидают, что реформа приведет к сокращению доступности хороших вузов, и почти треть уверена в том, что ничего не изменится.

Реформа бюджетных учреждений предполагает определенное усиление их экономической самостоятельности, в том числе расширение возможностей и стимулов к более широкому предоставлению платных услуг. Из опроса руководителей учреждений также следует наличие у большинства из них нацеленности на интенсификацию деятельности по изысканию внебюджетных источников доходов, основным из которых традиционно являются платные услуги. Более того, в условиях предполагаемого значительной частью руководителей образовательных учреждений сохранения государственного финансирования на уровне необходимого минимума и высокой неопределенности относительно своевременности бюджетных субсидий привлечение средств населения становится для учреждений образования критичным. В такой ситуации важным оказывается поиск ответов на вопросы, намерено ли и способно ли (и если да, то в какой мере) население платить за дополнительные услуги образования.

Очевидно, что модели поведения потребителей услуг (в том числе, их интенции) выстраиваются в соответствии с тем, каким им видится развитие экономической ситуации в стране и месте их проживания, в конечном итоге определяющее материальное положение их собственной семьи.

Начнем с макроуровня. Судя по результатам опроса, большинству респондентов рост благосостояния в стране в ближайшие три года не представляется особенно вероятным. Скорее, можно говорить о серьезном скепсисе: порядка трети респондентов не ждет каких-либо благоприятных изменений и еще около четверти прогнозирует снижение доходов основной массы россиян.

Еще пессимистичнее оцениваются респондентами перспективы роста доходов в месте их проживания: модальная оценка колеблется от 35% до 45%, доля ожидающих снижения доходов — от 20% до 30%.

В отношении же перспектив изменения благосостояния собственных семей картина, как это и бывает, вырисовывается несколько более оптимистичная: ожидают роста личного благосостояния от 30% до 45% опрошенных. В то же время значительная часть респондентов (от трети до 40%) прогнозирует сохранение своих доходов на прежнем уровне и еще от 10% до 15% — их снижение.

Какую же модель поведения с точки зрения потребления платных услуг в сфере образования выберут респонденты с учетом такого рода ожиданий относительно роста благосостояния? Прояснить это был призван вопрос о том, что станут делать респонденты в случае существенного расширения платного сектора в образовании. Порядка трети респондентов говорит о том, что они будут вынуждены отказаться от платных услуг, и от 56% до 66% (в зависимости от ступени образования) — будут искать деньги для оплаты. Внутри же группы респондентов, заявивших о своем отказе от платных услуг, распределение следующее: от 50% до 67% составляют те, кто откажется только от части платных услуг, и от 22% до 35% — те, кто будет вынужден отказаться от всех платных услуг.

С учетом значимости услуг образования для большинства населения высокая доля тех, кто утверждает, что в случае роста сектора платных услуг будет пытаться изыскивать средства, не вызывает удивления. Однако важным вопросом с точки зрения реализуемости таких намерений является то, какие источники средств на приобретение этих услуг имеют в виду респонденты. Как и следовало ожидать, главным источником средств на оплату необходимых услуг являются зарплаты и пенсии (84–86% респондентов). Помощь родственников планирует использовать меньшая доля респондентов, хотя также превышающая половину. С целью изыскания средств для оплаты услуг образовательных учреждений респонденты скорее готовы искать дополнительный заработок — на такой вариант своих действий указали 70%. Порядка трети респондентов намерены платить за образовательные услуги из накопленных сбережений, разумеется, в случае наличия таковых, что, судя по нашим прежним исследованиям, распространяется примерно на 40% домохозяйств. И наконец, порядка трети респондентов планирует для оплаты услуг образовательных учреждений прибегнуть к услугам кредитных организаций.

Несмотря на существующие и грядущие трудности, как показали результаты исследования, большинство населения стремится к получению высшего образования, рассматривая его как необходимый ресурс вертикальной мобильности. Авторы итогового доклада, посвященного обновлению Стратегии 2020, утверждают, что высшее образование стало обязательным условием *любой* трудовой карьеры. Вместе с тем они же считают, что современные выпускники высших учебных заведений — это люди с развитыми социальными навыками и большими запросами, но низким профессиональным уровнем. Они предъявляют высокие требования к уровню ожидаемого вознаграждения и качеству рабочего места, где отсутствует ручной и монотонный труд, но присутствуют высокая доля коммуникаций и гибкий график. Поскольку численность подобных рабочих мест ограничена, высшее образование, которое, как показывают социологические исследования, фиксирующие ситуацию с середины 1990-х гг., хотя и дает преимущества для вхождения в сегменты рынка труда, гарантирующие более высокий уровень оплаты труда, чем в среднем по экономике, является необходимым, но не достаточным конкурентным преимуществом. Результаты исследований [Аврамова, 2010] показывают, что сам по себе диплом о высшем образовании не достаточен для решения задачи эффективного трудоустройства и должен быть подтвержден определенным социальным капиталом.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Важным ресурсом вертикальной мобильности является накопление социального капитала, который интерпретируется современной экономической теорией в категориях институционального доверия и социальной сплоченности. Институциональное доверие важно, поскольку только в ситуации доверия граждан к основным государственным институтам, начиная с полиции и судебной системы и кончая финансовыми институтами, возможно формирование долгосрочных социально-экономических стратегий, имманент-

тных устойчивому развитию и добросовестной конкуренции, а социальная сплоченность необходима, поскольку она является базовой характеристикой гражданского общества, важнейшая функция которого — гражданский контроль над означенными институтами. Именно об этом велся разговор на встрече В. В. Путина с ведущими экономистами, последовавшей за Давосским форумом 2012 г.

Представляется, что важен не только масштаб доверия (простирается ли оно вплоть до базовых государственных институтов или ограничивается друзьями и родственниками⁵), но и то, является ли социальный капитал «прямым ресурсом», когда индивид действует как член сплоченного гражданского общества на основании институционального доверия, или «замещающим ресурсом», когда, напротив, индивид действует, используя наработанные социальные связи, замещающие или компенсирующие дефицит прямых ресурсов — образования, квалификации и пр.⁶

Современная теория дает некоторые ответы на этот вопрос. Так, по мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011], на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу изменяется характер связей, образующих социальный капитал. Авторы выделяют «скрепляющие» связи, свойственные индустриальному этапу социально-экономического развития с более низким уровнем жизни и соответствующим этому состоянию общества превалированию ценностей выживания, и связи, «наводящие мосты» между представителями разных групп, присущие более высокому уровню социально-экономического развития и господству ценностей самовыражения. «Социальный капитал,— пишут они,— в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму».

Таким образом, можно заключить, что в период модернизации слабеет «скрепляющая» функция социального капитала, соответствующая «его традиционному, спаянному, замкнутому, конформистскому типу» и возрастает функция социального капитала, «наводящего мосты». Растущая индивидуализация придает людям все большую социальную независимость: социальные контакты, которые они завязывают, становятся результатом их самостоятельного выбора, а не следования навязываемым извне групповым нормам. Этот тип социального капитала в гораздо большей степени способствует развитию тех форм сотрудничества, которые играют центральную роль в условиях «общества знаний».

Не до конца изученным остается вопрос о характере влияния социального ресурса, накопленного вне экономической сферы, на экономические показатели в рамках отдельных отраслей или национальных экономик. Можно поставить в данном случае более общий вопрос: насколько степень развития гражданского общества влияет на характер развития экономики, ее эффективность? Под гражданским обществом мы готовы понимать общество, членов которого объединяют социальная сплоченность и высокий уровень институционального доверия. Представляется, что уровень распространения, сила влияния и уровень доверия организациям, представляющим гражданское общество, формируют среду, благоприятствующую индивидуальным,

⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

⁶ Coleman, James (1990). Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press.

организационным инициативам и тем самым инновационному развитию. Горизонтальные связи, на которых базируется гражданское общество, в большей степени ориентированы на свободный обмен информацией, предполагают больший уровень информационной открытости, более эффективные обратные связи как между организациями гражданского общества, так и между различными уровнями рассмотрения общества (микро-, мезо-, макроуровни). Информационная открытость, свободный обмен информацией, в свою очередь, создают среду, адекватную инновационному типу экономики, реализации предпринимательских инициатив.

Гражданское общество предполагает больший уровень несиловой конкуренции между представляющими его субъектами. Поле гражданского общества — арена дискуссий, коалиций, партнерств, диалогов, где успех во многом зависит не только от ресурсной обеспеченности, наличия властных покровителей, но и от способности найти аргументы для обоснования собственной программы действий. Тем самым гражданское общество стимулирует проявление достижительной мотивации, необходимой для успешного развития инновационной экономики.

В этом случае общество может способствовать формированию атмосферы, благоприятствующей положительной социальной идентичности, поскольку у индивида возникают положительные ожидания в отношении возможности быть услышанным и понятым другими, донести собственную позицию. Позитивная социальная идентичность, соединенная с достижительной мотивацией, формирует тип «зрелой» личности, востребованной в рамках модернизационной парадигмы развития.

Выступая в качестве конструктивного критика и оппонента государства, гражданское общество является противовесом как неконституционных государственных инициатив и политики, противоречащей интересам гражданского общества, так и противоправных действий неструктурированных социальных групп. Блокируя посредством критики, инициирования общественной дискуссии, организованных противодействий произвол государства или спонтанных социальных образований, гражданское общество положительно влияет на увеличение определенности среды принятия решений. Функция принятия решений, в том числе экономических, в условиях гражданского общества реализуется более успешно.

В структурном плане гражданское общество представляет собой совокупность самых разнообразных и разнонаправленных сетевых организаций, которые по своей природе чужды иерархическим структурам авторитарного централизованного общества. Следовательно, можно ожидать более эффективной реализации функции контроля, поскольку показатели и процедуры контроля как необходимой составляющей экономического развития задаются и реализуются не только государством, но и осуществляющими мониторинг организациями, представляющими гражданское общество.

Что же происходит с накоплением социального капитала в современной России и какова его природа?

Поскольку, как следует из приведенных теоретических положений, основными категориями, характеризующими социальный капитал, являются *доверие* и *сплоченность*, постараемся выяснить, что происходит именно с ними.

Из данных *таблицы 2* следует, что доверие на протяжении всего постсоветского периода находится на критически низком уровне, причем в России

Таблица 2. Результаты социологического опроса:

«В какой мере Вы согласны или не согласны со следующим суждением:
«Доверять сегодня нельзя никому, разве что самым близким людям», процент

Ответ	1994 г., ноябрь	2001 г., январь	2008 г., июнь
Совершенно согласен	38	41	33
Скорее, согласен	36	37	40
Скорее, не согласен	14	16	19
Совершенно не согласен	4	4	3
Затруднились ответить	7	3	5
Число опрошенных	3000	1600	1600

Источник: Общественное мнение — 2008. М.: Левада-Центр, Десятый выпуск, Ежегодник, 2008.

нет государственного или общественного института, которому бы доверяла хотя бы половина населения страны. Особенно катастрофично обстоит дело с доверием мета-институтам, тем, которые по своим функциям должны обеспечивать уровень справедливости, имманентный задачам сохранения социальной безопасности — полиции и судебной системе. По данным Левада-центра, полиции полностью доверяют 3% российского населения, судебной системе — 4%.

Ситуация с формированием социальной сплоченности иная. Она, как можно предположить, тем выше, чем ниже уровень институционального доверия. Но это специфическая сплоченность, выступающая в виде достаточно замкнутых социальных связей, что мы попробуем показать на примере результатов исследований, касающихся проблем трудоустройства и трудовой карьеры.

Впервые вопрос о том, какие конкурентные преимущества являются самыми важными при трудоустройстве, мы задали в 2003 г. [Авраамова, 2004]. В дальнейшем такой вопрос мы задавали в разных исследованиях, посвященных трудоустройству и трудовой мобильности, на протяжении всех двухтысячных годов, и доля тех, кто трудоустроивался, благодаря социальным связям, колебалась в интервале 55–65%, но всегда превышала половину опрошенных. Важно отметить, что социальные связи оказывались значимыми не только для столичных жителей, но и в практически равной степени для провинциалов, т.е. такой социальный ресурс «работает» как один из основных на всей территории страны.

Данные следующей таблицы показывают, насколько социальные связи как ресурс карьерных продвижений преобладают над профессиональной квалификацией, а следовательно, насколько *замещающий* ресурс важнее *прямого*.

Что касается социальной сплоченности, то результаты исследований конца 2000-х гг. демонстрировали ее ограниченный характер. Если обратиться к данным опросов, проводившихся Левада-Центром и ФОМ, можно отметить, что преобладающее большинство респондентов (66%) вообще не принимало никакого участия в деятельности тех или иных общественных организаций. Для остальных наиболее привлекательными с точки зрения участия общественными организациями являются садовые и дачные товарищества (3%), профсоюзы (2%), домовые комитеты (2%). Иные разновидности общественных организаций: территориальное общественное самоуправление, местные

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Каковы механизмы карьерного роста на Вашем предприятии?»

Механизмы карьерного роста	Число респондентов, процент
Продвигаются самые квалифицированные работники	22,8
Продвигаются те, кто умеет ладить с начальством	46,8
Продвигаются те, кто имеет какие-либо полезные для начальства связи	30,1
Всего	100

Источник: Общественное мнение — 2008. М.: Левада-Центр, Десятый выпуск, Ежегодник, 2008.

инициативные группы по обустройству жилых территорий, инициативные группы, объединения родителей, группы, органы школьного/студенческого самоуправления, благотворительные инициативы, товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы и т.п., культурные, краеведческие, природоохранные движения, инициативные группы, религиозные общины, организации, спортивные, туристические, охотничьи, автомобилистские объединения/клубы, местные инициативы по защите имущественных, жилищных, потребительских прав и интересов местных жителей, экологические организации, ветеранские объединения — оказывают привлекательными формами участия только для 1% респондентов⁷.

Респондентам в тот период был свойственен не только низкий уровень самооценки в плане их способности или возможности оказывать влияние на социально-политические процессы на муниципальном и государственном уровнях, но также низкая оценка способности общественных организаций и движений эффективно добиваться своих целей в существующих условиях функционирования общества. Только 13% респондентов полагали, что таким движениям полностью или в значительной мере удастся достичь поставленных целей.

Таким образом, период середины и конца 2000-х гг. демонстрировал ситуацию и низкого институционального доверия, и низкой социальной сплоченности, что свидетельствовало об отсутствии общественных предпосылок модернизации. А механизм вертикальной мобильности описывался умением оказаться в нужное время в нужном месте с дипломом о высшем образовании и надежными дружескими или родственными связями. Такие механизмы никоим образом не стимулировали развития конкурентной среды со стороны общества. В сложившихся условиях дефицит институционального доверия компенсировался групповой анклавной сплоченностью, устанавливающей скорее «связи выживания», чем «связи-мосты» (в терминах Инглхарта и Вельцеля). И эти связи выживания, включающие родственников и друзей, оказывались весьма действенными, поскольку достаточно эффективно использовались в важных для населения сферах — трудоустройстве, решении разного рода семейных проблем.

⁷ Общественные организации (опрос 2007 г.) Социологический атлас серия №1. Общественная активность и участие населения в НКО и неформальных сообществах [Электронный ресурс]. Сайт Фонда общественного мнения. Режим доступа: <http://www.fom.ru>, свободный.

В самое последнее время ситуация стала меняться. Постепенно строятся и «связи-мосты», правда, преимущественно в on-line пространстве через распространение социальных сетей в Интернете: по данным Левада-центра⁸, различными социальными сетями охвачены 50% пользователей Интернета. Численность же пользователей Интернета в России, согласно данным ВЦИОМ⁹, в 2011 г. достигла 53%, хотя только годом раньше насчитывала 39%. Сами по себе сетевые структуры еще не говорят о формировании гражданского общества и тем более о его зрелости. Об этом скорее свидетельствует постепенное распространение разного рода волонтерских движений, которые, хотя и не преследуют экономических и политических интересов, но нарабатывают практики взаимодействия, характерные для «связей-мостов».

РАСШИРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Мы видим, что механизм вертикальной мобильности хорошо адаптирован к сложившимся институциональным условиям. Низкий уровень безработицы при определенном, хотя и снижающемся росте благосостояния граждан свидетельствует о том, что действующий механизм достаточно надежен. Зададимся вопросом: какие возможности открываются в связи с накоплением образовательного и социального ресурса, имея в виду их качество?

Что касается образовательного ресурса, то следует констатировать отсутствие значимых позитивных перемен. Порядка трети опрошенных потребителей образовательных услуг отмечают снижение их качества и еще треть не видит изменений, что говорит о консервации прежних негативных тенденций. Еще серьезнее ситуация в школьном и вузовском образовании, где порядка 40% респондентов наблюдают ухудшение качества. И это несмотря на интенсивное реформирование образовательной сферы, призванное как раз его улучшить.

Абсолютное большинство населения слабо осведомлено о реформах и в основном воспринимает их как очередной стресс. При этом большинство считает, что за реформой стоит желание заставить население частично оплачивать образовательные услуги, в том числе за счет придания статуса платных услуг нынешним теневым платежам, причем платность услуг далеко не всегда отождествляется у населения с качеством. Не ожидает население и расширения доступа к качественным услугам образования. Только пятая часть верит в повышение уровня доступности хороших школ, еще больше скепсиса — в отношении хороших вузов.

Те, кто получил образование сомнительного качества, объективно не заинтересованы в модернизации как условии расширения конкурентной среды.

Достаточно ограничены и возможности проявления гражданской активности, что следует из узких масштабов институционального доверия

⁸ Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, Ежегодник, 2011.

⁹ Подсчитано число интернет-пользователей России. 05.08.2011 / ЕвроСМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurosmi.ru/podschitano_chislo_internet_polzovateley_rossii.html, свободный.

и пока преимущественно виртуальных форм общественной сплоченности. А значит, и возможности как-либо повлиять на изменение ситуации в сторону ее модернизации не велики. Этот вывод касается ситуации в целом, однако нужно иметь в виду, что очень медленно, но формируется слой людей, получивших или получающих образование действительно высокого качества, объединенных построенными ими самими связями-мостами. Кем станет этот слой — критическим меньшинством, создающим новые «правила игры», или новой волной эмиграции — покажет будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е. М. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики // Доступность высшего образования в России. М.: НИСП, 2004.
- Авраамова Е. М. Тенденции и перспективы наращивания образовательного потенциала // Народонаселение. 2010. № 3.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ИЛИ КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Кулагина Е. В., к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

В статье на основе данных государственной статистики проводится анализ факторов, отвечающих за воспроизводство кадрового потенциала — важнейшего ресурса модернизации. Анализируются результаты государственной политики, направленной на повышение квалификации инженерных кадров и промышленное развитие. Приводятся сравнения между Россией и странами Евросоюза по инвестициям в социальную сферу и человеческий потенциал. Устанавливается взаимосвязь между показателями развития промышленности, приоритетами бюджетной политики, касающейся финансирования науки и образования, а также стратегиями населения в выборе специальностей и видов экономической деятельности.

В то время как в политическом дискурсе страны призывы к модернизации постепенно уступают место задачам макроэкономической и бюджетной стабильности¹, интенции к инновационным преобразованиям экономики все еще сохраняют твердые позиции на уровне стратегических прожектов и действующих программ. Принципы Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.² утвердились в Стратегии инновационного развития Российской Федерации.³ Последовательно воплощаются в жизнь федеральные целевые программы, в том числе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007–2013 гг.»⁴, «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.⁵, Программа развития образования на 2011–2015 годы.⁶ Согласно Стратегии инновационного развития, первоочередное значение получила разработка таких государственных программ, как «Развитие образования», «Развитие науки и технологий»,

¹ Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах. См.: <http://kremlin.ru/news/8192>.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

⁴ Федеральная целевая программа (ФЦП) «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007–2013 гг.». Утверждена постановлением Правительства РФ от 18.08.2007 № 531.

⁵ Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Утверждена постановлением Правительства РФ от 28 июля 2008 г. № 568.

⁶ Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 61.

«Экономическое развитие и инновационная экономика», «Информационное общество (2011–2020 годы)», а также иных государственных программ, направленных на развитие высокотехнологичных секторов экономики (авиация, космос, атомный энергопромышленный комплекс)⁷. Первоочередной задачей является развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Именно поэтому ключевое внимание на данном этапе уделяется модернизации общего и дошкольного образования, а также приведению содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда, который, как предполагается, должен предъявлять запросы на высококвалифицированную рабочую силу. Согласно бюджетному посланию президента, «никакая модернизация не возможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, без качественного образования и постоянного профессионального обучения. Необходимо стремиться к росту научного потенциала нашей страны, накоплению объектов интеллектуальной собственности, обеспечению в этих целях преемственности поколений в сфере научных исследований и технологических разработок, привлечения и закрепления в ней молодежи... Серьезнейшее внимание должно быть уделено как образованию, так и улучшению здоровья граждан, формированию здорового образа жизни, созданию условий для повышения трудовой и творческой активности»⁸. Проблема качества человеческих ресурсов все время оказывается в контуре государственной политики (как минимум на уровне риторики), в связи с этим в очередной раз возникает вопрос — какие меры предпринимаются правительством для диверсификации отечественной экономики в сторону высокотехнологичного производства⁹? Кроме того, экспертное сообщество по-прежнему ждет ответа на вопрос: «Готова ли Россия инвестировать в свое будущее?»¹⁰. В том и другом случае все зависит от того, будут ли созданы условия, позволяющие включить задачи, стоящие перед системой образования, в широкий социально-экономический контекст, связывать вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов с мерами по преодолению накопившихся диспропорций экономического развития.

Для того чтобы определить, изменилось ли что-нибудь в отечественной экономике, стала ли она наращивать ресурсы, необходимые для предъявления спроса на качественный образовательный и научный потенциал, обратимся к данным статистики. Согласно последним, факт наличия федеральных целевых программ и утвержденных концепций и стратегий пока еще не оказал

⁷ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. См.: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf>.

⁸ Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2011–2013 годах. См.: <http://kremlin.ru/news/8192>.

⁹ См.: Аврамова Е. М., Кулагина Е. В. Образовательный потенциал населения как ресурс инновационной экономики // SPERO. 2009. №11; Аврамова Е. М., Кулагина Е. В. Образование в условиях кризиса // Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации / под ред. академика РАН и РАНХ В. А. Черешнева, академика РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010; Кулагина Е. В. Региональные диспропорции в накоплении и реализации образовательного потенциала // Экономика региона. 2012. №1.

¹⁰ В 2007 г. этот вопрос был вынесен в название доклада об интеллектуальном потенциале нации, подготовленного Общественной палатой РФ под руководством Я. И. Кузьминова, — «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?».

Таблица 1. Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации, процент от общего объема

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Экспорт - всего	100	100	100	100	100	100	100
Минеральные продукты	42,5	53,8	64,8	64,9	69,8	67,4	68,8
Машины, оборудование и транспортные средства	10,2	8,8	5,6	5,6	4,9	5,9	5,7
Импорт - всего	100	100	100	100	100	100	100
Машины, оборудование и транспортные средства	33,6	31,4	44,0	50,9	52,7	43,4	44,5

Источник: Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

видимого влияния на переориентацию экономики с сырьевого на инновационный тип развития. Тенденции к усилению роли добывающих производств не только не меняются, но и, наоборот, еще больше набирают силу. В период с 1995 по 2010 г. доля минеральных продуктов в товарной структуре экспорта продолжает устойчиво увеличиваться — с 42,5 до 68,8%. Доля машин, оборудования и транспортных средств, которые страна производила на экспорт, напротив, снизилась почти в два раза — с 10,2% до 5,7% — и не демонстрирует никаких признаков роста. В производстве оборудования также не произошло разительных перемен, так как мы продолжаем активно закупать его у развитых стран — с 33,6 до 44,5% в товарной структуре импорта (табл. 1).

Ощутимого экономического подъема по-прежнему не наблюдается и по показателю обновления основных фондов. Степень износа последних остается довольно высокой даже в стратегически важных видах экономической деятельности. В частности, в производстве полезных ископаемых, где на данном этапе сосредоточен национальный интерес, степень износа основных фондов составляет 51% (2010 г.), что чуть ниже показателя 2004 г. (54,8%). В обрабатывающих производствах, в состав которых входит и высокотехнологичная промышленность, обновление фондов фактически не ощущается — с 47,8 до 46,1%. Однако многим хуже ситуация в образовании и здравоохранении, отвечающих за формирование человеческого потенциала. За рассматриваемый период с 2004 по 2010 г. износ основных фондов в образовании вырос с 37 до 53,2%, в здравоохранении — с 45,2 до 53,3%¹¹.

Серьезные проблемы, обусловленные разрушением машиностроительного производства и износом основных фондов в промышленности, а также в образовании, невозможно игнорировать при подготовке «квалифицированных специалистов, талантливых ученых», необходимость которой неоднократно подчеркивается в многочисленных программных документах, в том числе в Бюджетном послании. В противном случае это приводит к снижению эффективности образовательной политики. По мнению экспертов, отечественное образование реформируется в значительной степени стихийно, реагируя на довольно слабые сигналы экономических и общественных перемен¹². Признаки бессистемности реформирования образовательной, а также научной

¹¹ Российский статистический ежегодник - 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

¹² Клячко Т. Л. Комментарии к докладу Общественной палаты Российской Федерации «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?». См.: http://ciospbappo.narod.ru/predm/read/1_kommentarijij.pdf.

Таблица 2. Консолидированный бюджет Российской Федерации в 2005-2010 гг. *, млрд руб.

Статьи бюджета	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Расходы (общий объем)	6820,6	8375,2	11378,6	13991,8	16048,3	17616,7
Из них расходы на общегосударственные вопросы	754,3	827,4	1171,3	1291,0	1313,8	1440,6
В том числе на прикладные научные исследования в области национальной экономики	39,5	47,2	62,9	75,5	113,6	122,9
Расходы на социально-культурные мероприятия	3642,0	4546,4	5822,3	7122,1	8479,6	10133,8
В том числе на образование	801,8	1036,4	1343,0	1658,1	1783,5	1893,9

Примечание. * Данные приведены с учетом бюджетов государственных внебюджетных фондов.

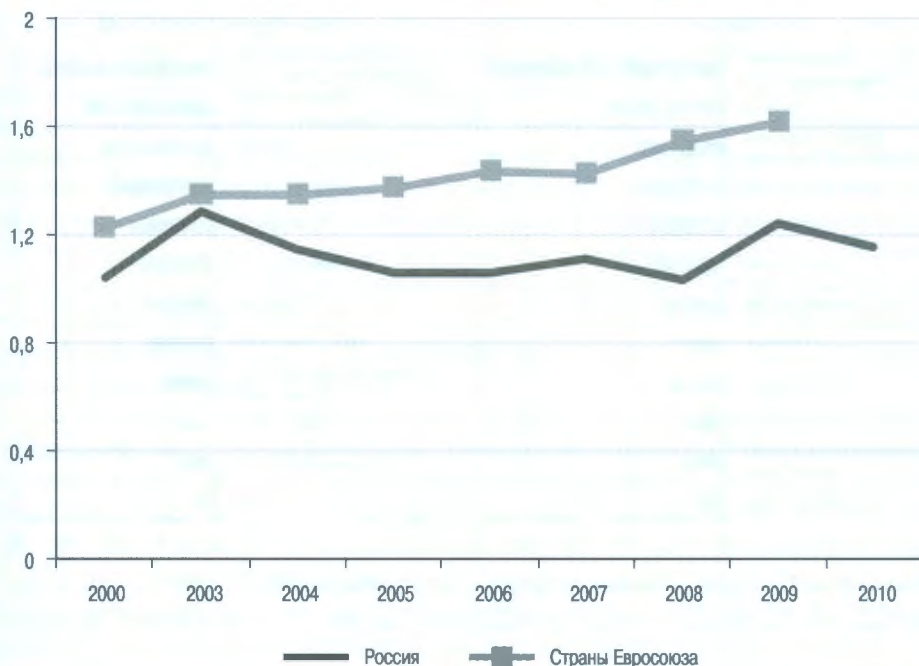
Источник: Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

сферы можно наблюдать даже по установившимся принципам финансирования, когда едва наметившийся за последние годы положительный тренд не отличается устойчивостью. Ежегодный рост доли расходов на прикладные научные исследования и образование не имеет стабильного приращения. Согласно данным консолидированного бюджета РФ, достигнутые темпы повышения уровня финансирования научных исследований за краткосрочный период с 2005 по 2009 г. стали снижаться уже в 2010 г. В образовании отмеченная тенденция наметилась годом раньше (табл. 2).

Отсутствие твердых намерений, касающихся финансирования образования и научных исследований, на фоне общей неблагоприятной ситуации в связи с деградацией высокотехнологичной промышленности еще более отдаляет Россию от развитых стран. Похоже, что многолетнее отставание в расходах на исследования и разработки, а также на образование уже никогда не компенсировать. Россия отстает по этим показателям не только от стран-лидеров, но даже и от стран Евросоюза, ряд которых не имеет высоких результатов экономического развития. В течение десяти лет — с 2000 по 2010 г. — мы так и не приблизились к странам ЕС по доле внутренних затрат на исследования и разработки к валовому внутреннему продукту (с 1,05 до 1,16% ВВП). В то же время значение этого показателя в Евросоюзе устойчиво повышалось (с 1,23 до 1,62% ВВП) (рис. 1).

Расходы на образование в консолидированном бюджете России также составляют меньшую долю (10,1%), чем в странах ЕС (12,3%). К тому же структура расходов в нашей стране имеет принципиальные отличия, говорящие не в пользу сохранения человеческого потенциала. Распределение консолидированного бюджета происходит с учетом интересов командно-административного (21,5%) и военизированного (14,2%) секторов экономики в ущерб отраслям социальной сферы: образованию (10,1%), здравоохранению (10,7%), социальной защите населения (25,0%), культуре (1,8%), а также защите окружающей среды (0,1%). В то же время именно на социальной сфере делается акцент в странах Европы, в том числе на социальной защите (35,93%), тогда как расходы на услуги органов государственного управления (14,59%), на оборону и общественный правопорядок (7,56%) составляют гораздо меньшую долю консолидированного бюджета (табл. 3.).

Рисунок 1. Внутренние затраты на исследования и разработки, процент к валовому внутреннему продукту

Источник: рассчитано по: Россия и страны — члены Европейского союза. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011; Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

Политика государств Евросоюза, направленная на инвестирование средств в социальную сферу или в человеческий потенциал, подкрепляется практикой поведения населения, которое, находясь под защитой государства, придерживается той же системы ценностей. Сопоставление структуры расходов на конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, показывает, что расходы

Таблица 3. Структура расходов государственного (консолидированного) бюджета по функциональному типу, процент

Страны	Услуги органов государственного управления	Оборона, общественный порядок и безопасность	Экономические услуги	Защита окружающей среды	Жилищно-коммунальное хозяйство	Здравоохранение	Отдых, культура и религия	Образование	Социальная защита
Россия	21,5	14,2	10,0	0,1	4,1	10,7	1,8	10,1	25,0
Страны — члены Европейского Союза	14,59	7,56	10,74	1,68	2,18	12,71	2,34	12,30	35,93

Примечание. По России — данные 2009 г., по странам Евросоюза — 2007-2009 гг.

Источник: рассчитано по: Россия и страны — члены Европейского союза. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

Рисунок 2. Структура расходов на конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства¹³, процент

Примечание. По результатам международных сопоставлений ВВП за 2008 г.

Источник: Россия и страны — члены Европейского союза. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

на здравоохранение, отдых и культуру входят в разряд приоритетных (рис. 2). В то же время в России все усилия домохозяйств и общественных организаций концентрируются вокруг удовлетворения первичных потребностей в еде, расходов на транспорт, жилищные услуги, покупок разных товаров и услуг, одежды и обуви. И только затем идут расходы на здравоохранение вкупе с расходами на алкоголь.

О чем это может говорить? Прежде всего, о низком уровне и качестве жизни нашего населения. Кроме того, о том, что стратегии россиян (вкупе с некоммерческими организациями) в точности отражают политику государства, не готового к сбережению человеческого потенциала. Как видим, собственные ресурсы домохозяйств довольно ограничены, для того чтобы можно было рассуждать о другом варианте выбора. Даже с учетом помощи некоммерческих организаций расходы на питание достигают четвертой части в структуре потребления, тогда как в странах Евросоюза эта величина в два раза меньше. Кроме того, в России при более холодном климате большие затраты идут на одежду и обувь, что неизбежно. Еще одной из особенностей является высокая доля расходов на алкоголь (6,4%) — выраженный показатель депрессивности. На него тратится больше средств, чем на образование.

¹³ Расходы на конечное потребление некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, включают в себя расходы общественных организаций (политических партий, религиозных организаций, профсоюзов, общественных объединений), в отношении которых условно считается, что они предоставляют только индивидуальные товары и услуги. Сюда же включаются бесплатные услуги социально-культурного характера, предоставляемые своим работникам заведениями предприятий, условно отнесенных к сектору некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства.

Что касается доли расходов на образование (5,7%), то мы уступаем здесь европейцам (6,8%). Однако для нашей структуры бюджета это не так уж и мало. Более того, сравнение структур потребительских расходов домохозяйств, уже без учета вклада некоммерческих организаций, показывает, что доля расходов на образование у наших соотечественников выше (2%), чем у европейцев (0,9%)¹⁴. Учитывая различия в качестве жизни, обуславливающие различный уровень инвестиций в человеческий потенциал, расходы россиян свидетельствуют, что им не все равно, как будет решаться этот вопрос. В отличие от стран, где заинтересованность в отдаче от образовательного ресурса проявляет государство и другие социальные институты, в России повышенную бдительность проявляет также и население. Однако в связи с тем что процесс накопления образовательного ресурса зависит от финансовых возможностей домохозяйств, имеющих низкий уровень жизни, это несет в себе значительную степень риска.

Так, например, больше шансов для оплаты услуг образования имеют домохозяйства с одним ребенком. Появление второго, а тем более последующих за ним детей, снижает возможности семей в несколько раз. Кроме того, при существующем в России социально-экономическом неравенстве доступ к платному образованию ограничен не только для низкодоходных групп населения, но и для домохозяйств второй и третьей групп, согласно распределению населения по 20-процентным доходным группам. В большей степени это касается высшего профессионального образования. Концентрация доходов такова, что позволить себе расходы на высшее образование могут только домохозяйства четвертой и пятой (с наибольшими доходами) групп. Их доля в структуре расходов домашних хозяйств на высшее образование составляет соответственно 36,6 и 35,1%. Домохозяйства третьей и второй доходных групп уступают им в разы — их доля в структуре расходов соответственно 16,2 и 10,0%. Доля домохозяйств первой группы с наименьшими располагаемыми ресурсами всего 2%. Следует отметить, что из-за высокой концентрации доходов доступность платного образования на других уровнях системы образования немногим лучше. Даже на уровне среднего образования доступность платных услуг невысока: доля домашних хозяйств третьей, второй и первой групп составляет соответственно 18,7; 14,4 и 8,8% в общей структуре расходов (табл. 4).

За десять лет — с 2000 по 2010 г. — объем платных услуг в системе образования в расчете на душу населения вырос в 8 раз — с 285 до 2285 руб. Удельный вес платных услуг в системе образования в общем объеме платных услуг населению не повышался с 2000 г., балансируя на уровне 6,7–6,9%. При том что цены на услуги росли, индексы физического объема платных услуг в процентах к предыдущему году постепенно понижались. Если в период с 2000 по 2005 г. общий объем услуг был относительно высоким и все-таки превышал показатели предыдущего года — соответственно 121,7 и 107,7%, то впоследствии физический объем платных услуг уже только балансировал на грани достигнутых годом ранее результатов: 2010 г. — 100,5%. Аналогичным образом снижался индекс физического объема платных услуг по среднему-

¹⁴ Кулагина Е. В. Образовательный потенциал российских регионов: социально-экономический аспект // Качество и уровень жизни населения: от экономического кризиса к модернизации: сборник научных трудов. М.: ВЦУЖ, 2011.

Таблица 4. Распределение расходов домашних хозяйств на оплату услуг в системе образования по домашним хозяйствам с различным числом детей и по 20-процентным группам населения с различным уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов в 2010 г., процент *

	Расходы на образование, всего	в том числе:					Справочно: потребительские расходы
		дошкольное и начальное	среднее	среднее профессиональное	высшее профессиональное	не определенное по уровню	
Все домашние хозяйства	21,5	14,2	10,0	0,1	4,1	10,7	1,8
Домашние хозяйства по 20-процентным группам обследуемого населения:							
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	4,0	11,2	8,8	9,0	2,1	4,3	7,5
вторая	10,8	12,2	14,4	15,0	10,0	7,3	11,5
третья	17,2	17,8	18,7	23,6	16,2	17,4	15,8
четвертая	35,9	31,2	37,1	32,6	36,6	34,1	23,5
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	32,1	27,5	21,0	19,8	35,1	36,8	41,6

Примечание. * По материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств.

Источник: Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат.сб. / Росстат. М., 2011.

шевому объему: в 2000 г. его величина была равна 122,1%, в 2010 г. — 99,7% к предыдущему году. Похоже, что предел потребительской нагрузки на население в сфере образования уже достигнут (табл. 5).

Кроме бедности существует еще одна негативная тенденция, способная вызвать истощение потребительского спроса, — это влияние демографических факторов или сокращение пользователей услуг. Несмотря на то что численность студентов высших учебных заведений увеличилась без малого на 3 млн чел. с 2000 по 2008 г., в последующие два года (2009–2010 гг.) произошел спад, составивший 463 тыс. чел. Численность детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, падала неуклонно и сократилась на

Таблица 5. Основные показатели платных услуг в области образования

Показатели	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Объем платных услуг в системе образования:					
млн руб.	41530	152670	287594	310213	326619
на душу населения*, руб.	285	1075	2026	2186	2285
Удельный вес платных услуг в системе образования в общем объеме платных услуг населению, процент	6,9	6,7	7,0	6,9	6,7
Индексы физического объема платных услуг в системе образования, процент к предыдущему году:					
по общему объему	121,7	107,7	102,4	95,1	100,5
по среднедушевому объему*	122,1	108,3	102,5	95,2	99,7

Примечание. * За 2005, 2008 и 2009 гг. показатель рассчитан с использованием численности населения без учета итогов Всероссийской переписи населения 2010 года (ВПН-2010), за 2010 г. — с учетом предварительных итогов ВПН-2010.

Источник: Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

Таблица 6. Индексы потребительских цен на отдельные группы услуг в системе образования (декабрь к декабрю предыдущего года), процент

Услуги в системе образования	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Услуги в системе образования (общий объем)	...	116,8	116,4	109,3	104,8
Услуги дошкольного образования	116,7	132,1	120,7	116,2	107,7
Услуги образования	119,2	115,0	115,8	108,3	104,3
общеобразовательные	118,0	116,4	115,2	110,5	108,5
профессионального образования	124,8	115,7	121,0	108,1	100,5
высшего профессионального образования	115,2	114,4	113,8	107,5	104,4

Источник: Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

6 млн 756 тыс. чел. за последние 10 лет (2000–2010 гг.). Пока еще ситуацию спасают дошкольники: их контингент неуклонно увеличивается — на 1 млн 125 тыс. чел. за период с 2000 по 2010 гг., хотя не так стремительно, чтобы компенсировать потери от предыдущих поколений.

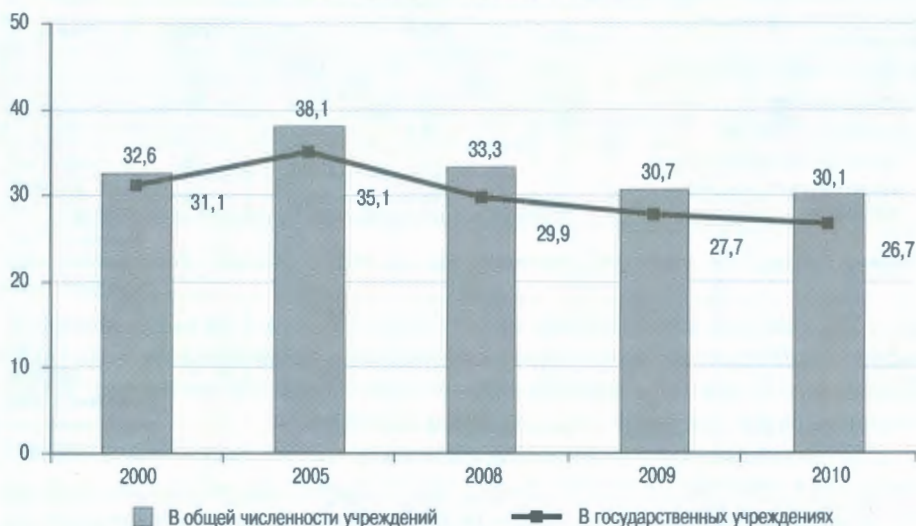
Причиной ежегодного снижения индекса потребительских цен в образовании, произошедшего в течение последних несколько лет, вполне могли стать факторы, обуславливающие сужение потребительского спроса домохозяйств. Наиболее заметно отреагировала система дошкольного и профессионального образования. В дошкольном образовании индексе потребительских цен стал падать с 2005 г. В высшем образовании с 2008 г. он снизился — со 113,8 до 104,4% к предыдущему году (табл. 6).

Следует заметить, что для страны, где бесплатное профессиональное образование в недалеком прошлом было нормой, за довольно короткое время мы слишком быстро достигли запредельно высокого уровня платности услуг. Причем в борьбе за коммерческие места государственные учреждения не уступали частным как в среднем, так и высшем профессиональном образовании. Однако ресурсы населения, видимо, исчерпываются. Быстрее всего на «перегрузку» отреагировала система среднего профессионального образования. Доля студентов, обучающихся с полным возмещением затрат, сократилась с 38,1% в 2005 г. до 30,1% к 2010 г. (рис. 3).

Высшее образование, которое развивалось самыми стремительными темпами на рынке образовательных услуг, благодаря чему стало возможным удовлетворение разнообразных, в том числе и непритязательных потребностей населения, пока еще удерживает достигнутую планку, но не более. Похоже, что на данном этапе коммерческие отношения, в которые втянуты 2/3 всех студентов, обучающихся в России, исчерпали границы своих возможностей. Даже в государственных вузах доля студентов, обучающихся платно, превысила половину — 55,2% в 2010 г. Удельный вес студентов, обучающихся с полным возмещением затрат, пока что не сократился, но и не вырос, даже несмотря на то что данный уровень образования пользуется повышенным спросом. Тренд на увеличение численности этой группы студентов стабилизировался: в 2008 г. — 62,0%, в 2010 г. — 62,8% (рис. 4).

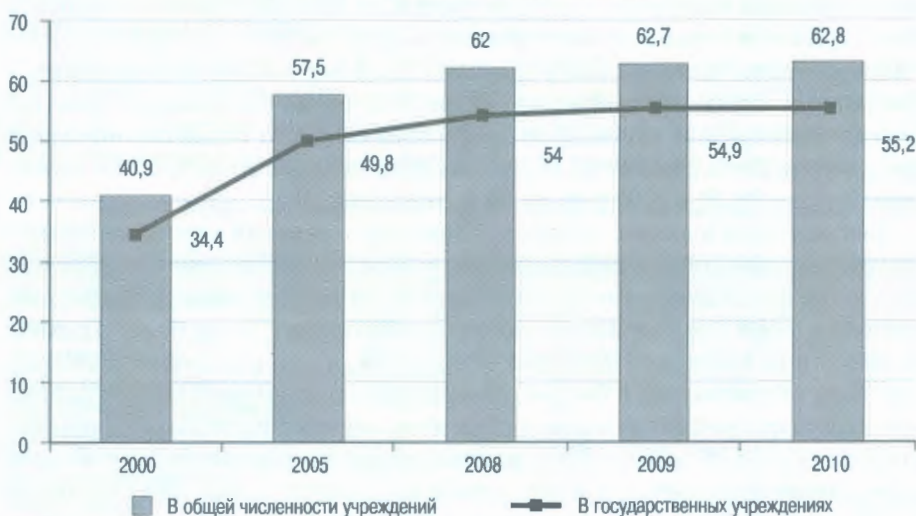
Данные социологических опросов показывают, что общий образовательный уровень респондентов значительно выше общего образовательного уровня их родителей, период подготовки которых приходился преимущественно на советский период. Однако наблюдаемые формальные признаки накопления

Рисунок 3. Удельный вес студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования, обучающихся с полным возмещением стоимости обучения (на начало учебного года), процент

Источник: Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

Рисунок 4. Удельный вес студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования, обучающихся с полным возмещением стоимости обучения (на начало учебного года), процент

Источник: Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

образовательного потенциала экономически активных сограждан, а именно его поступательное развитие по сравнению с предыдущими поколениями, не позволяют судить о характере воспроизводства. «Даже несмотря на растущую индивидуальную отдачу от инвестиций в образование, определяющую по-

лезность данного вида ресурса для конкретного работника, нельзя исключительно на этом основании утверждать, что мы имеем дело с его эффективной реализацией в контексте развития экономики в целом. Пока можно лишь судить о постепенной нормализации и стабилизации процессов, формирующих образовательную структуру занятости в современной России»¹⁵.

К сожалению, стабилизация процессов, формирующих образовательную структуру занятости, приводит к дальнейшему закреплению экономически оправданных стратегий населения в выборе специальностей, позволяющих получить конкурентные преимущества в отечественной экономике. В отсутствие альтернативных предложений, поступающих с рынка занятости, население продолжает наращивать образовательный потенциал в секторе услуг, предпочитая специальности в сфере экономики и права направлениям подготовки, обеспечивающим занятость в промышленных видах производства, в том числе в наукоемкой промышленности. Высокая плата за образовательный ресурс заставляет наших граждан действовать рационально и не полагаться на легкие заявления по поводу грядущей модернизации и потребностей в высококвалифицированных специалистах. Если бы государство действительно было заинтересовано в формировании человеческого капитала, оно обеспечило бы широкий доступ к образованию, проводило поддержку инновационных направлений развития экономики и стимулировало научно-технический прогресс, включая меры по обучению работников, способных трудиться в новых отраслях. Роль государства и оценивается в зависимости от того, насколько точно оно улавливает веяния прогресса, вызревающие в обществе, или насколько эффективно стимулирует новые разработки и, соответственно, подготовку кадров¹⁶. Поскольку ничего подобного в нашей стране не наблюдается, реальность такова, что концентрация специалистов происходит буквально по одной специальности — «экономика и управление». Анализ тенденций в изменениях структуры выпуска специалистов, рассчитанной в долях от общего количества получивших диплом вуза, показывает, что с 2004 по 2010 г. наиболее заметный рост доли выпускников произошел исключительно по указанной специальности — с 31,1 до 35,7%. В наиболее массовых по численности обучающихся специальностях, за исключением экономики, все происходит иначе. Доля тех, кто получил диплом по «гуманитарным наукам», осталась без изменений — 16,5%, а доля тех, кто обучался «образованию и педагогике», резко снизилась — с 14,7 до 10,7% (рис. 5).

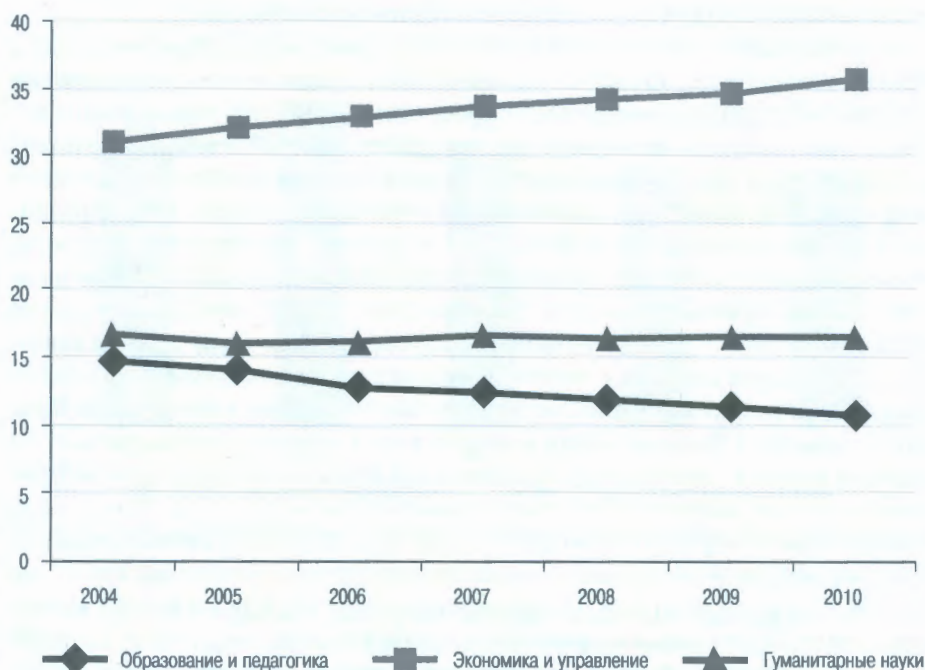
Если обратиться к структуре выпуска специалистов по техническим специальностям (по которым, собственно, и должна производиться подготовка кадров, если бы речь шла о модернизации), то она представляет собой довольно жалкое зрелище. Тенденции выпуска специалистов за период 2004–2010 гг. носят конвульсивный характер, указывающий на затухание технической мысли. Помимо того что выпуск специалистов имеет очень ограниченные размеры, как нельзя лучше характеризующие сырьевую державу, а уровень подготовки представляет вообще отдельный вопрос, так как инженерные вузы по-прежнему привлекают лишь троечников¹⁷, доли

¹⁵ Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Семья: социокультурный аспект // Общественные науки и современность. 2010. №1.

¹⁶ Плискевич Н. М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: ИЭ РАН, 2012.

¹⁷ Черных А. Высшей школе выставили средние баллы (Обнародован рейтинг качества учебных заведений) // Коммерсантъ. № 3165 (4950). 05.09.2012.

Рисунок 5. Выпуск специалистов государственными и муниципальными образовательными учреждениями высшего профессионального образования по группам специальностей в 2004–2010 гг., доля от общей численности выпуска

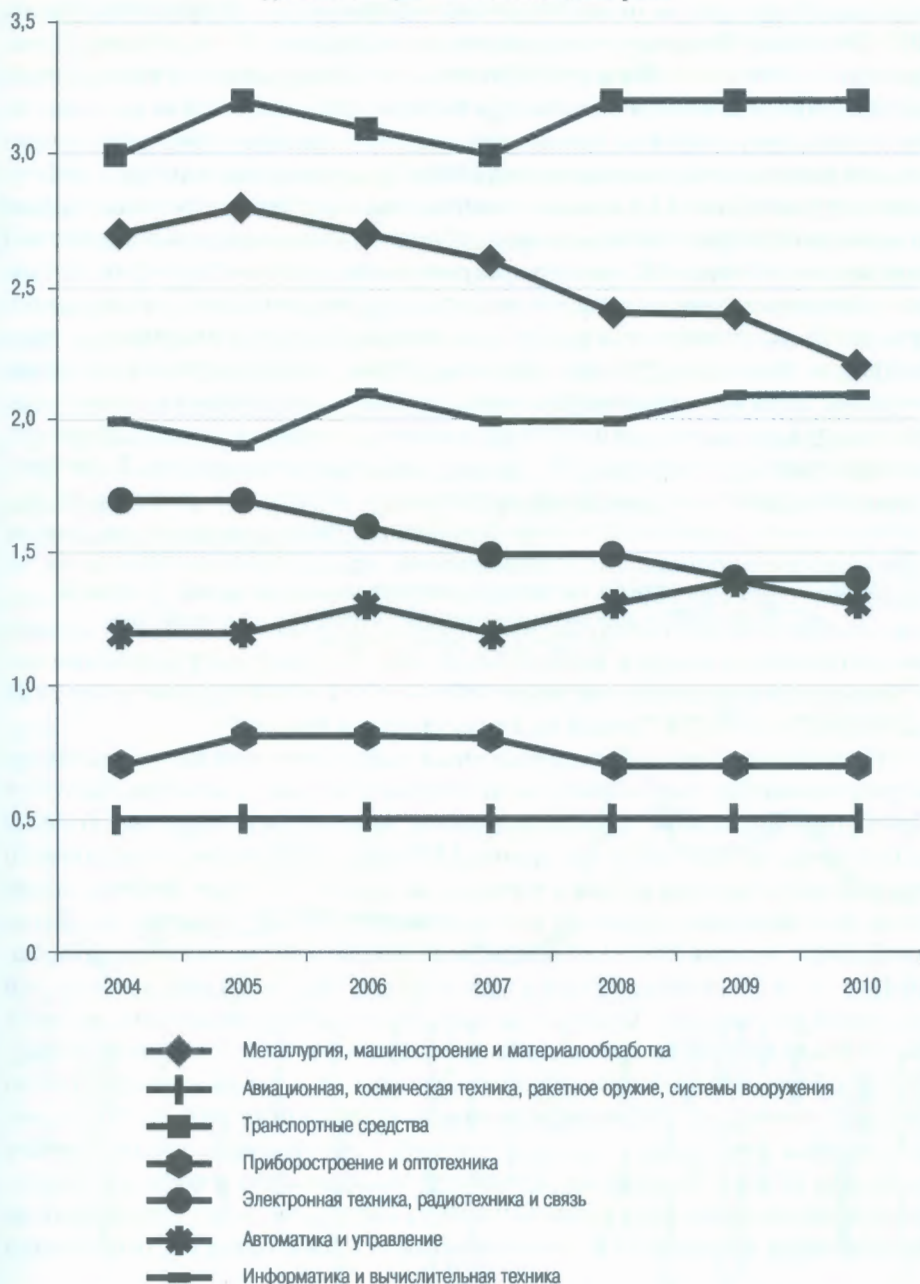
Источник: рассчитано по: Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

выпускников по в общем-то перспективным для *любой*, не обязательно инновационной экономики, направлениям сходят на нет. И это в то время, когда министерства кипят от количества различных конкурсных программ и тонут под пудами научных отчетов, направленных на развитие инновационной активности и на подготовку научных и научно-педагогических кадров¹⁸. Очевидно, что «модернизация по-русски» идет рука об руку с развалом научно-технического сектора, поскольку выпуск специалистов в областях «металлургия, машиностроение и материалобработка» и «электронная техника, радиотехника и связь» продолжает сокращаться (соответственно с 2,7 до 2,2% и с 1,7 до 1,4% в общей структуре выпуска). А доля обучившихся по специальностям «информатика и вычислительная техника», а также «автоматика и управление» в век информационных и компьютерных технологий замерла на границе исторического минимума (соответственно 2,1 и 1,3% в 2010 г.) (рис. 6).

Понятно, что миллионам подготовленных экономистов и менеджеров (около 3 млн чел., закончивших вузы только с 2004 по 2010 г.), не имеющих представления об экономике, основанной на результатах производительного труда, управлять-то особенно нечем. Единичные точки роста и приоритетные

¹⁸ Кулагина Е.В. Формирование научно-педагогических кадров и связи вузовской науки с производством // Народонаселение. 2012. № 2 (56).

Рисунок 6. Выпуск специалистов государственными и муниципальными образовательными учреждениями высшего профессионального образования по техническим группам специальностей в 2004–2010 гг., доля от общей численности выпуска

Источник: рассчитано по: Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

направления, поддерживаемые сегодня правительством¹⁹, уже не спасают положение. Тем более масштаб усилий, предпринимаемых в этом направлении, имеет микроскопические размеры. Так, например, согласно «Президентской программе повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы»,²⁰ планируется повысить квалификацию 15 тыс. специалистов, ежегодно по 5 тыс. чел. Несмотря на то что количество специалистов невелико, так просто расходовать на них государственные средства никто не собирается. Во-первых, будут обучены только те из них, чьи предприятия смогут выступить на условиях софинансирования (50%). Во-вторых, должны быть соблюдены жесткие условия по стоимости обучения, практически нивелирующие возможности получения серьезных, глубоких знаний в высококонкурентной инновационной сфере. Сумма по программам повышения квалификации на базе образовательного учреждения не должна превышать 30 тыс. руб. на одного слушателя, а стоимость стажировки в исследовательских и инжиниринговых центрах на территории России — не более 100 тыс. руб. Стажировка в исследовательских и инжиниринговых центрах за рубежом оценена в размере не более 300 тыс. руб. на одного слушателя (сумма сопоставимая с международными стипендиями для студентов, а не для состоявшихся специалистов). В-третьих, вызывает возражения сама продолжительность обучения. К программам дополнительного профессионального образования, претендующим на включение в банк программ повышения квалификации, предъявляются требования по продолжительности обучения не менее 72 аудиторных часов. В-четвертых, учитывая бедственное положение нашей промышленности и долю закупаемого импортного оборудования, не понятно, почему на стажировку за рубежом могут быть направлены всего «не менее 10%» — в 2012 и 2014 гг., и «не менее 20%» в 2013 году. Чему будут учиться те, кто останется в России?

Надо сказать, что не совсем уместный пафос сопровождает и кампанию по регулированию экономической активности реального сектора. На сайте Совета при Президенте по модернизации экономики в открытом доступе публикуются результаты мониторинга АНО «Модернизация», позволяющего «отслеживать открытие в России новых производств — заводов, фабрик, новых цехов, производственных линий и сельскохозяйственных комплексов». За год (июнь 2011 г. — июнь 2012 г.) в России было открыто 592 новых производства, объявленный объем инвестиций в них составил 798,6 млрд руб., создано 34,6 тыс. новых рабочих мест. С инвестициями, как и с рабочими местами, не густо. Но читаем далее списки «новых производств» в июле 2012 г.: сочинский порт, цеха по сборке автомобилей в Калужской области, а также предприятие по производству бетона, рыбоперерабатывающий цех, линия гибкой кровли, две современные зерносушилки и т.п., в том числе с общей численностью занятых 10, 40, 50 и 41 чел.²¹ Не понятно, при чем тут модернизация и почему этот список удостоился чести быть размещенным на сайте Совета при Президенте по модернизации экономики? В том случае если погрузка-выгрузка, переработка

¹⁹ Указ Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» № 899 от 7 июля 2011 г.

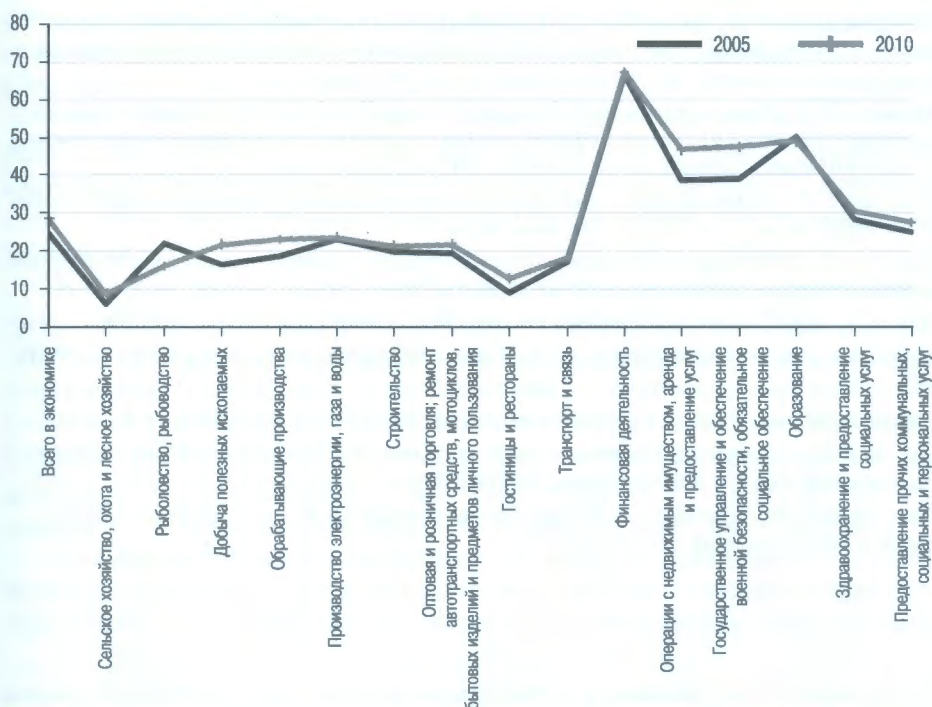
²⁰ Президентская программа повышения квалификации инженерных кадров на 2012–2014 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 594.

²¹ См.: Сайт Совета при Президенте РФ по модернизации экономики: <http://www.i-russia.ru/all/news/13072/>.

рыбы, изготовление бетона, гибка металла, сушка зерна и прочее являются видами деятельности, обеспечивающими прогресс и научно-техническое развитие, то тогда по поводу подготовки квалифицированных специалистов можно, действительно, особенно не беспокоиться.

Исходя из незавидных перспектив занятости в промышленном секторе, население ориентирует свои образовательные, а впоследствии и трудовые стратегии в сферу услуг, предпочитая при этом иметь высшее образование. Анализ структуры занятых по видам экономической деятельности показывает, что самыми притягательными для работников с высшим образованием по-прежнему являются финансовая деятельность (67,4% в 2010 г.), управление (47,6%) и операции с недвижимым имуществом (46,9%). Притом что за период 2005—2010 гг. доля специалистов с высшим образованием в среднем по экономике выросла на 4% (всего 28,7%), в управлении их стало больше на 8,3%, в операциях с недвижимым имуществом (сюда входит и наука, но доля занятых наукой составляет всего около 16%) — на 8%. Доля занятых с высшим образованием в добывающих производствах увеличилась на 5,4%, в гостиничном и ресторанном бизнесе — на 3,9%, в обрабатывающих производствах — на 4,5%. Чего не скажешь про здравоохранение, где доля выпускников с высшим образованием увеличилась лишь на 2,4%, и образование, где доля выпускников с дипломом вуза сократилась на 1,3% (рис. 7).

Рисунок 7. Распределение численности занятых по видам экономической деятельности по уровню образования в период с 2005 по 2010 г. (в среднем за год), процент

Источник: рассчитано по: Российский статистический ежегодник — 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

По данным РМЭЗ, примерно у каждого пятого российского работника накопленное фактическое образование является избыточным, что является свидетельством перепроизводства рабочей силы с высоким уровнем образовательной подготовки²². Однако рост доли занятых с высшим образованием в указанных видах экономической деятельности не приводит к повышению качества трудовой деятельности, так как высока доля трудоустроившихся не имеющих диплома по соответствующей специальности²³. Для того чтобы процесс накопления и реализации образовательного потенциала стал более осмысленным с точки зрения перспектив инновационного развития, высококвалифицированный труд в наукоемких видах экономической деятельности должен все-таки принять осязаемые формы, очевидные для населения, чтобы оно выразило готовность переориентировать траектории своей образовательной и трудовой мобильности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е. М.* Направления вертикальной мобильности молодых специалистов // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.
- Аврамова Е. М., Кулагина Е. В.* Образование в условиях кризиса // *Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации* / под ред. академика РАН и РАМН В. А. Черешнева, академика РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
- Аврамова Е. М., Кулагина Е. В.* Образовательный потенциал населения как ресурс инновационной экономики // *SPERO*. 2009. № 11.
- Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л.* Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения». М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010).
- Кулагина Е. В.* Образовательный потенциал российских регионов: социально-экономический аспект // *Качество и уровень жизни населения: от экономического кризиса к модернизации: сборник научных трудов*. М.: ВЦУЖ, 2011.
- Кулагина Е. В.* Региональные диспропорции в накоплении и реализации образовательного потенциала // *Экономика региона*. 2012. № 1.
- Кулагина Е. В.* Формирование научно-педагогических кадров и связи вузовской науки с производством // *Народонаселение*. 2012. № 2 (56).
- Платное обслуживание населения в России. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
- Плискевич Н. М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: ИЭ РАН, 2012.
- Россия и страны — члены Европейского союза. 2011 г.: стат. сб. / Росстат. М., 2011.
- Черных А.* Высшей школе выставили средние баллы / Обнародован рейтинг качества учебных заведений // *Коммерсантъ*. № 3165 (4950). 05.09.2012.
- Шкаратан О. И., Ястребов Г. А.* Семья: социокультурный аспект // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.

²² *Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л.* Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения». М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010).

²³ См.: *Аврамова Е. М.* Направления вертикальной мобильности молодых специалистов // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В МОСКВЕ: СТРАТЕГИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ УСЛУГ

Логинов Д. М., к.э.н., ученый секретарь ИГРМ

Елисеева М. А., младший научный сотрудник ИГРМ

Статья посвящена исследованию образовательных стратегий московских семей в отношении дошкольников и младших школьников, посещающих учреждения дополнительного образования и культурного досуга. На основе данных социологического исследования, проведенного Институтом гуманитарного развития мегаполиса в 2012 году, реализовано портретирование потребителя образовательных услуг, проанализированы основания выбора учреждений и направлений подготовки, рассмотрены стратегии социализации детей посредством включения в систему дополнительного образования, намечены направления повышения эффективности системы дополнительного образования детей в столице.

Дополнительное образование детей — тема, традиционно находящаяся в фокусе анализа эффективности образовательных услуг. Вместе с тем этой проблеме уделяется существенно меньше внимания, по сравнению с другими образовательными ступенями. Однако дополнительное детское образование является одним из важных элементов выстраиваемых домохозяйствами образовательных стратегий, и очевидно, что успешность работы учреждений системы дополнительного образования в значительной степени определяется готовностью распознавать и воспринимать сигналы, поступающие от населения.

В Москве, в силу высокого образовательного уровня ее жителей, спрос на услуги дополнительного образования детей также высок. Одновременно существуют и большие возможности для поддержки и развития системы этого образования. Именно поэтому исследование, основанное на результатах опроса родителей, чьи дети посещают образовательные и досуговые учреждения города, открывает широкий взгляд на проблему воспитания и образования детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также на актуализованные и латентные возможности столичной образовательной системы.

В рамках исследовательского проекта Института гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ) были проанализированы следующие базовые категории, характеризующие потребителей услуг детского дополнительного образования:

- портрет потребителя образовательных услуг;
- основания выбора образовательных учреждений и направлений подготовки в системе дополнительного образования;
- дифференциация стратегий образовательной социализации детей посредством включения в рассматриваемую систему.

В системе столичного дополнительного образования функционируют учреждения и организации различного типа, однако основной объем образовательных услуг детям оказывается государственными учреждениями, поэтому на данном этапе исследование концентрировалось именно на этом секторе образовательных услуг.

Исследование Института гуманитарного развития мегаполиса проведено летом 2012 г. под руководством к. социол. н. А. И. Пишняк, которой авторы выражают искреннюю благодарность за совместную работу. В исследовании приняли участие взрослые, сопровождающие детей в возрасте 2—12 лет на занятия в учреждения различного типа. Респонденты опрашивались в детских художественных и музыкальных школах, а также школах искусств и в домах творчества, подведомственных Департаменту образования и Департаменту культуры города Москвы. Опрос проводился методом формализованного личного интервью; объем выборки составил 560 домохозяйств.

ПОРТРЕТ ПОТРЕБИТЕЛЯ УСЛУГИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Наибольшая доля респондентов была представлена взрослыми, сопровождавшими на занятия в учреждения дополнительного образования детей в возрасте от 7 до 10 лет (57%).

Как выяснилось в ходе опроса, 73% детей ходят в школу. Из них 73,4% посещают государственную общеобразовательную школу, 22,3% — школу с углубленным изучением предметов, оставшиеся 4,3% посещают частные школы и школы другого типа. Из числа детей, не достигших школьного возраста, 77,8% ходят в государственный детский сад, 2% в частный детский сад, а 20,3% не посещают детский сад.

Если говорить о семьях, в которых есть дети, участвовавшие в обследовании, то 78% детей растут в полных семьях; более половины из них проживают в семьях без других родственников (бабушек/дедушек и проч.). Около пятой части детей происходит из неполных семей, причем количество неполных семей, в которых проживают другие родственники и в которых других родственников не проживает, фактически одинаково.

У 68% детей из домохозяйств респондентов оба родителя имеют высшее или послевузовское образование (в 78% таких семей кто-либо из родителей сам занимался ранее в учреждениях дополнительного образования). В 15% случаев высшее образование имеет только один из родителей (в 79,9% из них один из родителей ходил на дополнительные занятия). И, наконец, только у 16,4% детей ни у одного из родителей нет законченного высшего образования (в таких семьях доля тех, в которых ни один из родителей в детстве не ходил на дополнительные занятия, наиболее велика — 35%).

Обследование показало, что в семье обычно проживает от трех до пяти человек, включая ребенка (80% домохозяйств), менее трех человек проживает в 5,5% домохозяйств, в остальных семьях количество постоянно проживающих членов более пяти. Более половины детей являются единственными детьми в домохозяйстве. Два ребенка проживают в 38% семей. Детей из многодетных семей сопровождали на занятия 6% опрошенных. Интересно отметить, что среди других детей, проживающих в домохозяйстве, только 25%

посещают то же учреждение и 29,6% ходят на какие-нибудь другие занятия, а остальные дополнительные занятия не посещают.

Среди опрошенных респондентов 57% отметили, что на занятия ребенка обычно водят родители. Примерно в трети случаев (28%) это делают бабушки и дедушки. Только в 15% случаев ребенка приводят другие родственники, знакомые или няни. Причем среди самих респондентов 70,2% оказались матерями детей, 7,9% — отцами, 17,7% — бабушками и дедушками.

ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА УЧРЕЖДЕНИЙ И НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Респондентов просили описать занятия, которые посещают дети в учреждениях дополнительного образования. 18,3% детей посещают занятия по музыкальному инструменту. На втором месте по популярности — хор (15,6%), на третьем — рисование (11,8%). Менее 1% детей посещают занятия по культурологии. Очевидно, что востребованность того или иного направления зависит от специализации учреждения. Так, в музыкальные школы в основном приходят на занятия музыкальным инструментом (42,6%) и в хоре (31,3%). В художественных школах и школах искусств на первых местах — рисование (26,9%), спорт (16,9%) и лепка (11,2%). Значительная часть (22,2%) детей, посещающих дома творчества департаментов образования и культуры, занимаются в них хореографией.

По времени, которое в среднем в неделю тратят дети на посещение тех или иных занятий, первое место занимают занятия спортом — на это у ребенка уходит 3,5 часа в неделю. Меньше всего времени расходуется на занятия лепкой, культурологией (по 1,8 часа) и психологией (1,5 часа). Примечательно, что на занятия, наиболее популярные именно в этом учреждении дополнительного образования, в среднем тратится больше времени, чем на те же занятия в другом учреждении. Например, на занятия музыкальным инструментом в музыкальных школах тратится в среднем на час больше времени, чем в художественных школах и школах искусства, и на 1,5 больше, чем в домах творчества. Возможно, это объясняется тем, что в музыкальных школах эти занятия рассматриваются больше как элемент получения профессиональных навыков, следовательно, времени на них требуется больше, в то время как в остальных учреждениях эти занятия рассматриваются скорее как хобби, возможность занять время ребенка.

Респондентов спрашивали о типе учреждения, которое посещает их ребенок. Хотя все организации, в которых проводилось обследование, — государственные, около 5% респондентов не знают об этом, причем по отношению к домам творчества департамента культуры эта цифра равна 15% (9,7% затруднились ответить на вопрос, а 5,3% считают, что учреждение, которое посещает их ребенок, частное или относится к другой форме собственности).

Большая часть детей, участвовавших в обследовании (78,6%), посещают данное образовательное учреждение уже не первый год. Если оценивать средний период посещения на момент опроса, то он составил 2,8 лет в среднем для всех школ (3,0 для детских школ и 2,6 для детских домов творчества).

Для половины детей посещаемый вид занятий — единственный. Треть детей, помимо занятий в учреждениях, где проводилось обследование, за-

нимаются еще и в других — частных или государственных — учреждениях дошкольного образования. Еще по 10% занимаются дополнительно при общеобразовательных школах или с репетиторами. Зачастую дети посещают сразу несколько видов занятий в одном и том же учреждении.

Чаще всего детей водят на дополнительные занятия в разные учреждения дополнительного образования, поскольку в одной школе невозможно найти все необходимые виды занятий. С этой проблемой столкнулись 49% респондентов. Вторая причина — подбор наиболее подходящих для ребенка занятий (22%). Почти пятая часть (18%) респондентов считают, что разные школы позволяют ребенку расширять круг общения. Практически не назывались такие причины, как неудобное расписание, отсутствие мест и неподходящее качество занятий.

Респондентов просили оценить, насколько востребованными, по их мнению, являются различные виды дополнительных занятий в Москве. Среди ответов чаще встречались спортивные, танцевальные, художественные и музыкальные занятия, что соответствует результатам данного обследования. Ожидается, что посетители музыкальных и художественных школ называли в первую очередь музыкальные и художественные занятия соответственно. Вне зависимости от типа учреждения около 20% респондентов в первую очередь называли спорт.

Около 80% респондентов остановили свой выбор на конкретных занятиях, потому что целенаправленно их искали, остальные узнали о них случайно. При принятии решения абсолютное большинство опрошенных (40%) руководствовались советами родственников друзей и знакомых. Более 20% выбрали занятия, находящиеся в их районе и о которых они узнали, потому что живут рядом. Третий по популярности источник информации — интернет. Наименее востребованным из доступных источников информации являются рекламные коммуникации.

Инфраструктурная обеспеченность районов учреждениями дополнительного образования в целом была оценена актуальными потребителями как достаточная, хотя отмечалась возможность расширить их количество. Чаще всего предложение увеличить число школ в районе проживания респондента высказывалось относительно художественных школ.

Более половины респондентов (58%) не рассматривали другие учреждения, прежде чем отдать ребенка в то, которое он посещает в настоящее время, причем, как показал анализ, территориальный фактор играет преобладающую роль в принятии решения. На основании этого критерия сделали свой выбор более 20% респондентов. Важны отзывы друзей, родственников и знакомых — ими руководствовались более пятой части опрошенных. Ценовой фактор отметили менее 6% респондентов.

В вопросе стоимости занятий, которые посещают дети в учреждениях дополнительного образования, ответы распределились следующим образом: 11% респондентов считают цену занятий высокой, 39% оценили ее как среднюю, 20% — как низкую. Для 30% занятия бесплатны. Важно отметить, что завышенной цену считают лишь 5% опрошиваемых, то есть даже для тех, кому занятия кажутся дорогими, стоимость соответствует качеству. В результате оценки респондентами максимальной и оптимальной стоимости дополнительных занятий более 50% респондентов посчитали, что они должны быть

бесплатными или стоить менее 500 руб. в месяц. Менее 9% назвали цену в 2000 руб. в месяц и выше оптимальной.

Поскольку родители склонны выбирать учреждения, находящиеся в районе проживания, около 70% опрошенных посещают те, которые расположены в шаговой доступности от дома. Еще у 24% респондентов школа расположена на некотором расстоянии, и только 8% водят детей в школы, находящиеся далеко от их дома.

СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Исходя из целей, на основе которых домохозяйства формируют реальные практики включенности в систему дополнительного образования и культурно-образовательного досуга, в ходе анализа были классифицированы наиболее распространенные стратегии образовательной социализации.

1 группа. «Формирование культурного базиса»

Данный тип целевых установок образовательной социализации демонстрируют около 40% семей, которые обращаются к системе дополнительного образования на основе приоритета «расширение кругозора ребенка».

2 группа. «Расширение возможностей»

Группа составляет 27% домохозяйств и формируется из тех, кто считает целью дополнительного образования «приобретение знаний, которые помогут в повседневной жизни».

3 группа. «Рационализация навыков»

Критерием отнесения в эту группу, характеризующую поведение четверти семей, является целевой приоритет образовательной социализации «приобретение профессиональных знаний и навыков».

Рассмотрим характеристики домохозяйств, ориентированных на различные стратегии образовательной социализации.

Таблица 1. Распространенность стратегий образовательной социализации

Стратегии образовательной социализации (число респондентов, процент)				Всего
формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков	другие	
40,2	27,6	24,5	7,7	100

Таблица 2. Дифференциация стратегий образовательной социализации в семьях различного образовательного уровня

Уровень образования родителей	Стратегии образовательной социализации (число респондентов, процент)				Всего
	формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков	другие	
Ни один не имеет высшего образования	30,5	42,1	15,8	11,6	100
Один из родителей имеет высшее образование, другой не имеет	38,3	25,9	29,6	6,2	100
Оба родителя (единственный родитель) имеют высшее образование	43,0	24,6	25,7	6,7	100

Анализ показывает, что образовательный уровень семьи влияет на стратегии социализации в системе дополнительного образования. С понижением образовательного уровня родителей менее актуальным становится накопление культурного базиса и возрастает обращение к стратегии расширения возможностей. Рационализация навыков является стратегией семей, в которых хотя бы один из родителей имеет высшее образование (табл. 2).

Самооценка уровня материальной обеспеченности домохозяйств в значительной степени коррелирует с демонстрируемыми стратегиями образовательной социализации (табл. 3).

Таблица 3. Дифференциация стратегий образовательной социализации в семьях различного уровня материальной обеспеченности

Уровень материальной обеспеченности семей	Стратегии образовательной социализации (число респондентов, процент)				Всего
	формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков	другие	
Низкий	29,4	29,4	41,2	0,0	100
Ниже среднего	35,9	30,3	26,8	7,0	100
Средний	36,5	30,8	24,2	8,5	100
Выше среднего	48,0	22,7	24,0	5,3	100
Высокий	62,5	12,5	12,5	12,5	100

В ходе анализа рассмотрены различия образовательной социализации дошкольников и школьников (табл. 4). При достижении ребенком порогового уровня образования (окончание дошкольного образования и поступление в школу) семьи существенно корректируют вектор образовательной социализации в системе дополнительного образования. Формирование культурного базиса теряет приоритетность, в то время как рационализация навыков встречается в три раза чаще.

Таблица 4. Дифференциация стратегий образовательной социализации в семьях школьников и дошкольников

Статус ребенка	Стратегии образовательной социализации (число респондентов, процент)				Всего
	формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков	другие	
Не школьник	46,8	30,1	10,5	12,6	100
Школьник	37,7	26,8	29,4	6,1	100

Семьи, демонстрирующие рациональный вектор стратегий образовательной социализации, подтверждают его на этапе выбора учреждения дополнительного образования и культурного досуга.

Таблица 5. Стратегии выбора учреждения в зависимости от стратегии образовательной социализации

Выбор учреждения дополнительного образования	Стратегии образовательной социализации (число респондентов, процент)		
	формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков
Рациональный	78,5	85,6	91,9
Случайный	21,5	14,4	8,1
Всего	100	100	100

Таблица 6. Индексы сравнительной значимости задач образовательной социализации

Задачи образовательной социализации	Значение индекса сравнительной значимости задач образовательной социализации			
	В целом	Реализующиеся стратегии образовательной социализации		
		формирование культурного базиса	расширение возможностей	рационализация навыков
Занять свободное время ребенка	4,16	4,29	3,99	4,40
Помочь приобрести профессиональные знания и навыки	3,66	4,03	3,90	2,73
Расширить кругозор	3,06	2,50	3,29	3,62
Сформировать круг друзей	4,59	4,65	4,29	4,81
Научить общаться с другими детьми	4,22	4,26	4,07	4,46
Выявить и развить таланты ребенка	3,12	3,01	3,34	3,89
Приобщить ребенка к здоровому образу жизни и спорту	3,94	3,94	3,88	4,11

Примечание. 1 — максимальная значимость; 7 — минимальная значимость

Для более полного понимания стратегий образовательной социализации реализуем оценку сравнительной значимости задач, которые семьи ставят перед системой дополнительного образования в ситуации комбинирования нескольких образовательных целей.

Задачами, в разной степени влияющими на обращение к образовательным и культурно-досуговым услугам, являются:

- занять свободное время ребенка;
- помочь приобрести профессиональные знания и навыки;
- расширить кругозор;
- сформировать круг друзей;
- научить общаться с другими детьми;
- выявить и развить таланты ребенка;
- приобщить ребенка к здоровому образу жизни и спорту.

Индекс значимости показывает, насколько задача сравнительно важна при обращении к системе образовательных и досугово-культурных услуг. Минимальное значение индекса иллюстрирует приоритетность задачи. Максимальное значение индекса показывает минимальную актуализацию задачи, по сравнению с другими.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Результаты проведенного анализа показали, что обращение к системе дополнительного образования актуализируется в контексте решения задачи воспроизводства образовательного потенциала — дополнительные занятия чаще всего посещают дети из семей, в которых хотя бы один из родителей имеет высшее образование. Это преимущественно семьи с достатком средним и выше среднего, в которых проживают один, реже два ребенка.

Система учреждений рассматриваемого уровня в значительной степени отвечает запросам актуальных потребителей. Выбор учреждений делают в первую очередь, исходя из их территориального расположения, а также ориентируясь на отзывы знакомых. Самыми популярными видами занятий

являются музыкальные и художественные, также большая доля детей занимается спортом. Максимизируя полезность образовательной подготовки детей, их часто водят на разные занятия (как в единственное, так и в несколько учебных заведений) или дополняют институциональную образовательную подготовку индивидуальными занятиями с педагогами.

Наиболее распространенными стратегиями формирования базиса образовательной социализации детей в системе образовательных и культурно-досуговых учреждений являются:

- формирование культурного базиса — немногим более 40%
- расширение возможностей — около 30%;
- рационализация навыков — порядка четверти потребителей.

Стратегию «формирования культурного базиса» наиболее активно практикуют семьи, оценивающие собственный уровень материальной обеспеченности сравнительно высокими значениями, имеющие высокий образовательный потенциал, актуализирующие социализацию детей-дошкольников. Стратегия «расширение возможностей» в большей степени характерна для домохозяйств сравнительно низкого образовательного уровня, а также оценивающих уровень материальной обеспеченности средними и ниже среднего значениями шкалы; включенность школьников и дошкольников равновесна. Стратегия «рационализации навыков» в большей степени присуща семьям, в которых хотя бы один из родителей имеет высшее образование; данная стратегия в кардинально большей степени присуща школьникам, по сравнению с дошкольниками. Базис образовательной социализации во многом определяет алгоритм выбора учреждения — в случае формирования культурного базиса случайный нерациональный выбор существенно более вероятен.

Потенциал повышения эффективности деятельности данной образовательной ступени лежит в сфере двух взаимодополняющих направлений. Во-первых, это сокращение «лакун неполной удовлетворенности» фактических потребителей, то есть развитие и реновация инфраструктуры. Во-вторых, удовлетворение ожиданий потенциальных потребителей услуг и снижение существующих в настоящее время материальных, статусных, инфраструктурных «барьеров доступности».

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е. М. и др. Образовательные ресурсы домохозяйств: коллективная монография. М.: М—Студио, 2008.

Логинов Д. М. Оценка образовательного потенциала семьи. // Материалы Второго российского конгресса «Мир семьи». М.: Фонд «Мир семьи», 2001. С. 198.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ

Черкашина Т.Ю., к.с.н., старший научный сотрудник отдела социальных проблем
Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск

В статье представлена предложенная зарубежными учеными адаптация кривой Лоренца для сравнения (не)равенства различных групп населения, дифференцированных по уровню жизни, в доступе к системе здравоохранения, фактически оценивающая воспроизводство экономического неравенства в получении одного из видов социальных услуг. На данных РМЭЗ — НИУ ВШЭ за 1994–2009 гг. показано, что в России доходное неравенство практически не воспроизводилось в неравенстве в получении медицинских услуг. Однако в динамике наблюдается тенденция к увеличению неравенства в получении амбулаторно-поликлинической помощи, возрастает значимость экономического статуса домохозяйств и территориальной близости медицинских учреждений как фактора получения медицинских услуг.

Невозможно дать полную оценку благосостояния населения без анализа потребления услуг, в том числе социальных, предоставляемых в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении и т.п. Во-первых, *потребление* данных услуг адекватнее характеризует удовлетворение потребностей индивидов и домохозяйств, чем ресурсная обеспеченность (оборудованием и кадрами) данных сфер. Во-вторых, только зная о реальных различиях в потреблении этих услуг социальными группами, можно оценить, в какой мере институциональные условия компенсируют/усиливают ресурсную дифференциацию индивидов и домохозяйств, обуславливающую доступ к услугам. И, как следствие, в-третьих, это подчеркивает социальный контекст формирования индивидуального благосостояния. Здесь подразумеваются не только условия для получения доходов и их конвертации в конечную полезность, но также сочетание платных и бесплатных механизмов получения социальных услуг. Именно этим аргументом мотивировано, к примеру, решение оценивать динамику уровня жизни населения России в 1989–2009 гг. с учетом потребления образовательных и медицинских услуг. Без этого сопоставление уровней благосостояния в принципиально различающихся социально-экономических системах: советской — с формально бесплатными образованием и здравоохранением и современной российской — с большой долей частных расходов в финансировании данных сфер, представляется неполным [Уровень и образ жизни..., 2011, с. 31].

В данной работе потребление социальных услуг будет рассмотрено на примере услуг здравоохранения. Исследовательский интерес к этому виду неравенства растет, о чем свидетельствуют, к примеру, следующие данные: с января по декабрь 1980 г. в базе Medline было зарегистрировано только

33 статьи, в абстракте к которым употреблялось слово «справедливость» (equity), за двенадцать месяцев 2005 г. в этой базе появилось 294 таких статьи. Если перевести эти показатели в относительные, то в 1980 г. публикаций, посвященных справедливости в здравоохранении, было 1206 на 10000 статей, в 2005 г.— 4313 на 10000 [Analyzing health equity..., 2008, p. 1–2]. За рубежом внимание к данной теме обусловлено как запросом со стороны правительственных и частных организаций, заинтересованных в оценке последствий реформ здравоохранения, так и предложением со стороны исследовательского сообщества, развивающего и совершенствующего информационную базу и методологию такого анализа.

Цель исследования, на материалах которого подготовлена статья,— выявить масштабы неравенства населения России в потреблении услуг здравоохранения с середины 1990-х гг. до конца первого десятилетия 2000-х гг., а также факторы, определяющие данное неравенство.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РОССИИ: УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОЛУЧЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Отметим аспекты преобразований в здравоохранении в последние двадцать лет, затрагивающие доступность медицинских услуг для населения.

Переход на страховые принципы оплаты медицинских услуг. Появление в цепочке отношений «медицинское учреждение — пациент» посредника в лице страховых компаний должно было оградить пациентов от высоких затрат на услуги здравоохранения и минимизировать произвол лечебных учреждений в установлении платы за свои услуги, а также повысить их качество. Средства страховых компаний должны были формироваться из двух источников: страхование работающих через отчисления работодателей, пропорциональных фонду оплаты труда, и страхование неработающего населения, осуществляемого из государственных бюджетов. Но из-за низких доходов населения и распространения теневых форм оплаты труда средства страховых компаний формировались преимущественно из региональных бюджетов, а не из отчислений с фонда заработной платы. Оказалось, что не только государственные обязательства по предоставлению бесплатной медицинской помощи не обеспечены финансово в полном объеме, но и регионы стали значительно различаться по уровню финансирования здравоохранения [Шишкин, 2007]. Ожидаемой конкуренции за пациента, за которым бы шли финансовые потоки в бюджет учреждения, а следовательно, и повышения планки качества медицинских услуг, не произошло. Наоборот, недофинансирование здравоохранения привело в конце 1990-х гг. к снижению доходов занятых в нем, оттоку специалистов и кадровому дефициту, устареванию диагностического оборудования, скудному лекарственному обеспечению медицинских учреждений.

Увеличение частных расходов на здравоохранение. Сокращение государственных расходов на здравоохранение сопровождалось ростом затрат населения на медицинские услуги. Отчасти это спровоцировано ростом сектора частных медицинских услуг. По расчетам С. В. Шишкина, расходы государства (бюджет и обязательное медицинское страхование) в неизменных ценах устойчиво снижались с 1994 г. и лишь в 2006 г. вышли на уровень начала пе-

риода. Сокращение государственного финансирования происходило на фоне повышения потребностей населения в медицинской помощи за счет роста заболеваемости и старения населения. Эти разнонаправленные тенденции привели к тому, что располагаемые общественные ресурсы в расчете на случай заболеваний за 1994–2005 гг. сократились на 10% и лишь в последующие годы стали расти [Уровень и образ жизни..., 2011, с. 34–35]. Если в 1994 г. государственные расходы на здравоохранение примерно в восемь раз превышали частные, то к концу первого десятилетия 2000-х гг. непосредственные расходы населения на медицинские услуги и лекарства составляли четыре пятых от величины государственных расходов на здравоохранение. Увеличение бюджетных расходов с 2005 г. связано с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье».

Сокращение численности лечебно-профилактических учреждений. Одновременно с реализацией данного проекта осуществляется политика оптимизации сети медицинских учреждений и рационализации бюджетных расходов, на практике воплотившаяся в сокращении числа медицинских учреждений. По данным Росстата, число амбулаторно-поликлинических учреждений с 1995 г. по 2009 г. сократилось с 21071 до 15322. Но если в городских поселениях произошло небольшое увеличение числа учреждений (с 11854 до 12398), то в сельских — трехкратное сокращение (с 9217 до 2924) [Здравоохранение в России, 2011, с. 139]. Реорганизация сети медицинских учреждений осуществлялась в двух вариантах: закрывались маломощные амбулаторно-поликлинические учреждения с параллельной концентрацией медицинской помощи в более крупных, либо отдельные учреждения включались в состав других в качестве структурных подразделений. На то, что сокращение численности учреждений было реализовано преимущественно через реорганизацию, а не ликвидацию, указывает динамика численности персонала в здравоохранении: с 2000 г. по 2009 г. численность врачей всех специальностей увеличилась с 680,2 тыс. чел. до 711,3 тыс. чел. при некотором сокращении численности среднего медицинского персонала: с 1563,6 тыс. чел. до 1517,6 тыс. чел. [Здравоохранение в России, 2011, с. 181, 183]. Такая же тенденция характерна для больничных учреждений с той особенностью, что снижение числа больниц наблюдается как в городской, так и в сельской местности.

Основной вклад в обозначенные процессы внесен государственным сектором, тогда как в негосударственном за 1995–2009 гг. произошло четырехкратное увеличение числа амбулаторно-поликлинических учреждений с увеличением их мощности в 6,5 раз.

Общий тренд институциональных преобразований в здравоохранении в последние двадцать лет можно обозначить как от «всеобщей бесплатности» к страховой медицине, подразумевающей *просчитываемость*¹ средств, поступающих в сферу, стандартизацию процесса лечения, выстраивание и регулирование потоков пациентов между лечебными учреждениями разного уровня,

¹ Это одно из измерений современной рациональности, обозначенное в английском языке термином *Calculability*, наряду с *Efficiency* (эффективностью), *Predictability* (предсказуемостью, «ожидаемостью») и *Control through Nonhuman Technologies* (управление посредством технологий без участия человека). Хотя данный тип рациональности наиболее ярко воплощен в организации индустрии быстрого питания и поэтому получил название *McDonaldization* (макдональдизация), он проявляется, по мнению Джорджа Ритцера, во многих сферах, в том числе в здравоохранении [Ритцер, 2011].

обозначение государственных гарантий бесплатной медицинской помощи и т.п. Население, так или иначе, принимает меняющиеся «правила игры», адаптируется к ним. Как показывают исследования, в качестве наиболее значимого фактора обращения в медицинские учреждения выступает потребность в ее получении, а уже затем — экономический статус индивида. При этом территориальные различия в обращаемости за медицинской помощью обусловлены не столько дифференциацией регионов (по ресурсной и кадровой обеспеченности здравоохранения), сколько статусом населенного пункта (городское/сельское поселение): сельские жители реже получают первичное медицинское обслуживание [Российское здравоохранение, 2008, с. 27–28].

Социологические исследования потребления медицинских услуг, проводимые в начале 2000-х гг., фиксируют, что для различных социальных групп в той или иной мере значимы два вида ограничений в доступе к медицинской помощи. Первый связан с невозможностью населения оплачивать медицинские услуги и медикаменты, второй — с невозможностью получения бесплатной медицинской помощи из-за отсутствия специалистов, трудностей с записью к ним на прием, удаленностью лечебных учреждений от места жительства. «Современные трактовки доступности медицинского обслуживания касаются не только и не столько финансово-материальной стороны, сколько наличия/отсутствия необходимых специалистов и удаленности места проживания от центральных больниц» [Антонова, 2007, с. 194].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кривые и индексы концентрации

Сказывались ли происходящие изменения в системе здравоохранения на динамике доступности медицинского обслуживания для населения с точки зрения равенства доступа для отдельных социально-экономических групп? Для ответа на вопрос требуется *измерить* это (не)равенство. В большинстве зарубежных исследований для оценки неравенства в получении услуг здравоохранения используют индексы концентрации [Analyzing health equity..., 2008; Wagstaff A., van Doorslaer E., 2000; Wagstaff A. et al., 1991], а также кривые концентрации, графически отражающие неравенство. При этом неравенство в получении медицинских услуг рассматривается как *проявление социально-экономического неравенства*: индекс концентрации оценивает различия в получении медицинских услуг между разными социально-экономическими группами. Для построения кривых концентрации необходимы две переменные: 1) «переменная здравоохранения» (the health variable),² характеризующая процессы и явления, связанные с медициной (к примеру, уровень смертности, дефицит рациона питания, частота визитов к врачу, частота госпитализаций, субсидии на получение медицинских услуг и др.), и 2) «переменная стандарта жизни» (the living standards measure), позволяющая проранжировать индивидов от бедных к богатым. Кривая концентрации, как и кривая Лоренца, показывает совокупный процент «медицинской» переменной (ось y) для кумулятивной

² Дословно название переменной переводится как «переменная здоровья», но фактически в многочисленных примерах, приведенных в публикациях, в качестве нее используют медико-демографические показатели, индикаторы состояния здоровья, получения различных медицинских услуг и т.п.

доли населения, упорядоченного согласно стандарту жизни от самых бедных до самых богатых (оси x). Чем выше кривая над линией равенства, тем больше значения переменной здравоохранения сконцентрированы среди бедных слоев населения.

Индекс концентрации изменяется в диапазоне от -1 до 1 . Значение -1 означает, что «медицинская» переменная сконцентрирована у бедных (pro-poor inequality), 1 означает концентрацию «медицинской» переменной у богатых (pro-rich inequality). Значение 0 отражает, что распределение доступа к услугам здравоохранения «перекрывается» распределением доходов или что неравенство в пользу богатых в некоторых частях распределения компенсируется неравенством в пользу бедных слоев населения в других частях одного и того же распределения [Balsa A. I. et al., 2009].

Для дискретной переменной стандарта жизни индекс концентрации может быть определен по формуле

$$C = \frac{2}{N\mu} \sum_{i=1}^n h_i r_i - 1 - \frac{1}{N},$$

где h_i является переменной здравоохранения, μ — ее средняя, а $r_i = i/N$ — дробный (фрактальный) ранг индивида i в распределении по стандарту жизни с $i=1$ для бедных и $i=N$ для богатых [Analyzing health equity..., 2008, p. 96].

Так как исследователи часто оперируют «медицинскими» переменными, которые не измеряются по шкале отношений, индекс концентрации не может быть вычислен непосредственно из таких данных. Для расчетов номинальные переменные могут быть преобразованы, например, в дихотомические. Но это вносит еще одну проблему. Вагстаф показал, что границы индекса концентрации для дихотомических переменных не -1 и 1 , а они зависят от средней величины переменной здравоохранения. Для больших выборок нижняя граница будет $\mu - 1$ и верхняя граница — $1 - \mu$. Очевидным решением является нормализация индекса концентрации путем деления его на $1 - \mu$ [Wagstaff A., 2005].

Информационная база исследования

В большинстве зарубежных исследований сравнение неравенства в получении медицинских услуг осуществляется в статике — между разными странами, городами или отдельными социальными группами. В данной работе предполагается реализовать динамическое сравнение неравенства — определить изменения его количественных показателей в течение последних полутора десятилетий в России. Индекс концентрации как исследовательский инструмент адекватен для решения данной задачи. Информационной базой исследования является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 1994, 1998, 2002—2009 (ежегодно) гг. Единицами анализа в каждой волне являются индивиды 18 лет и старше. Исходя из содержания РМЭЗ, в анализ были включены следующие индикаторы и показатели (табл. 1).

Таблица 1. Индикаторы и показатели для анализа неравенства населения России в получении медицинских услуг

Индикаторы	Показатели / формулировка вопроса
Потребность в амбулаторной помощи	«Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?» Значения переменной: 1. да; 2. нет.
Получение амбулаторной помощи	«Что Вы сделали, чтобы решить те проблемы со здоровьем, которые возникали у Вас в течение последних 30 дней?». Значения переменной: 1. обращались в медицинские учреждения или просто к медработникам; 2. не обращались к медработникам, занимались лечением самостоятельно.
Получение профилактических медицинских услуг	«Скажите, пожалуйста, в течение последних трех месяцев Вы показывались медицинскому работнику для прохождения профилактического осмотра, а не потому что были больны?». Значения переменной: 1. да; 2. нет.
Получение стационарных медицинских услуг	«Вы лежали в больнице в течение последних трех месяцев?». Значения переменной: 1. да; 2. нет.
Уровень жизни индивида	Среднедушевой доход домохозяйства в числе региональных прожиточных минимумов. Определяется последовательным делением совокупного дохода домохозяйства на домохозяйственный прожиточный минимум, рассчитанный с учетом возрастного состава домохозяйства и территории проживания (субъекта РФ), а затем — делением на численность членов домохозяйства.
Инфраструктурная доступность медицинских учреждений	Доля домохозяйств в субъекте РФ, для которых ближайшая поликлиника для взрослых находится в более чем 30 минутах транспортной доступности. Переменная, рассчитанная на основе ответов на вопросы: «Скажите, пожалуйста, имеется ли в пределах пешей доступности от Вашего жилья следующие объекты социальной инфраструктуры: поликлиника для взрослых» и «Если не можете добраться пешком, то сколько времени Вам потребуется для поездки на общественном транспорте, маршрутном такси, автомобиле или другом виде транспорта?». Определяется на основе годового опроса в обследовании бюджетов домашних хозяйств, проводимых Росстатом [Данные обследований... для 2007 и 2009 гг.
Состояние здоровья	Самооценка состояния здоровья по шкале: 1. очень хорошее; 2. хорошее; 3. среднее, не хорошее, но и не плохое; 4. плохое; 5. очень плохое.
Обычная продолжительность занятости по основному месту работы, часов в рабочую неделю	Переменная, рассчитанная на основе ответов на следующие вопросы: 1. «Скажите, пожалуйста, Вы сейчас работаете? 2. Вы находитесь в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет? 3. Вы находитесь в любом другом оплачиваемом отпуске? 4. Вы находитесь в неоплачиваемом отпуске? 5. Или у Вас сейчас нет работы?»; «Сколько часов в среднем продолжается Ваша обычная рабочая неделя?». Переменная имеет следующие значения: 1. не работает; 2. до 39 часов; 3. 40 часов; 4. 41-59 часов; 5. 60 часов и более; 6. нет информации

МАСШТАБЫ (НЕ)РАВЕНСТВА В ПОЛУЧЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Общую ситуацию обращения за медицинской помощью в 1994—2009 гг. характеризуют следующие данные. Примерно две пятых взрослых россиян (18 лет и старше) отмечали наличие каких-либо проблем со здоровьем в течение 30 дней, предшествующих опросу. При этом стабильно в течение всего периода наблюдений респонденты из самого низкодогодного квинтиля реже испытывают, по их словам, какие-либо проблемы со здоровьем (32—38%), чем попавшие в 20% самых высокодоходных (38—44%).

Из тех, у кого были недомогания, обращались к медработнику или в медицинское учреждение 38—42% опрошенных. Наблюдается стабильная закономерность — среди индивидов из высокодоходных семей несколько выше доля обращающихся за медицинской помощью (40—44%), чем среди имеющих низкие доходы (33—38%).

Обращались к врачу для профилактического осмотра (в течение 3-х месяцев, предшествующих опросу) 15—20% взрослых россиян. Сравнивая с серединой 1990-х гг., можно отметить небольшое увеличение к концу первого десятилетия 2000-х гг. относительной численности посещавших врачей по

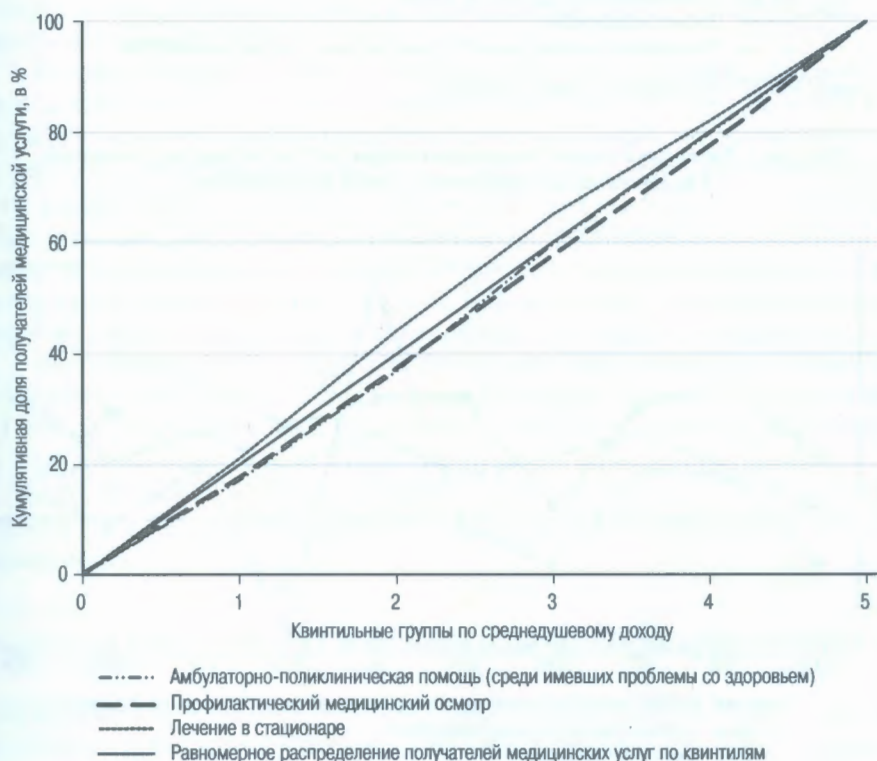
данной причине, но резкое сокращение их доли в 2009 г. не позволяет говорить о стабилизации тенденции. Как и в случае амбулаторно-поликлинических обращений, профилактические осмотры проходит больше опрошенных из пятого квинтиля (15–20%), чем из первого (12–17%).

Лежали в больнице (в течение трехмесячного периода перед опросом) 5–5,5% взрослых россиян.

Для количественной оценки динамики неравенства в получении медицинских услуг необходимо определить, как их общий объем (на данных РМЭЗ — совокупность получателей услуг) распределяется между квинтильными группами по среднему душевому доходу, измеренному в числе региональных прожиточных минимумов. В отношении амбулаторно-поликлинической помощи сделана «поправка» на потребности в медицинских услугах: расчеты осуществлены только для совокупностей индивидов, испытывавших проблемы со здоровьем в течение месяца перед опросом.

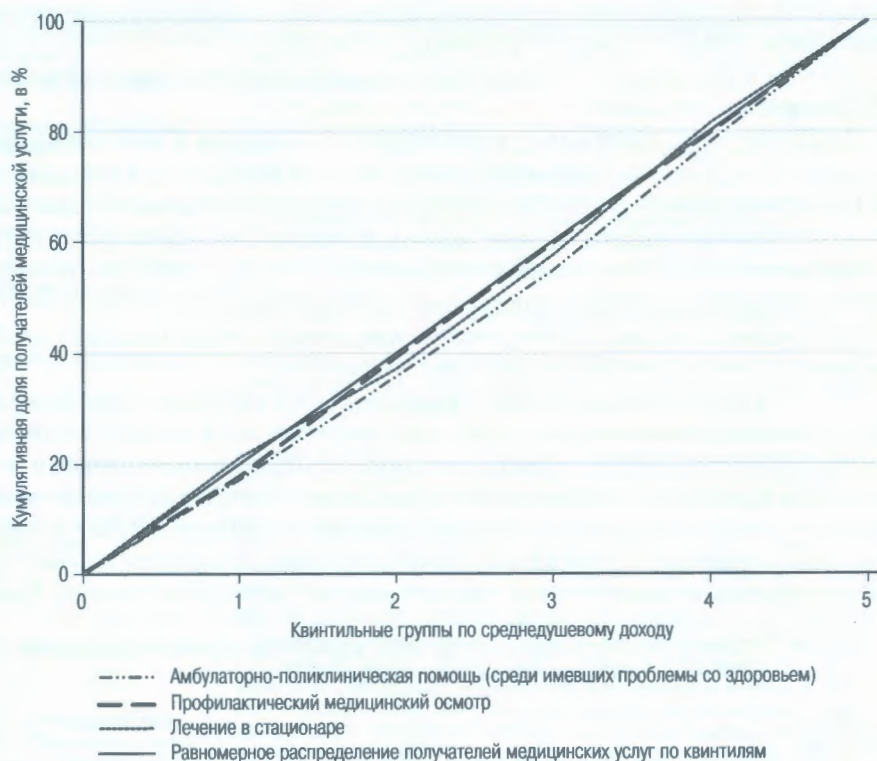
Итак, кривые концентрации, графически отражающие неравенство в получении медицинских услуг, располагаются близко к линии равномерного распределения получателей по доходным группам, иными словами, мы наблюдаем незначительное неравенство населения, отличающегося уровнем жизни, в получении медицинского обслуживания. К примеру, в 2006 г. кривая «лечение в стационаре» лежит выше линии равномерного распределения, то есть распределение получателей данного вида медицинской помощи было

Рисунок 1. Кривая концентрации получателей различных медицинских услуг по квинтильным группам, 2006 г.

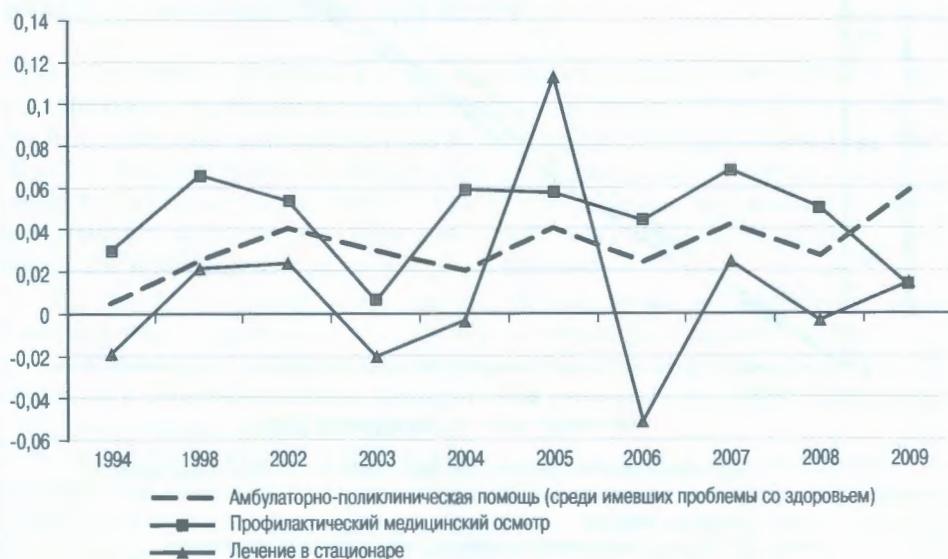
Источник: РМЭЗ — НИУ ВШЭ, расчеты автора.

Рисунок 2. Кривая концентрации получателей различных медицинских услуг по квинтильным группам, 2009 г.

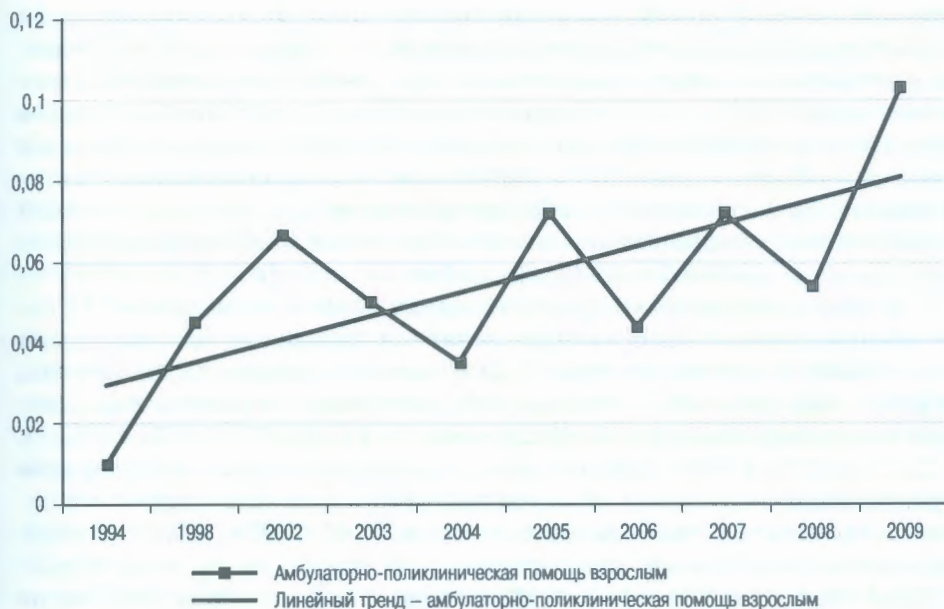
Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ, расчеты автора.

Рисунок 3. Динамика индексов концентрации, отражающих неравенство в получении медицинских услуг в 1994-2009 гг.

Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ, расчеты автора.

Рисунок 4. Динамика нормализованных индексов концентрации, отражающих неравенство в получении амбулаторно-поликлинических услуг в 1994–2009 гг.

Источник: РМЭЗ – НИУ ВШЭ, расчеты автора.

в 2006 г. в пользу бедных. В 2009 г. все кривые лежат ниже линии равномерного распределения (рис. 1, 2).

Индексы концентрации, рассчитанные по приведенной выше формуле, дают количественное измерение неравенства, отраженное графически на кривых концентрации. Индексы для различных видов медицинских услуг колеблются в интервале от $-0,1$ до $0,15$, что также свидетельствует о незначительном неравенстве разных доходных групп в получении медицинского обслуживания (рис. 3). Более всего неустойчив во времени индекс неравенства в получении стационарного лечения, но при этом именно данный индекс чаще всего имеет отрицательные значения. Как можно было ожидать, наиболее «пробогатым» является распределение профилактических медицинских услуг.

После нормализации индексов (на примере амбулаторно-поликлинического лечения) [Wagstaff A., 2005] величина индексов по модулю не превышает $0,1$ (рис. 4). То есть в России в 1994–2009 гг. доходное неравенство практически не воспроизводилось в неравенстве в получении медицинских услуг: доля их получателей слабо дифференцирована между разными доходными группами. Однако в динамике наблюдается тенденция к увеличению данного вида неравенства.

ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА В ПОЛУЧЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Для оценки совокупности факторов, дифференцирующих потребление медицинских услуг, использован аппарат логистической регрессии. Зависимая переменная в уравнениях, рассчитанных на данных 2002, 2004, 2007, 2009 гг.,—

получение амбулаторно-поликлинической помощи теми, кто испытывал проблемы со здоровьем в течение 30 дней перед опросом. В число предикторов включены: самооценка состояния здоровья, место в квинтильном распределении по среднедушевому доходу, измеренном в числе региональных прожиточных минимумов, наличие полиса добровольного медицинского страхования (ДМС), типичная продолжительность занятости на основном месте работы в течение месяца, тип населенного пункта (городское/сельское поселение). В уравнения за 2007 и 2009 гг. в состав предикторов добавлена переменная «доля домохозяйств в субъекте федерации, для которых ближайшая поликлиника для взрослых находится в более чем 30 минутах транспортной доступности» (рассчитано по [Данные обследований...]).

В результате процедур принудительного включения независимых переменных в модели мы получили уравнения, параметры которых можно представить в виде таблиц (*прил. 1, 2*). С помощью уравнений вероятность наступления события (получение амбулаторно-поликлинической помощи) верно предсказана для 56,8% случаев в 2002 г., для 57,7% в 2004 г., 60,2% в 2007 г. и 57,3% в 2009 г. Добавление в два последних уравнения переменной транспортной доступности объектов инфраструктуры здравоохранения повышает долю верно предсказанных случаев до 60,4% (2007 г.) и 58,2% (2009 г.). Доли дисперсии, объясненные логистической регрессией, также не велики: 3,2%, 4,4%, 6,2% (6,9%) и 4,6% (6,1%) по годам соответственно. Хотя мы не можем в полной мере полагаться на эти уравнения для предсказания вероятности наступления оцениваемого события, мы можем измерить влияние на это выбранных факторов.

Доходный статус как фактор дифференциации вероятности получения амбулаторно-поликлинических услуг стал статистически значим к концу первого десятилетия 2000-х гг., причем его значимость увеличивалась планомерно в течение данного периода: респонденты из высшего квинтиля с вероятностью, большей примерно на 30%, чем бедные, получают такую медицинскую помощь. Фактически с помощью иных аналитических средств получен результат, аналогичный зафиксированному по динамике индекса концентрации (*рис. 4*): экономический статус постепенно становится значимым условием доступа к амбулаторно-поликлиническим услугам.

Одновременно увеличивается значимость различий, связанных с типом населенного пункта, в котором живет респондент: по сравнению с сельскими жителями горожане из областных центров и городов в 1,2–1,5 раза чаще посещают медицинских специалистов амбулаторно. При этом за 2002–2009 гг. значимость поселенческого фактора становится выше. Сокращение мощности амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности проявляется на микроуровне снижением вероятности для сельских жителей получить данный вид медицинских услуг. Транспортная доступность инфраструктуры здравоохранения, характеризующая территории не в разрезе городских/сельских поселений, а с точки зрения различий субъектов РФ, также оказывается статистически значимой. Если, согласно данным ОБДХ, свыше 10% домохозяйств на территории субъекта РФ находятся более чем в 30 минутах транспортной доступности до поликлиники для взрослых, вероятность получить амбулаторно-поликлиническое обслуживание ими на 32–38% ниже, чем если таких домохозяйств не более 2%.

Однако статистически наиболее значимой как предиктор для объяснения вероятности получения амбулаторно-поликлинических услуг является самооценка здоровья. То есть факта наличия каких-либо проблем со здоровьем в течение месяца перед опросом «недостаточно» для однозначного определения индивидуальной потребности в медицинской помощи. Возможно, эти недомогания «интерпретируются» с точки зрения общего состояния здоровья, которое отражено в его субъективных оценках. По сравнению с ситуацией, когда респондент считает свое здоровье совсем плохим, при остальных оценках вероятность обращения в амбулаторно-поликлинические учреждения снижается. Но с точки зрения вероятности этого события практически нет разницы между оценками здоровья как среднее и хорошее.

Наличие полиса ДМС также повышает вероятность обращения к медицинским специалистам при проблемах со здоровьем. Но обладание таким полисом не распространено широко: в подвыборке имевших проблемы со здоровьем в течение месяца перед опросом полис ДМС был у 3,1% в 2002 г. и у 3,5% в 2009 г. Поэтому статистическая значимость выявленных различий невысока.

Последняя гипотеза, которая проверялась с помощью уравнений логистической регрессии, заключалась в предположении, что время является ресурсом доступа к амбулаторно-поликлиническим услугам: индивиды с продолжительным рабочим временем реже обращаются к врачам при недомоганиях. Данные не позволяют однозначно подтвердить эту гипотезу. Дополнительного анализа требует тот факт, что в 2002 г. все занятые имели большую вероятность попасть на амбулаторный прием к врачу, чем неработающие. Тем не менее как о статистически значимом различии можно говорить лишь о том, что в 2007 и 2009 гг. те, кто занят по основному месту работы свыше 60 часов в неделю, получают такие медицинские услуги с вероятностью на 31–34% меньше, чем неработающие.

Большинство выявленных закономерностей воспроизводятся для подвыборки горожан (жители городов и поселков городского типа). Различия в вероятности получить амбулаторно-поликлиническое обслуживание именно среди них оказываются связанными с доходным статусом, наличием полиса ДМС, а также с самооценкой здоровья. В отношении вероятности обращения за амбулаторно-поликлиническими услугами сельскими жителями уравнения фиксируют незначимость доходных различий — сельские «бедные» и сельские «богатые» практически с одинаковой вероятностью получают такие услуги. Но если в 2007 г. статистически наиболее значимым предиктором была самооценка здоровья, то в 2009 г. влияние этой переменной в целом стало меньше, и только те, кто считает свое здоровье хорошим или очень хорошим, обращались к медицинским специалистам при проблемах со здоровьем реже, чем имеющие плохое здоровье. При этом более всего снижает вероятность получения амбулаторной медпомощи удаленность медицинских учреждений.

Итак, динамика индексов концентрации указывает на то, что в целом в России доступность медицинской помощи (по факту получения) практически одинакова для разных доходных групп, но в отношении амбулаторно-поликлинических услуг намечается тенденция воспроизводства доходного неравенства в неравенстве доступа к услуге. Это подтверждается сравнениями параметров регрессионных уравнений за несколько лет, включающих эконо-

мический статус в число независимых переменных, а получение амбулаторного обслуживания — в качестве зависимой. Также выявлено, что возрастает значимость территориальной близости медицинских учреждений как фактора получения медицинских услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение работы необходимо отметить два момента.

Во-первых, методология оценочных исследований, фиксирующих результативность и последствия институциональных преобразований на макро- и микроуровнях, еще только формируется не только в отечественной, но и зарубежной исследовательской практике. Реализация в России приоритетных национальных проектов с 2005 г. неявно выдвинула требование оценки социальных последствий этих реформ. Если говорить о здравоохранении как одной из сфер социального реформирования, макроуровневые последствия изменений заключаются в динамике медико-демографических показателей (смертности, заболеваемости населения), мезоуровневые — в изменении доступа различных социальных групп к услугам здравоохранения, микроуровневые — в трансформации здоровьесберегательного поведения населения. В работе реализована оценка на мезоуровне. Есть основания предполагать, что реструктуризация сети медицинских учреждений и ограничение государственных гарантий бесплатной медицинской помощи с неизбежным распространением платных медицинских услуг формируют тенденцию воспроизводства доходного неравенства в неравенстве доступа к медицинским услугам. Но стоит подчеркнуть, что эта тенденция только намечается и касается преимущественно амбулаторно-поликлинического обслуживания.

Во-вторых, важно понимание механизма «конвертации» экономического статуса в полученные медицинские услуги. На поверхности лежит предположение, что индивиды с более высокими доходами в состоянии оплатить медицинские услуги, так как государственные гарантии предоставления бесплатного медицинского обслуживания ограничены, а спектр платных постоянно расширяется. Но данные свидетельствуют, что до сих пор распространение практики оплаты медицинских услуг не сказывалось на численности их получателей. Если доля взрослых индивидов, плативших (каким-либо способом, не обязательно официально) за получение амбулаторно-поликлинических услуг, выросла с 4,7% в 1994 г. до 16,7% в 2009 г., то численность обратившихся за амбулаторно-поликлиническими услугами в это время составляла 39–42% (от числа испытывавших проблемы со здоровьем за 30 дней, предшествующих опросу). В принципе, «платность» медицинских услуг может как способствовать их получению, так и препятствовать. В первом случае индивиды платят именно за доступность того, что в иных условиях требует больших временных затрат, или за услуги тех медицинских специалистов, которых нет в бесплатном сегменте здравоохранения. Во втором случае отказ от медицинской услуги происходит именно из-за отсутствия средств на ее оплату. На имеющихся данных трудно дать корректную оценку тому, какая из тенденций является преобладающей в современной действительности. Но число плативших за полученные амбулаторно-поликлинические услуги практически не зависит от уровня жизни: так в 2009 г. из взрослых россиян платили, деньгами или

подарками, за визит к медицинскому специалисту из первого квинтиля по среднедушевому доходу 16,3%, из пятого — 18,5%, и это отличие не значимо статистически. Поэтому одним из направлений дальнейших исследований может быть как раз выявление механизма «конвертации» экономического статуса в доступ к медицинским услугам: в какой мере за этим стоят разные виды платежей — формальные и неформальные — и их размеры. Второе направление исследований — формирование (трансформация) здоровьесберегательного поведения россиян в течение последних десятилетий, то есть фиксация «поведенческого» отклика на институциональные преобразования в здравоохранении.

ЛИТЕРАТУРА

Антонова Н. Л. Качество медицинского обслуживания в системе обязательного медицинского страхования (на примере г. Екатеринбург) // SPERO. 2007. Осень — зима. № 7. С. 191–198.

Данные обследований бюджетов домашних хозяйств [Электронный ресурс]: сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.microdata.ru/>, свободный.

Здравоохранение в России. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

Рутцер Дж. Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева; вступ. статья Т. А. Дмитриева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011.

Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / отв. ред. С. В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах [Текст]: докл. к XII междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрушак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

Шишкин С. В. Стратегии трансформации государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи // SPERO. № 7 Осень — Зима 2007. С. 27–50.

Analyzing health equity using household survey data: a guide to techniques and their implementation / Owen O'Donnell, Eddy van Doorslaer, Adam Wagstaff, Magnus Lindelow. The World Bank, Washington, D.C. 2008.

Balsa A. I., Rossi M., Triunfo P. Horizontal inequity in access to health care in four South American cities / ECINEQ WP 2009–131. September 2009 // URL: www.ecineq.org. Дата обращения: 18.12.2011.

Wagstaff A. The Bounds of the Concentration Index When the Variable of Interest Is Binary, with an Application to Immunization Inequality // Health Economics. 2005. 14 (4): 429–432.

Wagstaff A., van Doorslaer E. Measuring and Testing for Inequity in the Delivery of Health Care // Journal of Human Resources. 2000. Vol. 35. № 4. P. 716–733.

Wagstaff A., van Doorslaer E., Paci P. On the Measurement of Horizontal Inequity in the Delivery of Health Care // Journal of Health Economics. 1991. Vol. 10. № 2. P. 169–205.

Приложение 1. Параметры уравнений логистической регрессионной модели для события «получение амбулаторно-поликлинических услуг в течение 30 дней, предшествующих опросу», в 2002-2009 гг.

Показатели	2002 г.				2004 г.			
	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)
Квинтильные группы по средне-душевому доходу:		2,962	0,564			4,806	0,308	
1 бедные*								
2	0,058	0,229	0,632	1,060	0,220	3,041	0,081	1,246
3	0,054	0,191	0,662	1,055	0,144	1,282	0,257	1,155
4	0,157	1,645	0,200	1,170	0,258	4,000	0,046	1,294
5 богатые	0,177	2,042	0,153	1,193	0,134	1,055	0,304	1,144
Тип населенного пункта:		20,911	0,000			16,745	0,001	
областной центр	0,379	14,356	0,000	1,460	0,335	10,883	0,001	1,398
город	0,151	1,888	0,169	1,163	0,101	0,773	0,379	1,106
ПГТ	-0,178	0,913	0,339	0,837	-0,208	1,064	0,302	0,812
село*								
Обычная продолжительность занятости на основном месте работы в течение месяца:		20,740	0,001			3,803	0,578	
не работает*								
до 39 часов	0,319	5,069	0,024	1,375	0,030	0,037	0,847	1,031
40 часов	0,455	16,249	0,000	1,576	0,158	1,652	0,199	1,171
41-59 часов	0,291	5,458	0,019	1,337	0,085	0,421	0,516	1,088
60 часов и более	0,161	0,725	0,394	1,174	-0,229	1,113	0,291	0,795
нет информации	0,633	2,564	0,109	1,883	0,233	0,468	0,494	1,263
Самооценка здоровья:		27,274	0,000			62,587	0,000	
очень хорошее, хорошее	-0,637	10,133	0,001	0,529	-0,941	19,727	0,000	0,390
среднее, не хорошее и не плохое	-0,663	18,276	0,000	0,515	-0,901	29,198	0,000	0,406
плохое	-0,308	3,806	0,051	0,735	-0,278	2,700	0,100	0,757
совсем плохое*								
Наличие полиса ДМС:		0,051	0,822			0,005	0,941	
да	-0,049	0,051	0,822	0,952	0,021	0,005	0,941	1,022
нет*								
Константа	-0,412	5,957	0,015	0,662	-0,079	0,199	0,656	0,924

Окончание приложения 1

Показатели	2007 г.				2009 г.			
	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)
Квинтильные группы по средне-душевому доходу:		6,900	0,141			15,385	0,004	
1 бедные*								
2	0,030	0,063	0,803	1,030	0,106	0,710	0,399	1,112
3	0,146	1,517	0,218	1,158	0,093	0,541	0,462	1,098
4	0,158	1,724	0,189	1,171	0,425	11,351	0,001	1,530
5 богатые	0,285	5,451	0,020	1,330	0,312	5,826	0,016	1,366
Тип населенного пункта:		17,592	0,001			27,536	0,000	
областной центр	0,297	9,832	0,002	1,346	0,401	15,652	0,000	1,494
город	0,234	5,090	0,024	1,263	0,496	19,729	0,000	1,642
ПГТ	-0,289	2,352	0,125	0,749	-0,105	0,272	0,602	0,900
село*								
Обычная продолжительность занятости на основном месте работы в течение месяца:		6,449	0,265			8,052	0,153	
не работает*								
до 39 часов	-0,079	0,306	0,580	0,924	0,153	1,175	0,278	1,166
40 часов	0,145	1,540	0,215	1,156	0,124	1,077	0,299	1,132
41-59 часов	0,051	0,180	0,672	1,053	-0,078	0,343	0,558	0,925
60 часов и более	-0,365	3,340	0,068	0,694	-0,414	3,421	0,064	0,661
нет информации	-0,079	0,062	0,803	0,924	0,406	1,122	0,290	1,501
Самооценка здоровья:		92,964	0,000			31,263	0,000	
очень хорошее, хорошее	-1,567	58,857	0,000	0,209	-0,729	10,922	0,001	0,482
среднее, не хорошее и не плохое	-1,377	68,454	0,000	0,252	-0,763	17,709	0,000	0,466
плохое	-0,854	25,953	0,000	0,426	-0,347	3,645	0,056	0,707
совсем плохое*								
Наличие полиса ДМС:		11,925	0,001			3,554	0,059	
да	0,572	11,925	0,001	1,772	0,398	3,554	0,059	1,489
нет*								
Константа	0,419	5,633	0,018	1,521	-0,238	1,512	0,219	0,788

Примечание. * Значения переменных, объявленные контрастными (референтными).

Приложение 2. Параметры уравнений логистической регрессионной модели для события «получение амбулаторно-поликлинических услуг в течение 30 дней, предшествующих опросу», в 2007-2009 гг., расширенный набор переменных

Показатели	2007 г.				2009 г.			
	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)	В-коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	Exp (B)
Квинтильные группы по среднедушевому доходу:		6,014	0,198			12,178	0,016	
1 бедные*								
2	0,044	0,137	0,711	1,045	0,087	0,469	0,493	1,091
3	0,171	2,055	0,152	1,187	0,095	0,554	0,457	1,100
4	0,167	1,906	0,167	1,182	0,382	9,042	0,003	1,465
5 богатые	0,266	4,682	0,030	1,304	0,281	4,651	0,031	1,324
Тип населенного пункта:		17,282	0,001			23,834	0,000	
областной центр	0,268	7,706	0,006	1,308	0,384	14,053	0,000	1,468
город	0,306	8,268	0,004	1,358	0,491	19,123	0,000	1,634
ПГТ	-0,261	1,863	0,172	0,770	0,001	0,000	0,994	1,001
село*								
Обычная продолжительность занятости на основном месте работы в течение месяца:		6,932	0,226			7,303	0,199	
не работает*								
до 39 часов	-0,105	0,531	0,466	0,901	0,140	0,962	0,327	1,150
40 часов	0,156	1,770	0,183	1,169	0,122	1,029	0,310	1,130
41-59 часов	0,035	0,082	0,774	1,035	-0,084	0,400	0,527	0,919
60 часов и более	-0,366	3,348	0,067	0,693	-0,398	3,130	0,077	0,672
нет информации	-0,080	0,064	0,800	0,923	0,367	0,905	0,342	1,443
Самооценка здоровья:		93,460	0,000			36,393	0,000	
очень хорошее, хорошее	-1,554	57,382	0,000	0,211	-0,839	14,146	0,000	0,432
среднее, не хорошее и не плохое	-1,387	68,486	0,000	0,250	-0,849	21,423	0,000	0,428
плохое	-0,847	25,243	0,000	0,429	-0,406	4,887	0,027	0,666
совсем плохое*								
Наличие полиса ДМС:		9,288	0,002			3,154	0,076	
да	0,508	9,288	0,002	1,662	0,378	3,154	0,076	1,459
нет*								
Доля домохозяйств в субъекте РФ, для которых ближайшая поликлиника для взрослых находится в более чем 30 минутах транспортной доступности:		19,423	0,000			30,750	0,000	
до 2%*								
2,1-5,0%	-0,125	1,088	0,297	0,883	0,075	0,543	0,461	1,077
5,1-10,0%	-0,365	10,295	0,001	0,694	-0,028	0,048	0,826	0,972
10,1% и выше	-0,385	16,423	0,000	0,680	-0,479	19,849	0,000	0,620
Константа	0,649	11,974	0,001	1,914	-0,030	0,021	0,885	0,971

Примечание. * Значения переменных, объявленные контрастными (референтными).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ОКРУГОВ ПО УРОВНЮ ЗДОРОВЬЯ И СОЦИАЛЬНЫМ ПОТРЕБНОСТЯМ¹

Беллис М.А. (а), Джарман Я. (б), Даунинг Дж. (а), Перкинс К. (а), Бейнон К. (а), Хафс К. (а), Лисбоа П. (б)

(а). Центр общественного здоровья, Ливерпульский университет им. Джона Мурса, Великобритания

(б). Центр компьютерных и математических наук, Ливерпульский университет им. Джона Мурса, Великобритания

Разработка программ, содействующих улучшению здоровья населения, требует понимания не только взаимосвязи между различными показателями здоровья, но и того, как они соотносятся с более широкими вопросами образования, уголовным судопроизводством и другими социально значимыми проблемами. Для того чтобы способствовать информационному обеспечению политики, необходимы методы, позволяющие лучше использовать междисциплинарные данные. Применяв кластерный анализ к 30 переменным здоровья и социального благополучия, мы выделили 5 типов административных единиц, причем плохие показатели по большинству переменных оказались сконцентрированы в одном кластере. Основные различия кластеров проявлялись в значениях следующих переменных: детская бедность, кормление грудью, детский кариес, подростковая беременность, здоровое питание, психические заболевания и смертность от туберкулеза и курения. В кластер с наихудшими показателями в 63% попала территория Северной Англии, население которой в генеральной совокупности составляет 15,7% (n=324). Концентрация проблем в определенных областях создает неравномерную нагрузку, которая может превосходить кумулятивный эффект индивидуальных проблем. Такие различия кластеров по здоровью поднимают вопрос о возможности применения одних и тех же эффективных социальных политик в регионах, относящихся к разным кластерам.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Различие в уровнях состояния здоровья населения между странами и внутри стран является не только результатом бедности и сильной дифференциации по степени доступа к медицинским услугам. Это также связано со структурным неравенством, влияющим на условия, в которых люди живут и работают [Murray et al., 2007; Commission on Social Determinants of Health, 2008; Department of Health, 2009; Marmot, 2005, 2010]. Развитые страны обладают более богатым опытом борьбы с плохим состоянием здоровья и больше стремятся к повышению продолжительности жизни, чем развивающиеся, которым тяжело справиться с различными факторами, такими как социальная исключенность, плохое обеспечение питанием, неразвитость транспорта

¹ Перевод статьи Bellis M. A., et al. Using clustering techniques to identify localities with multiple health and social needs. Health & Place (2011), doi:10.1016/j.healthplace.2011.08.003. Научный редактор перевода — Синявская О. В., к.э.н., заместитель директора НИСП.

и отсутствие политики в области занятости [Wilkinson и Marmot, 2003]. Таким образом, состояние здоровья населения должно волновать лиц, принимающих политические решения в различных областях, а не только тех, кто работает в области здравоохранения [Marmot, 2005]. В дополнение к данным, описывающим плохое состояние здоровья, специалисты, работающие в сфере здравоохранения и политики, в настоящее время часто используют данные о поведении населения, состоянии окружающей среды, экономической ситуации, образовании и даже данные правоохранительных органов [Stachenko, 2008; Bellis et al., 2005; Rutherford et al., 2007]. Исторически сложилось так, что для определения мер по предотвращению таких явлений как ожирение, психические отклонения, беременность в подростковом возрасте, уровень преступности и снижение продолжительности жизни, эти данные изучаются по отдельности. Однако более поздние работы рассматривают их взаимосвязь [Felitti et al., 1998; Harden et al., 2009; Hillis et al., 2010; Duarte et al., 2010; Weiler et al., 2010; Barton and Pretty, 2010]. Именно сочетание этих факторов влияет на благосостояние сообществ, порождая различные медицинские и социальные проблемы и препятствуя эффективности возможных вмешательств (например, меры, побуждающие жителей к частым прогулкам и другим упражнениям на свежем воздухе, в районах с высоким уровнем преступности и насилия работать не будут) [Bellis et al., 2008].

В то время как необходимость основывать политические изменения на результатах научных исследований не вызывает сомнений, растущее количество социальных индикаторов и показателей здоровья требует интегрированного подхода к их анализу и интерпретации, привносящего скорее понимание, нежели дополнительную сложность в локальные стратегии в области здравоохранения. Взаимосвязи между различными показателями должны выявлять связи между целями различных стейкхолдеров и тем самым информационно содействовать совместной работе. Кроме того, можно выделить различные районы в зависимости от профиля здоровья, одним из которых необходимо внешнее вмешательство для устранения проблем, а другие могут справиться сами, перенимая определенные стратегии и активно взаимодействуя между собой. Примерами таких стратегий на международном уровне являются: использование межсекторальных данных для определения наиболее отсталых стран [Klugman, 2010]; использование метода кластерного анализа в субнациональных регионах Европейского Союза [I2SARE, 2010] для выявления районов со схожими уровнями состояния здоровья; кластеризация малочисленных популяций внутри страны в преимущественно социально-экономических целях [Office for National Statistics, 2001; Vickers and Rees, 2007]. Подобный метод использовался для сравнения и выявления связей между аналогичными районами в рамках судебной реформы [Association of Police Authorities, 2006].

В 2005 г. Ассоциация исследований здравоохранения (по заказу Министерства здравоохранения Англии) подготовила набор показателей здоровья в нескольких районах Англии [Association of Public Health Observatories, 2006]. Этому предшествовал процесс систематизации, направленный на выявление как значимых баз данных, относящихся к здравоохранению и здоровью населения, так и такой информации, которая может быть собрана с надлежащим качеством и регулярностью на местном административном уровне. Доступные в форме единичных профилей здоровья для каждой административной

единицы ($n=324$), последние (на 2010 г.) результаты этой работы включают 31 переменную, каждая из которых рассчитана в соответствии с методиками надлежащего качества, находящимися в открытом доступе и прошедшими экспертизу. Показатели включают информацию о рисках для здоровья и мерах по его поддержанию, заболеваемости и смертности, об образовании, экономике и окружающей среде [Department of Health and the Association of Public Health Observatories, 2010]. Стандартные методы кластерного анализа являются объективной методологией для комбинирования показателей здравоохранения с целью лучшей идентификации отдельных групп районов с похожими профилями здоровья населения и для установления связей между трендами каждого показателя, которые могут быть визуализированы по когортам [Friedman and Rubin, 1967; Lisboa et al., 2008]. В работе авторами применяется уже известный метод К-средних² на системе показателей здоровья, рассчитанных для профилей административных единиц 2010 г., с тем, чтобы выявить, насколько по-разному ряд факторов влияет на жизнь людей в различных районах Англии; определяется, как распределение по кластерам соотносится с каждым показателем здоровья и с независимо созданными переменными неравенства (располагаемый доход и депривация); наконец, обсуждаются преимущества использования такого подхода в разработке национальной политики и межведомственной деятельности на местном уровне.

МЕТОДЫ

Вся информация о подсчете, выборке и качестве моделей, используемых для создания профилей здоровья, подробно изложена в других источниках [Department of Health and the Association of Public Health Observatories, 2010]. Для создания профилей из 31 переменной здоровья не использовался только индекс множественной депривации, так как это составной показатель, который содержит внутри себя индексы и показатели других профилей. Все значения переменных профилей здоровья были проанализированы на предмет пропущенных значений и пригодности для проведения кластерного анализа. Во всем массиве было обнаружено пять переменных с пропущенными данными: о курении во время беременности [8,6%], о кормлении грудью [6,8%], о наличии постоянного места проживания [6,5%], о болезнях зубов у детей [4,3%] и о случаях заболевания туберкулезом [1,2%]. В каждую пропущенную ячейку были добавлены медианные значения.

Данные по каждому показателю были перенесены на одну шкалу (от 0 до 100), так чтобы ни один индикатор не доминировал в процессе кластеризации. Затем стандартизованные значения анализировались методом К-средних. На первом этапе кластеризации случайным образом генерируется небольшое количество кластерных центров с определенными значениями (т.е. координатами) для каждой используемой переменной из данных профилей здоровья.

² Кластеризация методом К-средних предполагает распределение N наблюдений по K кластерам (число K задается в начале процедуры) таким образом, чтобы каждое наблюдение попало в кластер с ближайшей средней. Данный метод часто применяется, когда исследователь уже имеет некоторые гипотезы относительно числа кластеров и хочет получить кластеры, максимально отличные друг от друга. Счетные процедуры, используемые в данном методе, позволяют применять его в том числе при большом количестве наблюдений. *Примеч. науч. ред.*

Затем все административные единицы были отнесены к ближайшему кластерному центру, который, в свою очередь, был переопределен как среднее значение для каждой переменной профиля здоровья в административных единицах, попавших в этот кластер. Повторная кластеризация проводилась до тех пор, пока все точки не были распределены вокруг обновленного кластерного центра, а затем значения центральной точки снова пересчитывались. Процесс прекращается, когда достигается точка, в которой никаких изменений больше не происходит. Путем аналогичного повторения всего процесса, начиная с широкого диапазона различных переменных и различных заданных значений кластерных центров, были определены наиболее устойчивые (робастные) кластерные модели, характеризующиеся наибольшей дифференциацией между кластерами [Bassiu et al., 2009]. Для кластеризации использовались программы SPSS (версия 17.0.0, SPSS, 2008) и MATLAB (версия 7.8.0 R2009a; MATLAB, 2009) 64bit.

Различия в показателях были измерены при помощи расчета медианных тестов для всех кластеров. Для визуализации модели данные представлены в виде диаграммы рассеяния. Здесь оси X и Y (обозначенные как «главные разделяющие оси») представляют собой комбинацию перешкалированных переменных профилей здоровья, использованных в процессе кластеризации. Данная система координат сопоставима с методом главных компонент [Jolliffe, 2002]. Однако здесь главные разделяющие оси отбираются по принципу максимального различия между кластерами, с целью демонстрации их отличия в двумерном пространстве [Lisboa et al., 2008]. Для того, чтобы определить стабильность принадлежности административных единиц к кластерам (анализ чувствительности), был проведен повторный кластерный анализ на подвыборке переменных профиля здоровья и проанализирован вклад каждой переменной профиля здоровья в каждую главную разделяющую ось и, соответственно, в разделение кластеров.

Индекс множественной депривации впоследствии был использован в анализе после завершения кластеризации с тем, чтобы выявить связь этого показателя с критериями разделения на кластеры. Для этих же целей использовался валовый располагаемый доход домохозяйства. Информация о валовом располагаемом доходе домохозяйства представлена в «Номенклатуре территориальных единиц» (NUTS) по Англии для уровня 3, определенного как округа (графства) или группы округов унитарной системы местного самоуправления; n=92 [Office for National Statistics, 2009]. Медианный валовый располагаемый доход домохозяйства для региона уровня 3 (NUTS3) был использован для каждого муниципалитета, входящего в этот регион. Индекс множественной депривации и валовый располагаемый доход домохозяйства были выбраны для анализа кластеров в качестве устойчивых сводного и дискретного показателей неравенства соответственно. Данные также были представлены графически с использованием границ административных единиц и регионов, а также в виде шестиугольных графиков, площадь которых соотносится с численностью той или иной административной единицы. Например, Бирмингем был представлен 11 шестиугольниками, в то время как Рутланд, менее крупный район, был репрезентирован половиной шестиугольника [Map 1a, b; Thomas and Dorling, 2004]. Для каждого муниципалитета данные о численности населения и национальном составе были определены в соответствии с данными

Управления национальной статистики [Office for National Statistics, 2008; Office for National Statistics, 2011].

РЕЗУЛЬТАТЫ

На *рисунке 1* представлена двухмерная визуализация кластеров (C1–C5), где каждая административная единица нанесена на прямоугольную систему координат согласно значениям двух составных показателей профилей здоровья, рассчитанных таким образом, чтобы показать максимальное отличие кластеров друг от друга (см. раздел «Методы»). На этой диаграмме рассеяния все кластеры разделены по первой главной разделяющей оси (PSA1). Кластеры с 1 по 5 представляют 11,3, 12,3, 11,5, 5,3 и 10,7 млн чел. соответственно (на середину 2008 г.) [Office for National Statistics, 2008].

Корреляция всех измерений с PSA1 (*рис. 1*) представлена в *таблице*. Переменные, отражающие данные по смертности от курения, по беременности в подростковом возрасте, ожидаемой продолжительности жизни для мужчин и женщин, по ранней смертности от болезней сердца и инсульта, по выплате пособий в связи с потерей трудоспособности из-за психических заболеваний, по уровню детской бедности, преждевременной смерти от рака и по часто курящим взрослым, сильно коррелируют с осью PSA ($R > 0,8$ или $R_o = -0,8$). Каждое значение для административной единицы на оси PSA1 также коррелирует с показателями неравенства, с индексом множественной депривации ($R = -0,85$, $R < 0,001$) и с валовым располагаемым доходом домашних хозяйств ($R = 0,65$; $P < 0,001$). Ось PSA2 главным образом отделяет кластер C4, в котором 95,5% (21 из 22) административных единиц базируется в Лондоне (*рис. 2a*).

Рассмотрение профилей здоровья в координатах PSA1 и PSA2 позволило выделить следующие переменные, вносящие основной вклад в разделение осей (т.е. переменные профиля здоровья с наибольшей нагрузкой в абсолютных значениях по оси PSA1 или PSA2): уровень детской бедности, грудное вскармливание, детский кариес, подростковая беременность, правильно питающиеся взрослые, психические заболевания, новые случаи заболеваемости туберкулезом и смертность от курения. При повторении кластеризации для данного набора переменных только 12,35% территорий меняют принадлежность к кластеру. Исключение возрастающей доли из подвыборки указанных переменных постепенно изменяет результаты кластеризации.

В *таблице* представлены медианы и квартильные ранги, приписанные к каждой переменной в кластере и отсортированные по убыванию — от наилучших к наихудшим показателям благополучия. Каждый цвет в таблице означает кластер; наилучшие значения переменных 1–12 наблюдаются в 1-м кластере, в то время как наилучшее значение 13-й переменной (здоровое питание) находится в 4-м кластере и т.п. Уровень значимости различий медианных значений всех кластеров высокий для всех переменных ($P < 0,001$), за исключением физической активности детей ($P = 0,078$). Большинство показателей имеет наилучшие значения в первом кластере (наиболее богатом) и наихудшие — в пятом кластере (наиболее депривированном). Так, в 5-м кластере были самые низкие средние значения по 20 переменным, а в 1-м — лучшие значения по 19 переменным. Четвертый кластер (представленный в основном Лондоном) является своего рода аномалией, поскольку, несмотря

Таблица 1. Значения кластерных центров (медиан) по переменным, отсортированным от наилучших к наихудшим значениям, и значения коэффициентов корреляции с осью PSA1.

№	Название переменной	R (PSA1)	Наилучшее значение	>	Медианное значение	>	Наихудшее значение
1	Количество смертей от курения	-0,925	151,9 (140,5-163,8)	182,9 (169,5-193,1)	219,1 (185,6-257,2)	227,0 (216,1-238,3)	281,3 (260,4-301,0)
2	Подростковая беременность (до 18 лет)	-0,921	23,8 (21,0-28,0)	35,1 (33,3-38,5)	46,3 (41,5-50,4)	48,0 (40,3-59,2)	53,9 (49,0-58,4)
3	Ожидаемая продолжительность жизни (мужчин)	0,908	79,9 (79,3-80,4)	78,8 (78,4-79,3)	77,5 (75,9-78,7)	77,2 (76,8-77,7)	75,7 (75,3-76,2)
4	Преждевременная смертность (болезни сердца, инсульты)	-0,889	55,9 (51,3-59,8)	65,4 (59,8-70,4)	79,7 (75,3-85,9)	90,1 (82,0-100,1)	97,0 (89,7-105,9)
5	Выплаты по инвалидности психически больным	-0,876	15,2 (13,4-17,6)	21,9 (17,9-25,6)	28,9 (25,1-35,7)	29,5 (24,1-33,0)	40,7 (34,6-47,7)
6	Детская бедность	-0,866	10,8 (8,9-12,6)	15,7 (13,3-18,1)	21,9 (19,2-24,5)	29,6 (24,7-33,3)	38,7 (31,3-44,9)
7	Преждевременная смертность (онкология)	-0,857	98,5 (94,6-103,4)	108,1 (104,1-112,9)	113,1 (106,1-127,4)	119,7 (115,7-123,4)	134,5 (127,4-143,8)
8	Количество курящих (взрослых)	-0,845	16,7 (15,3-18,4)	20,5 (18,8-22,1)	21,8 (18,6-27,0)	24,4 (22,4-26,5)	28,0 (26,0-29,9)
9	Ожидаемая продолжительность жизни (женщин)	0,838	83,5 (83,1-83,9)	82,5 (82,0-83,1)	82,3 (81,2-83,1)	81,5 (81,0-82,0)	80,1 (79,6-80,6)
10	Число дней пребывания в больнице по причинам, связанным с употреблением алкоголя	-0,791	1167,2 (1004,8-1334,2)	1339,9 (1218,0-1523,3)	1596,5 (1466,2-1852,9)	1766,1 (1444,4-1897,0)	2113,7 (1904,3-2388,3)
11	Преступления, связанные с применением насилия	-0,687	9,2 (7,6-12,2)	12,8 (10,6-15,2)	17,1 (14,9-21,7)	18,1 (14,8-23,0)	27,1 (23,9-30,7)
12	Результаты выпускных экзаменов в средней школе ³	0,671	58,3 (54,9-62,6)	52,0 (46,8-54,6)	50,3 (47,7-55,3)	46,4 (43,0-51,7)	44,9 (41,0-47,9)
13	Здоровое питание у взрослых	0,670	36,9 (33,6-39,3)	32,0 (29,7-33,6)	29,6 (27,9-31,6)	25,4 (23,7-27,8)	22,5 (21,1-24,5)
14	Детский кариес (у детей до 5 лет)	-0,659	0,7 (0,5-0,9)	0,9 (0,7-1,1)	1,1 (0,8-1,4)	1,2 (1,0-1,8)	1,7 (1,4-1,9)
15	Младенческая смертность	-0,623	3,3 (2,4-4,2)	4,4 (3,5-4,9)	5,0 (4,2-5,7)	5,1 (4,0-5,8)	5,8 (5,0-6,4)
16	Дети с ожирением	-0,617	7,6 (6,8-8,5)	9,1 (8,3-9,8)	9,5 (8,8-10,6)	10,2 (9,2-11,5)	12,1 (11,3-13,3)

³ Имеются в виду результаты тестирования по различным предметам на получение Общего сертификата среднего образования (General Certificate of Secondary Education — GCSE), которое традиционно проводится среди школьников 14–16 лет в Англии. Результаты тестирования не ниже определенного уровня — часто необходимое условие для продолжения образования. Например, ведущие университеты Великобритании ожидают от поступающих оценок на уровне А или А* по большинству сданных ими предметов. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/General_Certificate_of_Secondary_Education. *Примеч. науч. ред.*

Окончание таблицы 1

№	Название переменной	R (PSA1)	Наилучшее значение	>	Медианное значение	>	Наихудшее значение
17	Люди, у которых диагностирован диабет	-0,608	3,7 (3,5-4,0)	4,2 (4,0-4,6)	4,4 (4,1-4,7)	4,5 (3,9-5,1)	4,7 (4,3-5,0)
18	Физически активные взрослые	0,564	13,0 (11,7-14,2)	11,2 (10,3-12,4)	10,5 (9,5-11,8)	10,3 (9,4-11,0)	9,2 (7,4-11,1)
19	Взрослые с ожирением	-0,523	21,2 (18,4-23,4)	22,5 (20,5-23,5)	24,8 (23,2-26,1)	25,4 (23,6-27,3)	26,8 (25,1-28,4)
20	Грудное вскармливание	0,475	88,0 (83,8-90,6)	76,1 (73,3-79,9)	73,4 (71,7-76,5)	71,9 (66,3-74,3)	59,7 (54,1-67,3)
21	Случаи заболевания злокачественной меланомой	0,416	5,5 (4,4-7,4)	10,3 (8,6-11,8)	12,4 (10,7-14,2)	13,6 (10,8-15,7)	14,8 (11,7-18,4)
22	Новые случаи заболеваний туберкулезом	-0,414	3,5 (2,5-6,0)	4,8 (2,7-8,3)	6,5 (4,1-12,1)	9,8 (4,0-23,9)	50,8 (38,3-62,2)
23	Курение во время беременности	-0,408	6,9 (5,1-8,9)	13,3 (8,8-5,1)	15,0 (13,1-17,5)	15,4 (14,0-18,3)	20,8 (18,3-24,5)
24	Травмы и смертельные случаи в результате дорожно-транспортных происшествий	0,391	41,8 (36,6-51,7)	43,7 (35,2-56,6)	47,6 (42,5-58,3)	52,7 (40,9-60,9)	60,3 (48,1-75,3)
25	Узаконенная бездомность	-0,376	1,3 (0,6-1,7)	1,7 (1,1-2,2)	2,0 (1,4-3,0)	2,0 (1,0-3,8)	3,9 (2,7-4,7)
26	Пьянство среди взрослых	-0,327	14,1 (10,5-19,6)	18,3 (16,5-20,8)	18,7 (16,0-21,5)	20,9 (18,8-23,0)	24,4 (20,4-27,3)
27	Случаи перелома шейки бедра после 65 лет	-0,264	438,5 (409,0-476,1)	449,8 (415,0-487,7)	462,9 (427,0-514,4)	487,5 (460,2-526,1)	523,8 (489,4-549,4)
28	Выбросы углекислого газа	0,246	5,4 (4,7-6,3)	6,1 (5,6-7,5)	6,6 (6,1-7,4)	6,9 (6,0-8,1)	7,3 (6,2-8,3)
29	Физически активные дети	0,157	51,30 (46,2-56,3)	51,25 (46,6-56,9)	48,9 (43,9-55,4)	48,5 (43,7-55,8)	48,4 (45,0-52,8)
30	Повышенная смертность в зимнее время года	0,147	13,7 (11,9-17,6)	14,2 (11,6-16,7)	15,5 (12,4-18,3)	16,3 (12,7-18,9)	16,3 (13,2-19,3)

□ Кластер 1 □ Кластер 2 ■ Кластер 3 ■ Кластер 4 ■ Кластер 5

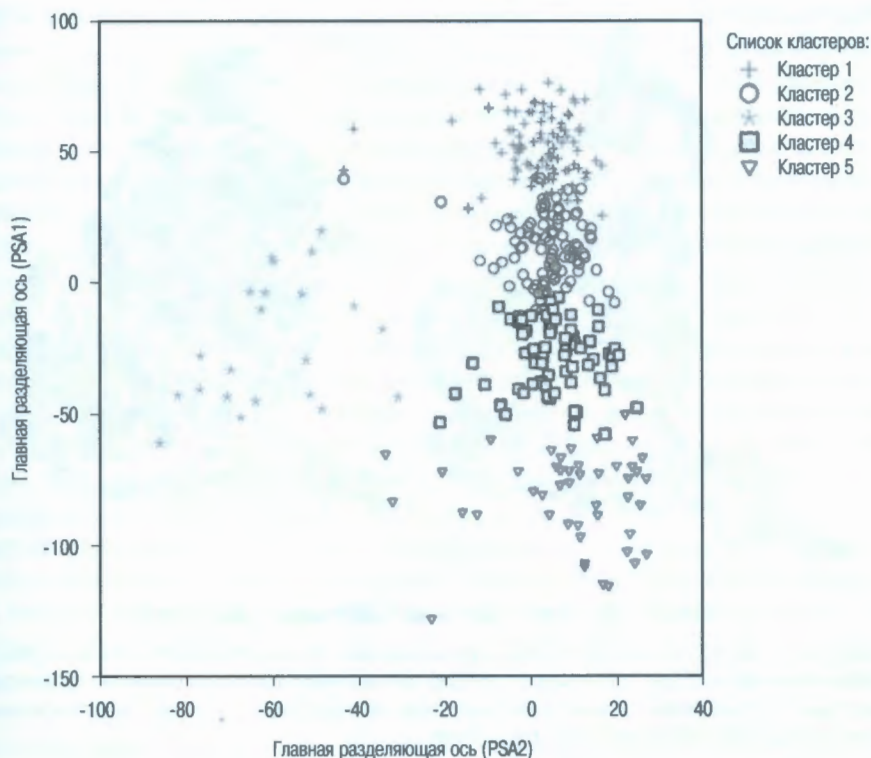
Примечания:

1. Смертельные исходы, связанные с курением среди населения от 35 лет и старше; стандартизация по возрасту; 2006–2008 гг.
2. Число случаев беременности в возрасте до 18 лет на 1 тыс. женщин 15–17 лет; 2006–2008 гг.
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин; число лет; все возрасты; 2006–2008 гг.
4. Смертельные исходы, связанные со всеми болезнями системы кровообращения на 100 тыс. чел. населения до 75 лет; стандартизация по возрасту; 2006–2008 гг.
5. Получающие пособия (пенсии) по потере трудоспособности из-за психических заболеваний на 1 тыс. человек населения трудоспособного возраста; 2008 г.
6. Процент детей, живущих в семьях, получающих пособия по бедности (один из «Индексов депривации 2007»).
7. Количество смертей от раковых заболеваний всех видов на 100 тыс. чел. населения в возрасте до 75 лет; стандартизация по возрасту; 2006–2008 гг.

8. Процент курения среди взрослых; сгенерированные оценки по данным «Медицинского обследования населения Англии»; 2006–2008 гг.
9. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для женщин; число лет; все возрасты; 2006–2008 гг.
10. Численность людей, попавших в больницу из-за употребления алкоголя на 100 тыс. чел. населения; стандартизация по полу и возрасту; 2008–2009 гг.
11. Зарегистрированные случаи насилия и преступлений против личности на 1 тыс. чел. населения, 2008–2009 гг.
12. Число учащихся, сдавших 5 и более экзаменов на оценки А, В или С по окончании первой ступени среднего образования (GCSE), в том числе по математике и английскому языку; в процентах на момент окончания продвинутого уровня (два последних года обучения, включая время экзаменов), по данным Местного управления образования; 2008–2009 гг.
13. Доля взрослых людей, которые употребляют здоровую пищу; сгенерированные оценки по данным «Медицинского обследования населения Англии»; 2006–2008 гг.
14. Среднее количество поврежденных кариесом или выпавших из-за кариеса зубов у детей в возрасте 5 лет; 2007–2008 гг.
15. Число умерших младенцев на 1 тыс. живорожденных; 2006–2008 гг.
16. Процент школьников, страдающих ожирением; на момент приема в 2008–2009 гг.
17. Процент людей с диагнозом «диабет», учтенных в реестре медицинских работников; 2008–2009 гг.
18. Доля физически активного населения в возрасте 16 лет и старше; 2006–2008 гг.
19. Процент взрослого населения, страдающего ожирением; сгенерированные оценки, по данным «Медицинского обследования населения Англии»; 2007–2008 гг.
20. Доля матерей, кормящих грудью, где это было возможно выявить; 2007–2008 гг.
21. Стандартизованный коэффициент заболеваемости меланомой на 100 тыс. чел. населения в возрасте до 75 лет; 2004–2006 гг.
22. Число новых случаев заболевания туберкулезом на 100 тыс. человек населения; 2006–2008 гг.
23. Число матерей, куривших во время беременности, где это было возможно выявить; 2008–2009 гг.
24. Число людей, погибших или сильно пострадавших в автокатастрофах на 100 тыс. чел. населения; 2006–2008 гг.
25. Официальное число индивидуумов и семей без определенного места жительства (бездомных) на 1 тыс. домохозяйств; 2008–2009 гг.
26. Процент пьющих среди взрослого населения; сгенерированные оценки по данным «Медицинского обследования населения Англии»; 2007–2008 гг.
27. Число случаев перелома тазобедренного сустава на 100 тыс. чел., попавших в больницу; стандартизация по возрасту; 2008–2009 гг.
28. Доля выбросов углекислого газа на душу населения; 2007 г.
29. Процент учащихся 1–13 классов, которые, по меньшей мере, 3 часа в неделю занимаются физкультурой; 2008–2009 гг.
30. Отношение числа смертей в зимнее время года (наблюдаемая смертность в зимнее время года минус предполагаемая смертность, не учитывающая смертность в зимнее время года) к предполагаемой общей смертности за период 01.08.2005 г.— 31.07.2008 г. R (PSA1) — коэффициент ранговой корреляции Спирмена по каждому замеру с осью PSA 1.

на показатели депривации выше среднего, он демонстрирует лучшие медианные значения для девяти показателей здоровья населения (кормление грудью, ожирение среди взрослых и смертность в зимнее время года) и худшие — для пяти показателей (включая, например, преступления, связанные с применением насилия, и уровень детской бедности). Четвертый кластер также отличается разнообразным этническим составом (процент белых людей с 1-го по 5-й кластер — 92,6%, 93,0%, 91,3%, 64,5% и 86,6% соответственно,

Рисунок 1. Двумерная визуализация кластеров профилей здоровья.
Распределение профилей здоровья
в координатах главных разделяющих осей PSA1 и PSA2

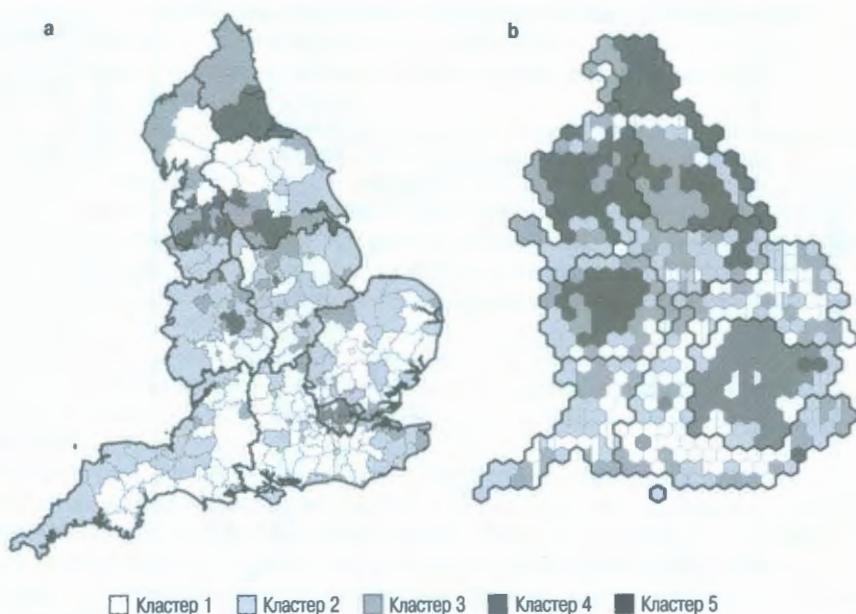
Примечание. В кластерный анализ были включены все административные единицы, по которым были разработаны профили здоровья (N=324). Профили здоровья не были разработаны для Лондонского Сити и архипелага Силли.

в середине 2007 г.). На долю северо-западных и северо-восточных территорий приходится 63% административных единиц, попавших в пятый кластер, с наихудшими показателями, и лишь 15,7% всех административных единиц Англии, включенных в профили здоровья. В то же время восточные и юго-восточные территории Англии составляют 35,2% всех административных единиц и 58,2%, включенных в 1-й кластер с наилучшими показателями здоровья населения (*кластер 1, рис. 1*).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Применив кластерный анализ методом К-средних, мы распределили административные территории по пяти различным кластерам, отражающим состояние здоровья населения и здравоохранения. Несмотря на большое количество использованных переменных, подавляющее большинство из них тесно связано с единственной разделяющей осью (PSA1, *рис. 1*), демонстрируя сильные взаимосвязи между переменными. Выявление тесной взаимосвязи между различными показателями здоровья не является чем-то новым [Bellis et

Рисунок 2. Распределение кластеров профилей здоровья на карте по (а) стандартному географическому принципу, по (б) шестиугольникам численности населения

Примечание. Толстой линией обозначены региональные границы, тонкой — границы округов под началом местных органов власти. Шестиугольники населения изменяют размеры округов и представляют административные единицы в шестиугольниках в соответствии с численностью проживающего в них населения.

Источник: Thomas and Dorling, 2004.

al., 2011; Schuit et al., 2002; Poulton et al., 2002]. Тем не менее тот факт, что столь широкий набор показателей может быть использован при анализе географии общественного здоровья, еще раз подчеркивает необходимость применения междисциплинарного подхода к изучению здоровья и благополучия, особенно в тех районах, где больше всего проблем в области здравоохранения (например, в 5-м кластере). Более того, то, что агрегированные показатели здравоохранения явно коррелируют с индексом множественной депривации и даже с одиночным показателем благосостояния (валовой располагаемый доход домохозяйств), способствует увеличению внимания к проблемам неравенства и необходимости обращения к базовым детерминантам плохого состояния здоровья населения на национальном и международном уровнях [Commission on Social Determinants of Health, 2008; Department of Health, 2010a; Marmot, 2010].

Отличия 4-го кластера от всех остальных подтверждают результаты предыдущих исследований, где при помощи метода кластерного анализа различные области Великобритании были классифицированы по состоянию окружающей среды. В них также был выделен отдельный кластер, в который была включена значительная часть Лондона [Richardson et al., 2010; Shortt et al., 2011]. В целом эти данные свидетельствуют: об уникальном сочетании вызовов в сфере здравоохранения и экологии, с которыми сталкиваются все

мультикультурные мегаполисы (численность населения которых превышает 10 млн чел.); о необходимости специальных индивидуальных решений в данных обстоятельствах; о потенциальной опасности экстраполяции решений, примененных в этих городах, в другие условия. В самом деле, необходимость выявить и описать районы Лондона как демографически и экономически различные объекты возникла за рамками исследований здравоохранения [Vickers and Rees, 2007]. В то же время, однако, наиболее депривированные северо-западные и северо-восточные территории, свыше 60% которых попадают в 5-й кластер [с наихудшими показателями — Ред.], также сталкиваются с уникальным сочетанием проблем в сфере здравоохранения. Результаты исследования выявили, что в таких районах состояние здоровья очень плохое с самых ранних лет и в течение всей жизни человека. Это начинается с курения во время беременности, низких показателей грудного вскармливания и раннего развития кариеса, продолжается плохой успеваемостью в школе, подростковыми беременностями, и уже во взрослом возрасте человек страдает от ожирения, курения, алкоголизма, ухудшения здоровья, включая психическое, что в итоге приводит к ранней смерти. Отсюда следует, что преобразования в области улучшения здоровья необходимо осуществлять на всех этапах жизни человека [Lynch and Davey Smith, 2005; Braveman and Barclay, 2009; Department of Health, 2010a]. Возможности ребенка в последующей жизни во многом обусловлены средой, в которой он вырос (например, школой, наличием рабочих мест и доступного жилья) [Dorling et al., 2001]. Действительно, все больше появляется свидетельств того, что источники большинства проблем со здоровьем во взрослом возрасте коренятся в плохих социальных и экологических условиях детства, например, столкновение с жестоким обращением и безнадзорностью в детстве приводит к антисоциальному поведению и более высоким рискам алкогольной или наркотической зависимости, депрессии и даже развития онкологии [Felitti et al., 1998; Anda et al., 2006].

На индивидуальном уровне взаимосвязь бедности с каждым показателем профиля здоровья хорошо изучена, но их взаимоусиливающее влияние на протяжении всей жизни и комплексное взаимодействие между всеми показателями понимается плохо. Тем не менее политика по оздоровлению взрослых и детей путем побуждения населения к регулярной физической активности наталкивается на барьер высокого уровня преступности, вынуждающей людей оставаться дома [Bellis et al., 2008]. Ограниченный доступ к медицинской информации обусловлен низким уровнем грамотности [Sanders et al., 2009], а усилия по улучшению родительского ухода за детьми зависят от плохого здоровья родителей [Waylen and Stewart-Brown, 2010]. Даже восстановление человека после болезней, таких как, например, рак, неизбежно осложняется общим состоянием здоровья пациента и той общественной и семейной поддержкой, на которую он может рассчитывать [Falagas et al., 2007; Kroenke et al., 2006; Woods et al., 2006]. В результате при одновременном комплексном воздействии факторов состояние здоровья населения гораздо хуже, чем в случае влияния отдельных из них, поскольку способности людей и сообществ преодолевать недостаточное благосостояние оказываются сломлены. Следовательно, административные единицы, попавшие в 5-й кластер по характеристикам здоровья населения, требуют не только дальнейшего изучения комплексного взаимодействия между угрозами благополучию населения, но

и поддержки, необходимость в которой растет в геометрической прогрессии, а не прямо пропорционально каждому из имеющихся в них вызовов здоровью.

Существуют различные методики по выявлению характеристик на индивидуальном уровне, традиционно разрабатываемые для целей социального маркетинга или анализа состояния здоровья населения (например, P2 People and Places, Mosaic, Acorn) [Dedman et al., 2006]. Однако данные гео-демографические методики объединяют людей в группы с различными характеристиками, но не помогают выявлять районы, в которых требуется коррекция политики в области здравоохранения. Метод кластерного анализа позволяет решить эту проблему, в нем применяется механизм, при помощи которого можно выделить области с наибольшим количеством проблем со здравоохранением и обеспечить органы местного самоуправления районов с близкими профилями здоровья информацией о том, какие действия будут эффективными, а какие нет. В Англии полиция также проводит сравнительные исследования ситуации в похожих районах, чтобы ставить себе более содержательные и реалистичные задачи [Association of Police Authorities, 2006]. Кроме того, эти методы позволяют уйти от практики измерения ситуации в районе по одной переменной или по небольшому набору переменных, в результате которого можно получить либо чрезмерно положительные, либо излишне отрицательные характеристики этого района.

Для Англии совмещение данных о состоянии здоровья (например, о курении, употреблении алкоголя и ожирении) с данными, находящимися, в основном, в центре внимания местных органов власти (например, о насильственных преступлениях и загрязнении воздуха), очень своевременно, в таком виде их гораздо легче интерпретировать. После почти 40-летнего централизованного управления сферой здравоохранения (с 1974 г.) правительство постановило передать ответственность за здоровье населения обратно в местные органы власти [Министерство здравоохранения, 2010b]. Лучшее понимание того, как различные переменные здоровья взаимосвязаны и группируются в конкретных административных единицах, должно помочь в расстановке приоритетов и развитии политики на национальном уровне. Данные такого типа также могут использоваться для распределения ресурсов между административными единицами и внутри них, принимая во внимание не только информацию о конкретных проблемах в области здравоохранения и социальной сфере, но и дополнительные данные об их взаимодействии.

Используемые в нашей работе показатели здоровья были выявлены в результате независимого исследования и прошли экспертизу с целью включения в состав национальных профилей здоровья [Department of Health and the Association of Public Health Observatories, 2010]. Однако, как и экологические переменные, они неизбежно сглаживают неравенство между небольшими районами каждой административной единицы, а валидность каждого показателя в различных административных единицах зависит от того, насколько аккуратным был сбор данных для этого показателя и соответствующего показателя численности населения, применяемого в качестве знаменателя. Используемые нами данные относятся к разным годам, но всегда — к наиболее поздней из имеющихся дат. Даже на основе существующих данных могут быть выбраны иные показатели и применены другие методы исследования. Тем не менее сильная корреляция между переменными предполагает, что даже если будут использованы другие методы, добавлены или заменены отдельные

показатели, концентрация множественных проблем со здоровьем в определенной группе административных единиц сохранится. В случае применения метода кластеризации с целью информирования органов власти о состоянии здоровья в длительной перспективе потребуются изучение частоты, с которой кластеры должны пересматриваться, чтобы отобразить изменения в статусе различных административных единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метод кластерного анализа, который был использован для проведения данного исследования, позволил выявить, как большой набор различных находящихся в открытом доступе характеристик здоровья населения концентрируется в определенных районах. Последствия подобной концентрации плохо изучены, но вполне вероятно, что комплексное влияние проблем в области здоровья и благополучия будет способствовать непропорциональной нагрузке на общество, выраженной в необходимости предоставления определенных услуг и других ресурсов. Подобные вопросы обычно не рассматриваются при формировании политики, находящейся в ведении отдельных ведомств. Необходимо межведомственный подход к изучению той среды, в которой будут реализовываться программы в сфере здравоохранения, образования, права, социальная или экономическая политика.

Кластеры плохого здоровья населения (см. *табл.*) требуют комплексных действий со стороны местных руководителей здравоохранения (например, директоров департаментов) по целому ряду направлений, связанных со здравоохранением, а образовательные, транспортные программы, программы по повышению уровня физической активности населения и программы социального обслуживания должны быть скорректированы с учетом государственных приоритетов в области здравоохранения. Коллеги этих местных руководителей в соответствующих национальных министерствах должны оказывать аналогичное влияние на другие государственные департаменты. Важно отметить, что подобные действия должны учитывать, что примеры успешного государственного вмешательства в районах с относительно благополучной ситуацией в здравоохранении из 1-го и 2-го кластеров невозможно просто скопировать в районах, попавших в 5-й кластер; либо для достижения аналогичных результатов могут потребоваться более значительные ресурсы. Тем не менее метод кластерного анализа может быть использован для выявления районов, между которыми возможен успешный обмен опытом реализации программ и государственных интервенций в сфере здравоохранения. С увеличением массива данных, имеющих отношение к здоровью и благосостоянию, такие механизмы помогут перейти от рассмотрения отдельных независимых показателей здоровья населения к комплексным проблемам здравоохранения, описывающим наборы вызовов, с которыми сталкиваются различные сообщества, привлекающим большее количество заинтересованных людей и организаций к поиску решений.

ЛИТЕРАТУРА

- Anda, R.F., Felitti, V.J., Bremner, D., Walker, J.D., Whitfield, C.H., Perry, B.D., Dube, S.H.R., Giles, W.H.*, 2006. The enduring effects of abuse and related adverse experiences in childhood. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience* 256, 174—186.
- Association of Police Authorities, 2006. *iQuanta: a police authority guide* second ed. Association of Police Authorities, London.
- Association of Public Health Observatories, 2006. *Health Profiles Project: Project brief*. Association of Public Health Observatories, York.
- Bacciu, D., Jarman, I.H., Etchells, T.A., Lisboa, P.J.G.*, 2009. Patient stratification with competing risks by multivariate Fisher distance. *International Joint Conference on Neural Networks*, 213—220.
- Barton, J., Pretty, J.*, 2010. What is the best dose of nature and green exercise for improving mental health? A multi-study analysis. *Environmental Science and Technology* 44, 3947—3955.
- Bellis, M.A., Hughes, K., Tocque, K., Hennell, T., Humphrey, G., Wyke, S.*, 2005. Assessing and communicating the health and judicial impact of alcohol use. *Public Health* 119, 253—261.
- Bellis, M.A., Hughes, K., Anderson, Z., Tocque, K., Hughes, S.*, 2008. Contribution of violence to health inequalities in England: demographics and trends in emergency hospital admissions for assault. *Journal of Epidemiology and Community Health* 62, 1064—1071.
- Bellis, M.A., Hughes, K., Wood, S., Wyke, S., Perkins, C.*, 2011. National five-year examination of inequalities and trends in emergency hospital admission for violence across England. *Injury Prevention* 10.1136/ip.2010.030486.
- Braveman, P., Barclay, C.*, 2009. Health disparities beginning in childhood: a life- course perspective. *Pediatrics* 124, S163—S175.
- Commission on Social Determinants of Health, 2008. *Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health*.
- Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. World Health Organization, Geneva.
- Dedman, D., Jones, A., Tocque, K., Bellis, M.A.*, 2006. *Population targeting: Tools for social marketing*. Synthesis Report, Issue 6. Liverpool: North West Public Health Observatory.
- Department of Health, 2009. *Tackling health inequalities: 10 Years On — A review of developments in tackling health inequalities in England over the last 10 years*. Department of Health, London.
- Department of Health, 2010a. *Healthy lives, healthy people: Transparency in outcomes*. Department of Health, London.
- Department of Health, 2010b. *Equity and excellence: Liberating the NHS*. The Stationary Office, London.
- Department of Health and the Association of Public Health Observatories, 2010. *The indicator guide Health Profiles 2010*. Department of Health, London.
- Dorling, D., Smith, G., Noble, M., Wright, G., Burrows, R., Bradshaw, J., Joshi, H., Pattie, C., Mitchell, R., Green, A.E., McCulloch, A.*, 2001. How much does place matter? *Environment and Planning A* 33, 1335—1369.
- Draper, P., Glenhorn, G., Best, G.*, 1976. The organization of health care: A critical review of the 1974 reorganization of the National Health Service. in: Tuckett, D. (Ed.), *An Introduction to Medical Sociology* Tavistock Publications Ltd., London, pp. 254—289.
- Duarte, C.S., Sourander, A., Nikolakaros, G., Pihlajamaki, H., Helenius, H., Piha, J., Kumpulainen, K., Moilanen, I., Tamminen, T., Almqvist, F., Must, A.*, 2010. Child mental health problems and obesity in early adulthood. *The Journal of Pediatrics* 156, 93—97.

Falagas, M.E., Zarkadoulia, E.A., Ioannidou, E.N., Peppas, G., Christodoulou, C., Rafailidis, P.R., 2007. The effect of psychosocial factors on breast cancer outcome: a systematic review. *Breast Cancer Research* 9, R44.

Felitti, V.J., Anda, R.F., Nordenberg, D., Williamson, D.F., Spitz, A.M., Edwards, V., Koss, M.P., Marks, J.S., 1998. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults. The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study. *American Journal of Preventive Medicine* 14, 245—258.

Friedman, H.P., Rubin, J., 1967. On some invariant criteria for grouping data. *Journal of the American Statistical Association* 62, 1159—1178.

Harden, A., Brunton, G., Fletcher, A., Oakley, A., 2009. Teenage pregnancy and social disadvantage: systematic review integrating controlled trials and qualitative studies. *British Medical Journal* 339, b4254.

Hillis, S.D., Anda, R.F., Dube, S.R., Felitti, V.J., Marchbanks, P.A., Macaluso, M., Marks, J.S., 2010. The protective effect of family strengths in childhood against adolescent pregnancy and its long-term psychosocial consequences. *The Permanente Journal* 14, 18—27.

I2SARE, 2010. Development of a regional typology — aim, methods and results. Available at: <http://www.i2sare.eu/Default.aspx> Accessed on 1st June 2011.

Jolliffe, I.T., 2002. *Principal Component Analysis* second ed. Springer, New York.

Klugman, J., 2010. *Human development report 2010. The real wealth of nations: pathways to human development*. United Nations Development Programme, New York.

Kroenke, C.H., Kubzansky, L.D., Schernhammer, E.S., Holmes, M.D., Kawachi, I., 2006. Social networks, social support and survival after breast cancer diagnosis. *Journal of Clinical Oncology* 24, 1105—1111.

Lisboa, P., Ellis, I., Green, A., Ambriogi, F., Dias, M., 2008. Cluster-based visualization with scatter matrices. *Pattern Recognition* 29, 1814—1823.

Lynch, J., Davey Smith, G., 2005. A life course approach to chronic disease. *Annual Review of Public Health* 26, 1—35.

MATLAB version 7.8.0. R2009a, 2009. Natick, Massachusetts: The MathWorks Inc.

Marmot, M., 2005. Social determinants of health inequalities. *The Lancet* 365, 1099—1104.

Marmot, M., 2010. Fair society, healthy lives. Strategic review of health inequalities in England post-2010. The Marmot review final report. University College London, London.

Murray, C.J.L., Lopez, A.D., Black, R., Mathers, C.D., Shibuya, K., Ezzati, M., Salomon, J.A., Michaud, C.M., Walker, N., Vos, T., 2007. Global burden of disease 2005: call for collaborators. *The Lancet* 370, 109—110.

Office for National Statistics, 2001. National statistics 2001 area classification. Режим доступа: http://www.statistics.gov.uk/about/methodology_by_theme/area_classification/default.asp. Дата обращения: 9 июня 2011 г.

Office for National Statistics, 2008. Mid-year population estimates. Режим доступа: <http://www.statistics.gov.uk/statbase/product.asp?vlnk=15106>. Дата обращения: 14 февраля 2011 г.

Office for National Statistics, 2009. Regional household income. Режим доступа: <http://www.statistics.gov.uk/statbase/Product.asp?vlnk=14651>. Дата обращения: 14 февраля 2011 г.

Office for National Statistics, 2011. Population estimates for ethnic group (experimental), 2011. Режим доступа: <http://www.statistics.gov.uk/StatBase/Product.asp?vlnk=14238&More=Y>. Дата обращения: 14 февраля 2011 г.

Poulton, R., Caspi, A., Milne, B.J., Thomson, W.M., Taylor, A., Sears, M.R., Moffitt, T.E., 2002. Association between children's experience of socioeconomic disadvantage and adult health: a life-course study. *The Lancet* 360, 1640—1645.

Richardson, E.A., Mitchell, R., Shortt, N.K., Pearce, J., Dawson, T.P., 2010. Developing summary measures of health-related multiple environmental deprivation for epidemiological research. *Environment and Planning A* 42, 1650—1658.

Rutherford, A., Zwi, A.B., Grove, N.J., Butchart, A., 2007. Violence: a priority for public health? (part 2). Journal of Epidemiology and Community Health 61, 764—770.

Sanders, L.M., Federico, S., Klass, P., Abrams, M.A., Dreyer, B., 2009. Literacy and child health: a systematic review. Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine 163, 131—140.

Schuit, A.J., van Loon, A.J.M., Tijhuis, M., Ocke, M.C., 2002. Clustering of lifestyle risk factors in a general adult population. Preventive Medicine 35, 219—224.

Shortt, N.K., Richardson, E.A., Mitchell, R., Pearce, J., 2011. Re-engaging with the physical environment: a health related environmental classification of the UK. Area 43, 76—87.

SPSS for windows, release 17.0.0, 2008. Chicago: SPSS Inc.

Stachenko, S., 2008. Challenges and opportunities for surveillance data to inform public health policy on chronic non-communicable diseases: Canadian perspectives. Public Health 122, 1038—1041.

Thomas, B., Dorling, D., 2004. Advances in the human cartography of the UK. Cartographic Journal 41, 109—115.

Vickers, D., Rees, P., 2007. Creating the UK national statistics 2001 output area classification. Journal of the Royal Statistical Society, Series A 170, 379—402.

Waylen, A., Stewart-Brown, S., 2010. Factors influencing parenting in early childhood: a prospective longitudinal study focusing on change. Child: Care, Health and Development 36, 198—207.

Weiler, R., Stamatakis, E., Blair, S., 2010. Should health policy focus on physical activity rather than obesity? Yes. British Medical Journal 340, c2603.

Wilkinson, R., Marmot, M., 2003. The solid facts Second Edition World Health Organization, Geneva.

Woods, L.M., Rachet, B., Coleman, M.P., 2006. Origins of socio-economic inequalities in cancer survival: a review. Annals of Oncology 17, 5—19.

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, ДВОЙНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ¹

Гуф Я.², профессор Лондонской школы экономики

Группы людей и народы, наиболее подверженные воздействию возможных последствий изменения климата, несут меньше всего ответственности за его причины и обладают наименьшими ресурсами, необходимыми для того, чтобы справиться с его последствиями. Это явление, называемое «двойной несправедливостью», стало главной темой переговоров по изменению климата между государствами Севера и Юга и актуально для разных стран мира. В свете этого явления каковы распределительные значения нынешних, довольно амбициозных стратегий безуглеродной экономики? На основании исследования, проведенного в богатых странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в частности на базе информации о ситуации в Великобритании, ответ на этот вопрос можно разделить на две части: в рамках Киотского протокола и вне его. Данная публикация дополняет доклад «Об изменении климата и перспективах государственной политики», подготовленный автором для Британского Совета.

Великобритания взяла на себя юридическое обязательство снизить выбросы парниковых газов на 80% к 2050 г. по сравнению с исходным 1990 г. Европейский Союз имеет схожие коллективные обязательства. Достижение подобных существенных результатов предполагается путем внедрения широкого круга программ по сокращению выбросов углерода. В данной статье рассматриваются социальное измерение и распределительные значения этих политик, а также то, каким образом они могут быть применены.

Во-первых, в публикации показывается, что политика сокращения выбросов углерода (ПСВУ) в Великобритании чрезвычайно регрессивна, в особенности та ее часть, которая «обязывает» энергетические компании повысить эффективность расходования электроэнергии и увеличить количество возобновляемых источников энергии. Это делается путем повышения цен на электроэнергию для бытовых и коммерческих потре-

¹ Перевод статьи I. Gough. Climate change, double injustice and social policy: a case study of the United Kingdom. Occasional Paper One Social Dimensions of Green Economy and Sustainable Development. December 2011. United Nations Research Institute for Social Development. Печатается с любезного разрешения автора. Научный редактор перевода – Синявская О. В., к. э. н., заместитель директора НИСР.

² Ян Гуф является автором многочисленных книг, в том числе: «Политическая экономика государства благосостояния», «Теория человеческой потребности», «Глобальная столица, человеческие потребности и социальная политика», «Незащищенность и режимы благосостояния в странах Азии, Африки и Латинской Америки».

бителей. Так как электроэнергия является товаром первой необходимости, она составляет ощутимо большую долю в затратах домохозяйств с низким доходом; таким образом, подобное изменение цен регрессивно. ПСВУ оказывает большее давление на наиболее бедные домохозяйства.

Невозможно полностью компенсировать расходы домохозяйств с низкими доходами с помощью социальных пособий, налоговых льгот и дотаций в силу неоднородности условий и мест проживания. Поиск альтернатив основывается на принципах социальной справедливости и/или имеет целью предотвращение устойчивой политической оппозиции к дальнейшему развитию программ по сокращению выбросов углерода.

Единственное надежное решение этой дилеммы — рассмотреть возможность использования дополнительных мер: введение специального индекса цен для населения с низкими доходами и «социальных» тарифов на электроэнергию, которые включают в себя меньшую оплату за минимальный расход электроэнергии и большую за последующее потребление. Последнее повлечет за собой отмену достижений в области либерализации рынков электроэнергии, происшедших за последние 30 лет. Но основополагающей политикой является значительное увеличение экосоциальных инвестиций: массовое переоснащение жилого фонда и развертывание фундаментальных природоохранных мер. Во времена кризиса подобные действия могут в финансовом плане составить конкуренцию существующим государственным расходам на социальное обеспечение.

Во второй части публикации рассматривается ситуация в Великобритании за рамками Киотского протокола, касающаяся общего количества выбросов как результата потребления, включая те, которые возникают при производстве товаров и услуг, импортируемых из других частей света. Разрыв значителен: Великобритания потребляет на одну треть больше углерода, чем производит, и на половину больше парниковых газов (ПГ). В условиях глобализации Север экспортировал значительную часть своих выбросов ПГ в страны с развивающейся экономикой, такие как Китай.

Каковы распределительные сценарии выбросов, связанных с потреблением, в Великобритании, и каким образом они могут быть ограничены? В данной публикации представляются новые аналитические данные, показывающие, что доход домохозяйства является серьезным определяющим фактором выбросов на душу населения наряду с размером домохозяйства и статусом занятости. Но эластичность выбросов по доходу низка, поэтому они составляют большую долю в домохозяйствах с меньшим доходом. Таким образом, более высокие налоги на выбросы углерода или более жесткие ограничения квот на выбросы снова наносят удар домохозяйствам регрессивным образом: они оказывают большее давление на домохозяйства с меньшим доходом, домохозяйства, состоящие из одного лица и домохозяйства с безработными лицами.

Автор утверждает, что для противодействия необходима более проработанная схема интеграции целей в сфере смягчения последствий изменения климата и социальной справедливости. Рассматриваются три радикальных варианта: личные квоты на выбросы углерода и торговлю, сокращение рабочего времени и введение налога на потребление и доход. Каждая из этих мер влечет за собой вопрос о последствиях применения и косвенного влияния на другие сферы, но в комплексе они определяют

направление дальнейших действий. Объединение политики «экологичной экономики» с социальной справедливостью повлечет за собой интегрированные меры по перераспределению доходов, времени и углерода.

Двойная несправедливость в области изменения климата в развитых странах, рассмотренная в данной публикации, также имеет большое значение на глобальном уровне и внутри развивающихся стран. На глобальном уровне быстрые темпы роста в странах Азии и других государствах с развивающейся рыночной экономикой за последние два десятилетия, наряду с серьезными дефляционными перспективами в большей части стран Севера, указывают на новую эру относительного, если не абсолютного, намерстывания упущенного и конвергенции уровней доходов. Это относится и к потреблению, и к выбросам. Это означает, что большая часть выбросов, произведенных в таких странах как Китай, будет связана с внутренним потреблением и не будет приносить выгоду странам Севера.

Но в то время как международное неравенство начинает снижаться (таким образом сокращая международное распределение выбросов), внутринациональное неравенство продолжает возрастать как в бедных, так и в богатых странах. Так как Китай и другие государства готовятся к участию в пост-Киотской системе регулирования выбросов ПГ, необходимо убедиться, что весь углеродный груз и другие сокращения не отразятся неблагоприятным образом на бедной части населения. Следовательно, существует необходимость дальнейшего изучения распределения выбросов по уровню дохода, составу домохозяйства и другим релевантным показателям в странах Юга, а также моделирования распределительного влияния различных политик ограничения выбросов ПГ. Такое исследование может основываться на примере опыта развитых стран, представленного в данной публикации.

По сравнению с условиями усиленного экономического роста и экспорта выбросов углерода, в которых были созданы государства благосостояния на Севере, в сегодняшнем мире темпы роста гораздо ниже, а растущая необходимость корректировки дефицита выбросов потребует основательной перестройки государств благосостояния в XXI веке. Одним словом, социальная политика должна быть далее интегрирована с политикой сокращения выбросов углерода, и потребуются новые формы координации этих усилий.

ВВЕДЕНИЕ

Группы людей и народы, наиболее подверженные воздействию возможных последствий изменения климата, несут меньше всего ответственности за причины изменения климата и обладают наименьшими ресурсами, необходимыми для того, чтобы справиться с его последствиями, — это явление называется «двойная несправедливость». Изначально разработанное с целью понимания дилемм, вызванных последствиями изменения климата для справедливого и равноправного мирового порядка, понятие двойной несправедливости может также рассматриваться применительно к ситуации

внутри стран — как Юга, так и Севера³. В данной публикации рассмотрены исключительно страны Севера, в частности пример политики в отношении изменения климата и социального равенства внутри Великобритании. Мой подход состоит в объединении нормативных целей с политэкономическим анализом «реальной политики» (realpolitik).

Правительства Великобритании и Европейского Союза уже взяли на себя обязательства кардинально сократить количество выбросов углерода и других парниковых газов (ПГ) во избежание подобного риска в будущем. Возникает вопрос, какое влияние эти программы сокращения выбросов углерода окажут на наиболее обширную группу существующих государственных обязательств, в особенности тех, которые касаются государства благосостояния? Ответ на этот вопрос состоит из двух частей: в пределах Киотского протокола и за его пределами. В рамках данной публикации основное различие — в мониторинге и сокращении выбросов, произведенных на определенной территории, и выбросов, связанных с внутренним потреблением. В обоих случаях я рассматриваю только те дилеммы, которые возникают внутри богатых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР-Север); мои данные и примеры относятся к Великобритании.

На первом этапе задаются два вопроса: фискальный и распределительный. Во-первых, будут ли программы по смягчению последствий изменения климата конкурировать за общественные ресурсы с социальными программами во времена наибольших сокращений государственных расходов на социальные нужды? Во-вторых, создадут ли распределительные результаты программ по смягчению последствий изменения климата новые случаи социальной несправедливости, которые в свою очередь увеличат ожидания и запросы от государства благосостояния? На эти два вопроса можно ответить коротко: «нет» и «да». В статье рассматриваются варианты переосмысления социальной политики с точки зрения ее возможности справиться с распределительной дилеммой, вызванной изменениями климата, заключающейся в том, что практически все политики и программы, нацеленные на снижение выбросов, оказывают более сильное воздействие на группы населения с меньшим доходом, несмотря на то, что те производят намного меньше выбросов, чем более обеспеченные домохозяйства. Это можно предотвратить, встроив социальное измерение в программы по охране окружающей среды, что требует большей интеграции политических усилий. В статье рассматриваются примеры, в центре внимания которых — социальная политика.

³ Социальноэкономическая и политическая концепция, противопоставляющая богатые развитые страны («Север») и беднейшие развивающиеся страны («Юг»). Концепция получила широкое распространение после распада социалистического блока («второго мира») и, соответственно, устаревания концепции трех миров — «первого мира» развитых капиталистических стран, «второго мира» социалистических стран и «третьего мира» развивающихся стран. Вместе с тем в настоящее время употребление терминов «глобальный Север» и «глобальный Юг» также становится все более редким, по мере экономического прогресса в ряде развивающихся стран. Подробнее см.: http://en.wikipedia.org/wiki/North%E2%80%93South_divide и http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%EF%EE%E7%E8%F6%E8%FF_%F1%E5%E2%E5%F0%E0_%E8_%FE%E3%E0. *Примеч. науч. ред.*

Но даже этого недостаточно, поскольку очевидно, что в Киотском протоколе основное внимание уделяется производству ПГ в странах⁴, указанных в Приложении 1 к Протоколу, а не тем ПГ, которые связаны с потреблением товаров и услуг. Новое исследование показывает, что это серьезный пробел, так как многие производства размещены в странах с развивающейся рыночной экономикой, таких как Китай. Далее в публикации анализируется распределение всех выбросов ПГ в Великобритании, связанных с внутренним потреблением, что выявляет схожую распределительную дилемму. Для того чтобы снизить выбросы, связанные с потреблением, на Севере и при этом избежать еще большего неравенства внутри Севера, предлагается ряд более радикальных мер, включающих в себя квотирование углерода, уменьшение количества рабочего времени и налогообложение потребителей. Это потребует еще более значительной интеграции политических усилий в экономической и социальной сферах, а также в области охраны окружающей среды.

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Существует серьезный научный консенсус о наличии глобального потепления, о том, что оно по большей части спровоцировано человеком, является глобальным, кумулятивным и потенциально разрушительным и что его рано или поздно необходимо будет контролировать, если мы хотим избежать катастрофических последствий.⁵ В нашей публикации этот доминирующий научный консенсус принят за основу.

Основной целью данной статьи является рассмотрение влияния изменения климата на будущее экономическое и социальное благополучие. Обычная цепь взаимосвязей довольно длинна. Ниже представлена упрощенная и неполная модель, показывающая взаимосвязь между основными факторами:

экономическая деятельность →
 потребление энергии →
 выбросы ПГ →
 кумулятивная концентрация ПГ →
 глобальное повышение температуры →
 региональные изменения климата →
 влияние на местообитания человека →
 социальное благополучие.

Принято выделять два типа политики, вызванных изменением климата: смягчение последствий и адаптация. Политика смягчения последствий нацелена на снижение выбросов парниковых газов или увеличение числа поглотителей парниковых газов. Адаптационная политика нацелена на уменьшение разрушительных последствий происходящих климатических изменений, а не на их предотвращение. Иначе говоря, политика смягчения последствий нацелена на первые три фактора представленной выше модели, а политика адаптации — на последние два (к третьей категории, направленной на борьбу

⁴ Список стран в Приложении 1 включает в себя индустриальные страны, являвшиеся членами ОЭСР в 1992 г., а также Российскую Федерацию и другие страны с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы.

⁵ IPCC 2007; Stern 2007; Royal Society, 2010; Committee on Climate Change, 2010.

с факторами, представленными в середине цепочки, относится геоинжиниринг, то есть проектирование окружающей среды планеты на глобальном уровне с целью предотвращения изменений в химическом составе атмосферы; эту категорию мы не рассматриваем в данной публикации).

Гуф и др. [Gough et al., 2008] методом анализа выделили 4 основных вида воздействия, оказываемого на богатые страны, входящие в ОЭСР, такие как Великобритания.

- Прямое воздействие самих климатических изменений, в том числе:
 - 1) воздействие на страны Севера;
 - 2) результаты воздействия в других частях света, отражающиеся на странах Севера.
- Воздействие на политику в области изменения климата, в том числе:
 - 3) политику адаптации;
 - 4) политику смягчения последствий.

Прямое воздействие на страны Севера

Многие модели прогнозируют более значительное прямое негативное воздействие на места обитания и благосостояние человека в тропических и субтропических регионах, в которых население, как правило, беднее, чем в зонах с умеренным климатом, и исторически несет меньше ответственности за накопление ПГ в атмосфере — это двойная несправедливость на глобальном уровне. Но это не значит, что северный более обеспеченный мир не будет подвержен воздействию. Австралия, Южная Европа и южная часть США столкнутся с ростом температуры и нехваткой водных ресурсов, а прибрежные низменные регионы, такие как в Нидерланды и, возможно, Лондон, будут уязвимы с точки зрения подъема уровня моря. Согласно Форсайт-отчету⁶ [Foresight report, 2011a], прямое воздействие на Великобританию, скорее всего, будет довольно мягким в ближайшие два десятилетия.

Фонд Джозефа Роунтри в настоящее время содействует научным исследованиям прямого воздействия вероятных изменений климата на общественное благосостояние и социальную справедливость в Британии, включая риски наводнений, риски засухи и периоды аномально высоких температур воздуха [Benzie et al., 2011]. Департамент здравоохранения впервые опубликовал план аномальных повышений температуры в Великобритании в 2004 г., и с тех пор он был несколько раз пересмотрен. По моему мнению, эти риски и расходы на управление ими не станут слишком обременительными для богатой страны в ближайшие три десятилетия.

⁶ Имеется в виду ежегодный отчет британской программы Форсайт (Foresight), созданной в 1994 г. с целью улучшения диалога между экспертным сообществом и правительством Великобритании (<http://www.bis.gov.uk/foresight>). В работе программы используются новейшие данные и научные технологии, а также инструменты прогнозирования и выработки видения будущего (технологии «форсайта»). См. подробнее: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%E0%F1%E0%E9%F2> по таким критически важным вызовам XXI века как изменение климата, наводнения, продовольственная безопасность, ожирение и пр. Подготовленные материалы поступают непосредственно в правительство. Проект по изучению последствий изменения климата на ближайшие 30 лет (и в дальнейшем) объединил свыше 100 исследователей и политиков, представляющих правительство, научные центры и частный сектор. *Примеч. науч. ред.*

Однако будут отмечены распределительные последствия, так как прямое воздействие с большой вероятностью значительно затронет группы населения с низким доходом: основная часть его живет в зонах повышенного риска, таких как заливные поймы, и у малого числа есть соответствующее страховое обеспечение [Walker and Burningham, 2011]. Далее данный аспект двойной несправедливости в странах Севера более рассматриваться не будет.

Косвенное воздействие на страны Севера

В недавнем британском Форсайт-отчете [Foresight report, 2011a] по международным оценкам изменения климата рассматривается широкий спектр потенциальных угроз, которые могут оказать косвенное воздействие на богатые страны, в том числе: дефицит ресурсов, эпидемии, ухудшающаяся прибрежная инфраструктура, затрудняющая судоходство, перебои в жизненно важных поставках нефти и газа; необеспеченность продовольственными ресурсами, повышающиеся и быстро меняющиеся цены; нарушение международных экономических связей и цепочек; растущие ограничения свободной торговли и развитие глобальных финансовых институтов; замедление глобального экономического роста; распад слабых государств и растущая международная напряженность, снижающая возможность управления на глобальном уровне.

Возможно, наиболее уместным в данном случае является потенциал повышения уровня миграции, вызванной изменениями окружающей среды, из таких регионов, как тропическая Африка или Южная Азия, что является предметом второго крупного британского Форсайт-отчета [Foresight report, 2011b]. В нем отмечается, что изменения климата и ухудшение состояния окружающей среды окажут огромное влияние на мощные факторы, способствующие миграции: экономические, демографические, социальные и политические. Результат — растущее на рубеже тысячелетий число (около 740 млн чел.) внутренних мигрантов, а к 2010 г. — международных мигрантов (около 210 млн чел.). Многие из них мигрируют в города, расположенные на уязвимых территориях, в частности в заливных поймах, ситуация в которых усугубится с изменением климата. Другие уже столкнулись напрямую с проблемами окружающей среды, например 100 тыс. чел., покинувшие территории вокруг высыхающего Аральского моря. По предварительным оценкам количество людей, поменявших место жительства в связи с природными катастрофами, выросло с 17 млн чел. в 2009 г. до 42 млн чел. в 2010 г. Но, по оценкам экспертов, к 2060 г. число людей, пострадавших от наводнений, возрастет до 472–552 млн чел. В отчете указывается, что «запрет на миграцию» не является вариантом политических действий. Во многих случаях миграция предоставляет дополнительную возможность, но она требует ресурсов, а их объемы могут уменьшиться в свете будущих изменений климата, что приведет к попаданию в «ловушку» больших масс населения. Если миграция является ключевым компонентом адаптации к изменениям климата, невелика вероятность того, что она оставит незатронутыми богатые страны Севера.

Политика адаптации в странах Севера

Политика адаптации на Севере включает в себя инвестиции в организацию мероприятий по защите от наводнений и штормовых приливов, увеличение объема водохранилищ и укрепление зданий для противостояния изменениям климата. В докладе Н. Стерна⁷ [Stern, 2007:417—429] подсчитано, что странам-членам ОЭСР понадобится инвестировать от 0,05 до 0,5% ВВП дополнительно каждый год на адаптационные меры и более, если темпы роста температур превысят основной прогноз (в работе Фанкхаузера [Fankhauser, 2010] представлены более свежие, но также значительно варьирующиеся оценки). Эти цифры высоки, но не устрашающи. Контраст по сравнению с более бедными странами с развивающейся экономикой огромен. По словам Десмонда Туту, «богатые страны могут использовать свои значительные финансовые и технологические ресурсы для защиты себя от последствий изменения климата, по крайней мере в краткосрочной перспективе... Однако по мере того как изменяющийся климат будет оказывать разрушительное воздействие на жизнедеятельность человека, вынуждать людей мигрировать и подрывать социальные и экономические системы, ни одна страна — сколь бы богатой и сильной она ни была — не сможет защититься от этих последствий. В долгосрочной перспективе проблемы бедных придут на порог богатых» [UNDP, 2007:166].

Все эти критически важные проблемы не рассматриваются мной далее. Остальная часть данной публикации посвящена воздействию политики и программ по смягчению последствий изменения климата на социальную политику в странах Севера, в первую очередь несущих ответственность за глобальное потепление, но также сталкивающихся с явлением «двойной несправедливости» внутри своих границ.

КИОТСКАЯ МОДЕЛЬ: ПРОИЗВОДСТВО ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ

Ответ Севера: страны Европейского Союза в сравнении с США

Широко известен тот факт, что Рамочная конвенция ООН по изменению климата (РКИК) и Киотский протокол подтверждают ответственность богатых северных стран за предыдущие выбросы, основываясь на принципе «общей, но дифференцированной ответственности» [МГЭИК/ИРСС, 2007:33]. Также общепризнанным фактом является то, что данная схема оказалась довольно неэффективной в части ограничения выбросов. Но менее исследованной областью является сравнение политики по сокращению выбросов углерода в странах Приложения 1. Исследование, проведенное Кристофом и Экерслеем [Christoff and Eckersley, 2011], показывает существенные различия между странами Севера в отношении предшествующего уровня загрязнения, текущего

⁷ Доклад Стерна по экономике климатических изменений представляет собой отчет, представленный группой экспертов под руководством сэра Н.Стерна, главой правительственной Экономической службы, советником Правительства по экономике климатических изменений и развитию, руководителем Центра экономики и политики климатических изменений при Университете Лидса и Лондонской школе экономики, британскому правительству осенью 2006 г. В настоящее время это один из наиболее цитируемых отчетов по данной проблематике. См. подробнее: http://en.wikipedia.org/wiki/Stern_Review. Текст см.: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.hm-treasury.gov.uk/sternreview_index.htm. *Примеч. науч. ред.*

рейтинга интенсивности выбросов и будущих политических намерений. Согласно данным, приведенным авторами, Германия и Великобритания являются лидерами в этой области по всем параметрам, хотя таким образом становятся менее заметными серьезные достижения Франции и Японии в 1970-х и 1980-х гг. База данных авторов по крупнейшим странам-источникам выбросов не включает в себя небольшие скандинавские страны, которые тоже относятся к лидерам. Явно отстают в этих процессах такие страны, как Австралия, Канада и США. Тот факт, что все это богатые демократические государства, показывает, что капитализм и демократия являются плохими прогнозными параметрами последствий изменения климата. Каковы они — наиболее важные детерминанты прогрессивной политики сокращения выбросов углерода?

Кристоф и Эккерслеи [Christoff and Eckersley, 2011] выводят несколько детерминант. Во-первых, важную роль выполняют внутригосударственные политические институты: система пропорционального представительства⁸ (в отличие от системы простого большинства) и значительное число «партий зеленых»; парламентские, а не президентские конституции; корпоративистские системы, включающие бизнес-сообщества и рабочий класс, а не мажоритарные парламентские системы — все эти факторы способствуют закреплению политики сокращения выбросов углерода (ПСВУ). Во-вторых, национальная уязвимость перед изменением климата является плохим предиктором (Австралия высоко уязвима), при этом расчет на добычу природного топлива и энергоемкая индустрия не способствуют снижению выбросов углерода. В-третьих, большое значение имеет характер идеологического дискурса. В Австралии и США климатология была сведена на уровень «идеологического маркера» противостоящих политических партий, и противникам идей «изменения климата» было предоставлено много пространства в СМИ. Это тесно связано с ролью, которую играют там вето-коалиции из производителей природного топлива и представителей энергоемких индустрий, в особенности в Австралии, Канаде и США.

Все эти факторы объясняют ведущую роль Германии и скандинавских стран: 20 лет агрессивных ограничений выбросов углерода, способствовавшие росту технологических инноваций и новых экологических рабочих мест, которые затем порождают последовательное развитие зеленого движения. Но как объяснить недавнее лидерство Великобритании? По моему мнению, ответ заключается в произошедшей здесь в 1980-х и 1990-х гг. интенсивной деиндустриализации. В основе этого лежало намерение правительства Тэтчер разрушить профсоюзы горняков и стремительно нацелиться на добычу природного газа («dash for gas»). Последовавшая за этим деиндустриализация Великобритании означала, что промышленные круги или профсоюзы не предпринимали серьезных лоббистских действий против обезуглероживания экономики, и в то же время для Лондона возникли новые возможности торговли квотами. Это, а также разрушительная разработка нефти и газа

⁸ Система пропорционального представительства или представительная избирательная система — это такая система, при которой «депутатские мандаты распределяются между списками кандидатов пропорционально голосам, поданным за списки кандидатов, если эти кандидаты преодолели процентный барьер» (См. : http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%EF%EE%F0%F6%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%E0%FF_%E8%E7%E1%E8%F0%E0%F2%E5%EB%FC%ED%E0%FF_%F1%E8%F1%F2%E5%EC%E0). *Примеч. науч. ред.*

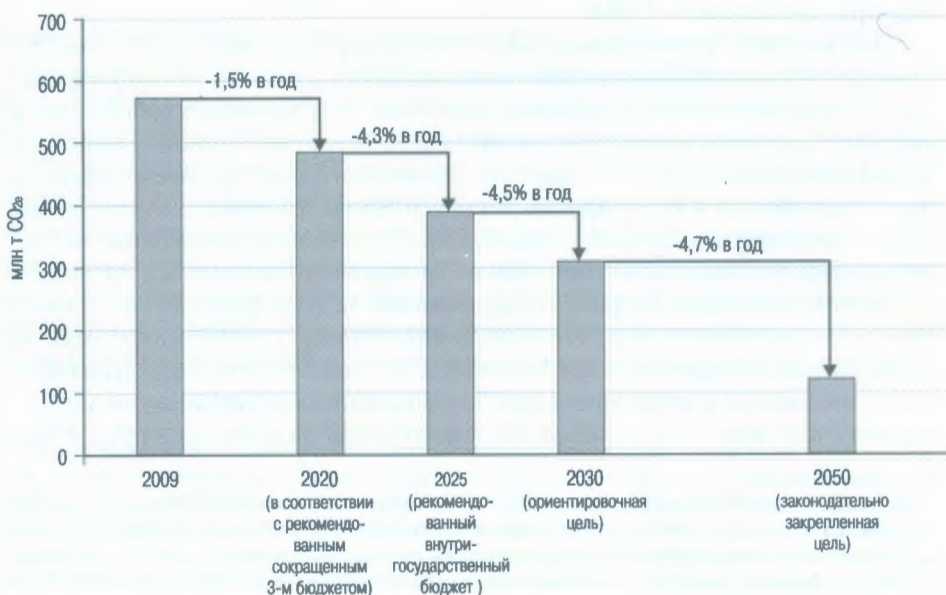
в Северном море (уровень которой на данный момент снижается) объясняют сохраняющуюся приверженность и интерес коалиционного правительства к экологическим, «зеленым» политике и программам, при этом оно яростно атакует государство благосостояния.

Программы смягчения последствий изменения климата в Великобритании и их фискальная составляющая

В чем же тогда состоят достижения одного из лидеров в области изменения климата — Великобритании? Заявлено, что правительство Великобритании приняло наиболее жесткие и юридически обязывающие цели по снижению углекислого газа и его эквивалентов среди других ПГ. В законе «Об изменении климата» 2008 г. заявлены обязательства Великобритании по снижению выбросов ПГ как минимум на 80% к 2050 г. и как минимум на 34% к 2020 г., по сравнению с исходным 1990 г. Более того, законом определены три промежуточные цели или так называемых «бюджета по углероду» до 2022 г., а в мае 2011 г. коалиционное правительство установило обязательство для Великобритании по дальнейшему радикальному снижению на четвертый бюджетный период с 2023 по 2027 г. На *рисунке 1* показан уровень обязательств Великобритании по снижению выбросов (в млн т углекислого газа и его эквивалентов среди других парниковых газов — млн т CO_2e).

В законе «Об изменении климата» Комитет по изменению климата (КИК) определен в качестве независимого совета, консультирующего правительство по вопросам постановки и достижения бюджетных целей в отношении углерода («углеродных бюджетов»). В то же время недавно созданный Департамент по энергетике и изменению климата (ДЭИК) опубликовал *План*

Рисунок 1. Коэффициент снижения выбросов парниковых газов, Великобритания, 2009-2050 гг.

Источник: Комитет по изменению климата, 2010:25.

по снижению уровня выбросов углерода в Великобритании (*The UK Low Carbon Transition Plan*), в котором детально описаны цели и программы, необходимые для его выполнения. Этот документ, как и последующие подробнейшие отчеты КИК, анализирует планы и достижения по снижению выбросов в рамках пяти ключевых категорий: энергетика и тяжелая промышленность, которые служат источником почти половины всех выбросов; транспорт; дома и сообщества; производственные помещения и рабочие места; фермерские хозяйства, земельные владения и отходы. На данный момент коалиционное правительство в основном придерживается этих целей и программ.

В недавнем отчете ОЭСР [Bowen and Rydge, 2011] представлены обзор и оценка политики в области изменения климата в Великобритании.

Ключевые направления политики смягчения последствий изменения климата в Великобритании (по целям):

1. Установить тарифы на выбросы. Эта цель достигнута в Великобритании практически полностью с помощью рыночно-ориентированной ценовой политики, а не экологических налогов. Великобритания входит в Систему торговли квотами на выбросы (СТКВ) Европейского Союза, которая устанавливает общие правила для производителей электроэнергии и крупных промышленных концернов. Система требует от компаний подачи квот на выбросы для покрытия своих подтвержденных выбросов, которыми компании могут торговать. СТКВ покрывает около половины всех выбросов углерода в Великобритании, однако она создала слишком изменчивую и чрезвычайно низкую цену на углерод, не позволяющую достичь желаемых показателей по снижению выбросов. К тому же в Великобритании существует ряд других политических мер, систем квотирования, налогов и налоговых исключений помимо СТКВ, которые снижают ее эффективность и распределительную ясность.

2. Продвигать экологически чистые виды энергии. Обязательства ЕС амбициозны: 20% общего спроса на энергию будет удовлетворяться за счет возобновляемых источников энергии к 2020 г. Основные усилия в Великобритании нацелены на то, чтобы обязать поставщиков энергии увеличить долю возобновляемых источников, но пока что прогресс в этом направлении был не очень значительным. Сюда также включены вопросы улавливания и хранения углерода и ядерных отходов. Был создан Банк экологических инвестиций с небольшим финансированием, и как минимум до 2015 г. у него не будет доступа к рыночным фондам; уровень государственных капиталовложений в него низок.

3. Повысить эффективность расходования энергии. Здесь основной целью является снижение энергопотерь в домохозяйствах, которые являются причиной более 20% всех выбросов парниковых газов в Великобритании. Обязательства обеспечить экономию энергии в домохозяйствах, возложенные на поставщиков энергии, стали краеугольным камнем, который теперь будет встроен в Экологическое соглашение (Green Deal) — не путать с планами по Новому экологическому соглашению (Green New Deal). Для того чтобы не задействовать государственные субсидии, оно будет профинансировано посредниками за счет заложенной в него экономии расходов на энергию в домохозяйствах. Пока что слишком рано оценивать его успешность. Инициатив по улучшению эффективности расходования энергии на транспорте было реализовано немного, при этом налоги на топливо высоки.

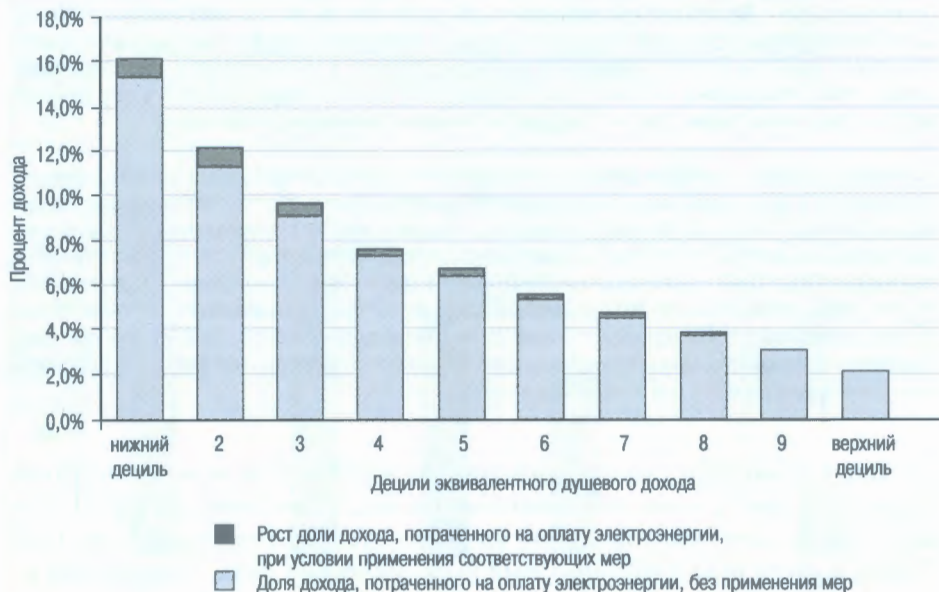
Успех Великобритании в снижении количества выбросов за последние два десятилетия был в значительной степени следствием косвенных факторов, таких как газовая политика («dash for gas»), установленная правительством Тэтчер, и затем недавний серьезный экономический спад. Воздействие же существующей политики по сокращению выбросов углерода невелико, и для достижения амбициозных задач, поставленных правительством в этой области, потребуются резкие изменения [Bowen and Rydge, 2011]. Противодействие непосредственному участию государства в этом процессе мешало выделению сколько-нибудь значимых государственных субсидий,

либо иной поддержки экологичной экономики. Текущие прямые расходы сей государственной ПСВУ составляют 1,1 млрд фунтов⁹, менее 0,1% ВВП, и некоторые программы сейчас сокращаются [Marden and Gough, 2011]. При этом финансовое обеспечение многочисленных обязательств, наложенных на энергетические компании, планируется реализовать за счет повышения цен для всех домохозяйств. Введение подобных псевдоналогов является более регрессивной мерой, чем вся система налогообложения.

Сокращение выбросов углерода и распределительная дилемма

Каковы распределительные последствия ПСВУ в настоящее время и в будущем? В докладе ДЭИК [DECC, 2010] оценивается влияние этих вынужденных мер на стоимость энергии, счетов на электроэнергию, выставляемых потребителям и коммерческим фирмам среднего звена в 2010, 2015 и 2020 гг., в сравнении с условным отсутствием каких-либо мер по смягчению последствий изменения климата. Центральный сценарий, по которому предполагается, что цена нефти составит 80 дол.¹⁰ за баррель к 2020 г. (исходя из цен 2009 г.), дает прогноз, что смягчающие меры добавят 18% к средней стоимости коммунально-бытового газа и 33% к средней стоимости коммунально-бытового электричества (сверх любых базовых цен). Общее воздействие на фактические платежи за электроэнергию будет зависеть от внедрения мер экономии энергии и стимулирования использования возобновляемых источников энергии. Оценки ДЭИК более оптимистичны: ожидается, что в среднем размер счетов

Рисунок 2. «Распределительная дилемма»

Источник: DECC 2010:5 (схема 7).

⁹ 1 фунт равен приблизительно 1,6 дол. США (на декабрь 2011 г.).

¹⁰ Все цифры, выраженные в долларах, означают доллары США.

на коммунальные услуги повысится только на 1% к 2020 году. Эти предположения могут быть сверхоптимистичными, если не сказать некомпетентными.

И даже в этом случае общее бремя, по оценкам ДЭИК, остается регрессивным (рис. 2). Затраты на ПСВУ снизят доход в нижнем дециле на 1% и в то же время станут небольшим преимуществом для групп населения с более высоким доходом. Для тех, кто предпримет меры по утеплению домов, величина платежей будет снижаться, для остальных же — повышаться. КИК и ДЭИК признают, что бремя преднамеренно будет более тяжелым для домохозяйств с низким доходом [DECC, 2010].

Это с большой вероятностью отразится на уровне топливной бедности. Согласно закону «Об отоплении домов и сохранении энергии» 2000 г., топливная бедность возникает, когда член домохозяйства с низким доходом проживает в помещении, которое невозможно отапливать по разумной цене. С 2001 г. в Великобритании этот показатель отображает ситуацию, при которой домохозяйство вынуждено тратить свыше 10% своих доходов на общее потребление топлива, необходимое, чтобы обогревать жилье в соответствии с достаточным стандартом тепла. Согласно Хиллсу [Hills, 2011], подобные меры по сокращению выбросов углерода могут отрицательно повлиять на топливную бедность. В итоге существующие политики смягчения последствий изменения климата в стране оказывают негативное воздействие на равенство доходов [Büchs et al., 2011]. Существует явное противоречие между устойчивым развитием окружающей среды и целями социальной справедливости.

Компенсационные программы социальной политики

Традиционным ответом экономистов является проведение социальной политики, чтобы компенсировать потери проигравшим. Например, недавний отчет ОЭСР призывает повысить налог на добавленную стоимость (НДС) за использование домохозяйствами энергии с существующего низкого уровня 5% до стандартной ставки в 20%, решая вопросы перераспределения путем предоставления адресной помощи бедным [Bowen and Rydge, 2011]. Однако значительное количество исследований указывает на то, что это является труднодостижимым, так как использование энергии в домашних хозяйствах значительно варьирует.¹¹ Так, с учетом повсеместной компенсации Тумин и Уайт [Thumin and White, 2008] прогнозируют рост числа пострадавших с низким доходом, включая большие семьи в сельских, трудно обогреваемых домах, «обитателей пустого гнезда» (родителей, дети которых выросли и живут отдельно) в больших домах и в домах без центрального газового отопления, городские малозаселенные домашние хозяйства с людьми пенсионного возраста и городские домашние хозяйства, имеющие транспортные средства (и это не исчерпывающий список).

Существуют две проблемы в использовании системы налоговых льгот и социальных выплат для компенсации потерпевшим, включая людей с низким доходом. Во-первых, если ПСВУ основана на налогообложении, тогда могут быть разработаны компенсационные пакеты, не связанные с дополнительными издержками, например повышение налоговых порогов, льгот и вычетов. Но неоднородность жилья и домохозяйств означает, что всегда

¹¹ Druckman and Jackson, 2008; Thumin and White, 2008; Dresner and Ekins, 2006; Büchs et al., 2011.

будут выигравшие и потерпевшие, как бы ни работала система компенсации. Можно предоставить дополнительные льготы сельским жителям или людям, занимающим незначительную часть большого дома, или же одиночкам и разделенным домохозяйствам, однако это приведет к дополнительным издержкам, связанным с обеспечением эффективности и распределения. Хиллс [Hills 2009] приходит к выводу о том, что даже самое прогрессивное использование доходов от налогов на выбросы углерода для защиты бедных оставит почти треть домашних хозяйств с низким уровнем дохода в качестве проигравших.

Вторая проблема возникает тогда, когда ПСВУ основана на рыночно-ориентированных программах ограничения и торговли квотами на выбросы или обязательствах компаний. В этом случае нет очевидных доходов, которые можно использовать для компенсации потерпевших.

Единственной устойчивой альтернативой является кардинальное расширение программы экосоциального инвестирования, как указано в различных предложениях к Новому экологическому соглашению [UNEP, 2009; NEF, 2008], призывающих создать устойчивую общественную программу для инвестиций в возобновляемые источники энергии, переустройства жилищного фонда и развертывания радикальных природоохранных мер. Это одновременно резко увеличит спрос в странах с медленно развивающейся посткризисной экономикой, например такой, как в Британии, и создаст новые возможности трудоустройства в рамках программы реконструкции и т.д. Это радикальное предложение интеграции политики в посткризисную экономику. Часть расходов будет учтена на капитальном счете, но для того, чтобы серьезно заинтересовать рынок экономией энергии в домохозяйствах, необходимы государственные субсидии, которые финансово будут конкурировать с текущими урезанными социальными расходами на государство благосостояния. Защитники более радикальных предложений по Новому экологическому соглашению будут настаивать на том, что рост инвестиций пойдет на пользу государственному финансированию в долгосрочной перспективе, но потребует изменения нынешнего общепринятого экономического мышления [NEF, 2008]. Этот важный вопрос далее здесь не рассматривается.

Однако даже если применить эту стратегию в виде срочной программы, начиная с сегодняшнего дня, многие домашние хозяйства, в особенности с низким доходом, окажутся зажатыми между растущими ценами на топливо и расходами на программы сокращения выбросов углерода в ближайшее десятилетие и даже дольше (в Великобритании сейчас 25 млн жилищ, большая часть которых использует энергию неэффективно). Таким образом, потребуются какая-либо форма пролонгированной компенсации как с точки зрения справедливости, так и для предотвращения возникновения политической оппозиции. Это может повлечь за собой необходимость расчета специального индекса цен с учетом низкого дохода, чтобы учесть регрессивный эффект повышающихся цен на электроэнергию для домашнего пользования. Темпы инфляции в Великобритании за последние 11 лет (с 2000 по 2010 гг.) оказываются более высокими в нижней квинтильной группе: 3,4% по сравнению с 2,9% в верхнем дециле [IFS, 2011]. Особенно это заметно в 2006 и 2008 гг., когда взлетели цены на газ и электричество (на 31% и на 52% соответственно в 2008 г.). Центральные прогнозы ДЭИК по повышению расходов на топливо, упомянутые выше, приведут к росту инфляции для малоимущего населения,

несмотря на то что домашние хозяйства с более низким доходом демонстрируют большую ценовую эластичность, чем домохозяйства с высоким доходом. Другими словами, потребление, скорее всего, снизится с повышением расходов. Тем не менее с началом эры стабильно повышающихся цен на нефть и еду потребуются отдельный индекс роста цен для домохозяйств с низким доходом, пенсионеров и рабочих с минимальной заработной платой.

Другой формой псевдокомпенсации может быть регулировка тарифов на энергию для различных домохозяйств и групп с разным доходом. Это можно сделать с помощью введения социальных тарифов на энергию путем снижения предельной себестоимости изначальных единиц потребления электричества, газа или нефти и повышения предельной себестоимости последующего потребления. Таким образом, будет установлен компонент «первичной потребности» в минимальном расходе энергии для домашнего потребления и введен элемент выбора соответствующего пакета при последующем потреблении, что будет уже прогрессивно по существу. Британская служба по газовому и электроэнергетическому рынкам [Ofgem, 2009] смоделировала схему, по которой цена электричества за первые 2000 кВт/ч в год ниже, а затем резко поднимается. Это прогрессивный вариант, и он позволяет наложить ценовые ограничения на домашние хозяйства с большим количеством пользователей. Хотя этот вопрос уже поднимался КИК [ССС, 2008], подобное решение потребует радикального изменения ценовых политик и регулирования частных коммунальных предприятий, что повернет вспять либерализацию и дерегулирование, происходившие последние 30 лет.

Заключение

Существующие подвижки в сторону низкоуглеродной (экологически чистой) экономики обостряют неравенство в распределении, особенно в таких странах как Великобритания, где расходы ложатся на поставщиков энергии, которые далее перекладывают их на потребителей в домашних хозяйствах. Лучшие компенсационные меры не могут защитить всех пострадавших с низким доходом, даже если бы социальные льготы предоставлялись с учетом индексации тарифов для потребителей с низким доходом. Более радикальные подходы, такие как социальная тарификация электроэнергии, потребуют делиберализации рынков электроэнергии. Основопологающей мерой становятся значительные экосоциальные инвестиции для модификации и совершенствования энергоэффективности домашних хозяйств, но подобная программа во времена финансовой напряженности может составить конкуренцию существующим государственным расходам на социальное обеспечение.

ПОСТ-КИТО: ОТ ПРОИЗВОДСТВА К ПОТРЕБЛЕНИЮ

Но это только половина истории. Киотский протокол затрагивает лишь выбросы углекислого газа и парниковых газов внутри государств. Однако глобализация способствовала увеличению разницы между прямыми выбросами и выбросами парниковых газов, связанными с потреблением. (В данном случае под потреблением понимаются все статьи расходов ВВП, включая государственное потребление и инвестиции). В *таблице 1* я сравниваю свои

Таблица 1. Сравнение объемов выбросов, связанных с производством и потреблением в Великобритании

Великобритания, 2006 г.	Выбросы CO ₂			Выбросы всех парниковых газов CO _{2e}		
	связанные с производством	связанные с потреблением	разница	связанные с производством	связанные с потреблением	разница
Весь объем выбросов	551mT	733mT	+182mT	650mT	984mT	+334mT
Выбросы на душу населения	9,1T	12,1T	+3,0T	10,7T	16,2T	+5,5T

Источники: Production-based: DECC, UK Greenhouse Gas Emissions 1990-2009, Table 1: headline results. http://www.decc.gov.uk/en/content/cms/statistics/climate_change/gg_emissions/uk_emissions/2009_final/2009_final.aspx, по данным на 11 июня 2011 г.; Consumption-based: Stockholm Environment Institute, Biology Department, University of York, Footprint Results from BRIO model, октябрь 2009 г., <http://www.resource-accounting.org.uk/downloads>, по данным на 11 июня 2011 г.

подсчеты по этим двум показателям в Великобритании за 2006 г. Большие расхождения очевидны: выбросы углекислого газа на 33% выше, когда учитывается оффшорное производство потребленных товаров. Цифра близка к 37-процентному разрыву, о котором сообщается в отчете ОЭСР за 2000 г. [Nakano et al., 2009:22]. Таблица также демонстрирует, что объем связанных с потреблением выбросов всех парниковых газов на 51% выше, чем производство этих газов (такой разрыв является одним из самых больших на планете).

Согласно Д. Хельму и его коллегам [Helm et al., 2007], эти данные переворачивают наше представление об успехе Великобритании в борьбе с парниковым эффектом. Официальная британская статистика заявляет, что выбросы парниковых газов сократились на 15% с 1990 г., однако выбросы газов, связанные с потреблением, увеличились на 19% за тот же период (также см. [Nakano et al., 2009]. Часть так называемого успеха Соединенного Королевства достигнута за счет переноса производств в развивающиеся страны. С другой стороны, сильнейшее увеличение выбросов в Китае является следствием производства товаров для экспорта на Север. Неудивительно, что усиливается критика Киотского протокола, учитывающего только производственные выбросы. Нам следует расширить анализ, чтобы учесть влияние всех выбросов парниковых газов, прямое и косвенное. «Любые изменения в понимании ответственности за выбросы, связанные с торговлей, смогут кардинально перестроить методы оценки национальных мер против изменения климата» [Christoff and Eckersley, 2011:433].

Выбросы парниковых газов от домашнего потребления в странах Севера

Выбросы, связанные с потреблением газов в Великобритании в 2006 г., в среднем составляли 33,2 т углекислого газа на одно домашнее хозяйство, согласно данным ПАРЭ (табл. 2 и рис. 3)¹². В расчете на душу населения средняя семья

¹² Программа анализа ресурсов и энергии Стокгольмского института изучения окружающей среды — это компьютерная программа ввода-вывода данных, которая рассчитывает экологическое влияние, связанное с потреблением. *Примеч. автора.*

Таблица 2. Выбросы, связанные с потреблением

Сектор	На душу населения, средние		На семью, средние		На взрослого человека, средние	
	тонны	процент	тонны	процент	тонны	процент
Прямые выбросы	2,71	20,2	5,71	19,8	2,88	20,2
Непрямые выбросы	10,69	79,8	23,19	74,0	11,39	79,8
Домашняя энергия и коммунальные услуги	3,98	26,2	8,17	24,6	4,23	25,9
Еда	2,07	13,6	4,54	13,7	2,21	13,5
Потребительские товары	1,83	12,1	4,07	12,2	1,96	12,0
Частные услуги	1,68	11,1	3,73	11,2	1,81	11,1
Транспорт	3,78	24,9	8,39	25,2	4,04	24,7
Общественные услуги	1,78	11,7	4,26	12,8	2,02	12,4
Всего выбросов и пр. *	15,18	100,0	33,22	100,0	16,35	100,0

Примечание. * Общее количество выбросов включает выбросы, связанные с другими, отдельно не выделенными в таблице статьями потребления.

Источник: Gough et al., 2011:9.

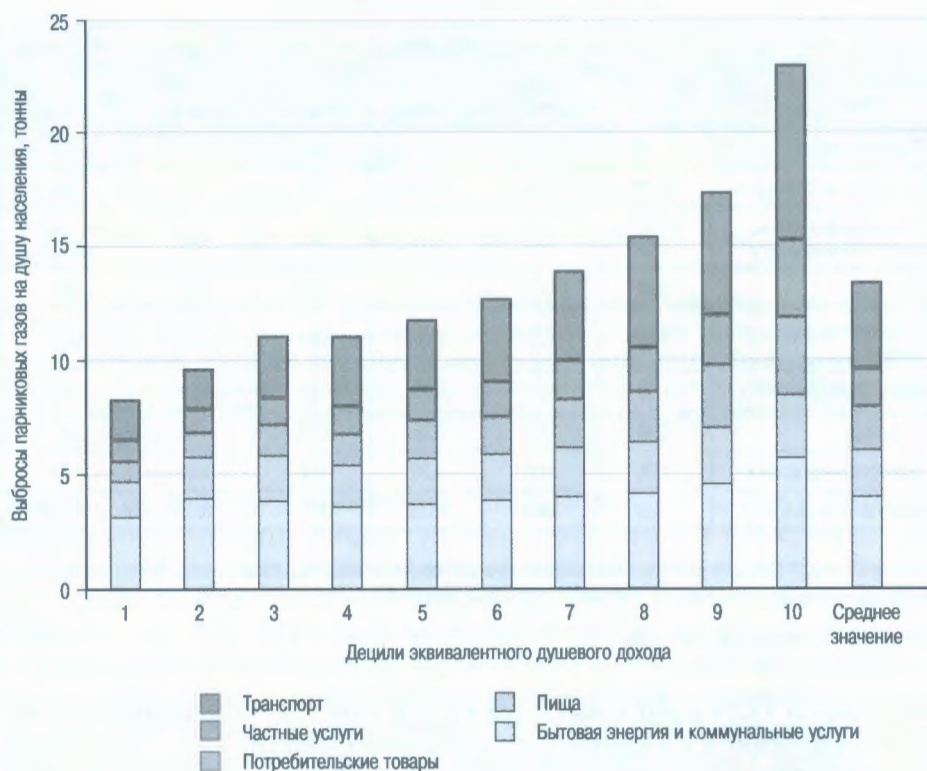
выбрасывает 15,2 т парниковых газов в год. В этом объеме загрязнения, имеющие отношение к организациям сферы общественных услуг (в основном здравоохранение и образование), составляют 1,8 т, а к бытовым нуждам — 13,4 т газов. Таблица также показывает разрыв между основными пунктами частных расходов. Видно, что прямые выбросы — использование энергии дома, бензин, дизельное топливо — составляют лишь 20% потребительских выбросов. На круговой диаграмме отмечены доли типов выбросов, связанных с основными категориями потребительских расходов (рис. 3).

Рисунок 3. Выбросы, связанные с потреблением

Источник: Gough et al., 2011:9

Рисунок 4. Распределение домашних выбросов по доходам (Великобритания)

Тогда каким образом выбросы, связанные с потреблением, распределяются внутри Великобритании? Здесь я привожу несколько результатов из более крупного исследования¹³. Были объединены две базы данных: правительственное «Обследование расходов и потребления продуктов питания» (ОРППП) за 2006 г. и Программа анализа ресурсов и энергии (ПАРЭ). Соединив категории расходов ОРППП с категориями Классификации индивидуального потребления по целям (КИПЦ), использованными в данных СИИОС, я смог вычислить среднее значение выбросов на одну семью для каждой категории КИПЦ¹⁴.

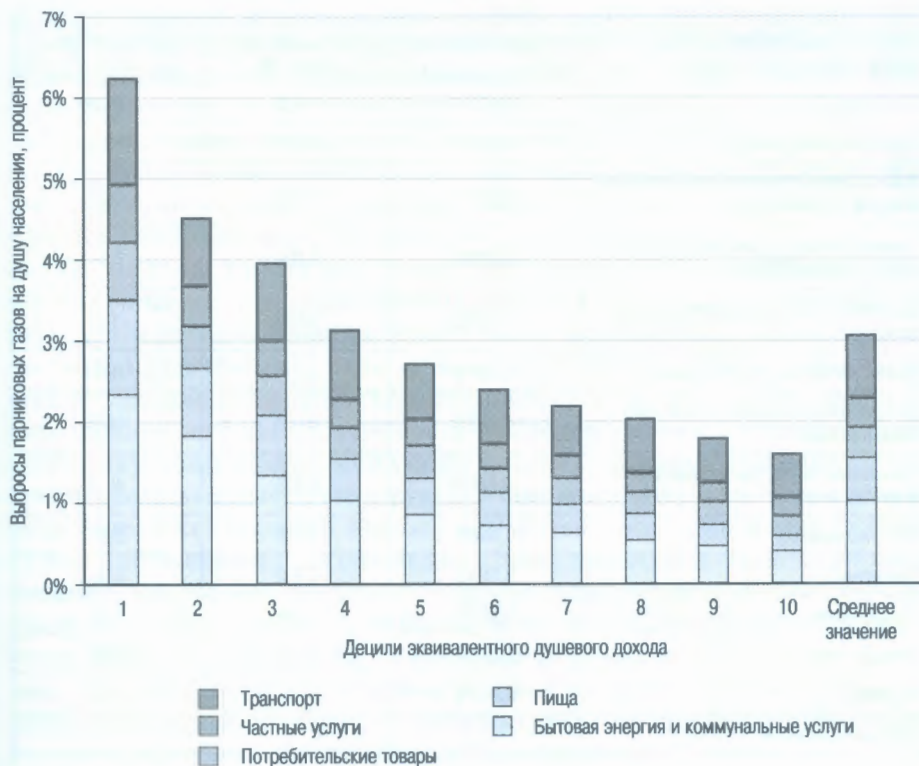
Рисунок 4 представляет распределение всех осуществленных эмиссий газов в домохозяйствах по величине душевых доходов, рассчитанных с применением шкалы эквивалентности¹⁵. Выбросы увеличиваются в соответствии

¹³ Подробнее см.: Gough et al., 2011, а также Baiocchi et al., 2010; данные по Нидерландам — Vringer and Blok, 1995; данные по США — Weber and Matthews, 2008.

¹⁴ Вычисленные таким методом данные рассчитаны на одно домашнее хозяйство/семью. Значения на душу населения были вычислены делением показателя домашнего хозяйства на средний размер каждого типа домашнего хозяйства из каждого дециля по заработной плате. Дети учитывались наравне со взрослыми.

¹⁵ Шкала эквивалентности — инструмент для измерения уровня жизни домохозяйств, позволяющий учитывать экономию в расходах от совместного проживания. Как правило, на основе анализа структуры потребления рассчитывается экономия в потреблении для каждого последующего члена домохозяйства по отношению к главе домохозяйства; причем часто используют различные корректирующие коэффициенты для членов домохозяйства разного возраста — детей, взрослых, пожилых. *Примеч. науч. ред.*

Рисунок 5. Выбросы на душу населения по секторам

с ростом доходов, особенно выдается вперед дециль с максимальными доходами, где на человека приходится на 5,7 т больше выбросов, чем в предыдущем дециле, что указывает на большую долю крупных эмитентов парниковых газов. Доходы значительно коррелируют со всеми типами выбросов, но сильнее всего с непрямыми выбросами. Сравнивая количество выбросов на человека из верхнего и нижнего децилей, мы обнаруживаем, что выбросы транспорта в 4,5 раза выше, а выбросы, связанные с частными услугами и потребительскими товарами, выше более чем в 3,5 раза; при этом доля выбросов, приходящихся на бытовую энергию и пищу, составляет всего 1,8.

Однако если мы озабочены распределительными последствиями мер по снижению выбросов углекислого газа, мы должны перейти от оценок выбросов на душу населения к удельному весу выбросов в доходах. Разделив среднее количество связанных с потреблением выбросов домашних хозяйств на средний доход домохозяйства, получаем результат — 3,1 грамма парниковых газов на один фунт доходов. Рисунок 5 разбивает полученный показатель по децилям и источникам загрязнения. Мы видим, что увеличение идет в обратную сторону. Выбросы на душу населения и все категории источников загрязнения максимальны в дециле с наименьшими доходами и снижаются с ростом доходов: нижний дециль производит в 4 раза больше выбросов, чем верхний. Таким образом, неравенство доходов между децилями (11:1) значительно превышает неравенство в расходах и выбросах (2,8:1).

Таблица 3. Влияние типа домохозяйства на выбросы на душу населения

Логарифм выбросов парниковых газов на душу населения	Коэффициенты	Стандартная ошибка	T-статистика
Константа	-3,12494	0,032	-96,36
Эквивалентный доход	-0,00086	0,000	-43,29
Домохозяйства с двумя и более людьми в возрасте более 60 лет	-0,13555	0,023	-5,90
Домохозяйства с одним человеком в возрасте менее 60 лет	0,02588	0,032	0,81
Домохозяйства из двух взрослых без детей	-0,12882	0,029	-4,38
Домохозяйства родителей-одиночек	-0,36312	0,036	-10,21
Домохозяйства с двумя и более взрослыми и детьми	-0,42225	0,030	-14,23
Домохозяйства с тремя и более взрослыми без детей	-0,27472	0,033	-8,26
Частично занятые	0,13416	0,024	5,51
Пенсионеры	0,13873	0,028	5,02
Самозанятые	0,20633	0,024	8,77
Безработные	0,35095	0,048	7,26
Незанятые	0,31779	0,022	14,13
Скорректированный $R^2 = 0,421$			

Доля выбросов на фунт уменьшается по мере того, как мы двигаемся от самого бедного к наиболее обеспеченному децилю: быстрее для категорий домашней энергии, коммунальных услуг и еды (6:1), чем для категорий товаров потребления и услуг (3:1) и транспорта (2,5:1). Это демонстрирует то, что первые являются необходимыми расходами с более низкой эластичностью спроса по доходам.

Другие переменные (по ним мы имеем информацию), влияющие на объем индивидуальных выбросов, включают размер и тип домашнего хозяйства, тип собственности / аренды жилья, статус занятости и часы работы референтного представителя домашнего хозяйства¹⁶. Чтобы конкретизировать вклад этих факторов, мы обратились к многомерному анализу, используя логарифм выбросов на душу населения как зависимую переменную. Наиболее подходящая модель представлена в таблице 3 (см. подробнее: [Gough et al., 2011]). В ней приведены всего три значимые переменные — доход, тип домашнего хозяйства и статус занятости — при скорректированном $R^2 = 0,42$, что является приемлемым показателем в пространственном анализе.

Коэффициент доходов является наиболее влиятельным фактором: увеличение эквивалентного дохода на 100 фунтов в неделю, или 5 тыс. фунтов в год, приводит к сокращению выбросов (как доли доходов) на 8,6%. Тип домашнего хозяйства также является значимым: одиночки любого возраста

¹⁶ Имеется в виду глава домашнего хозяйства или — если глава домохозяйства не занят — основной кормилец семьи. *Примеч. науч. ред.*

производят больше парниковых газов на человека, затем следуют хозяйства из двух человек, затем большие семьи — в связи с отсутствием экономии масштабов потребления. Статус занятости референтного представителя домашнего хозяйства также является значимым: все три группы неработающих — пенсионеры, безработные и незанятые — демонстрируют более высокую долю выбросов в доходах по сравнению с домохозяйствами, где глава семьи занят на полную ставку. Смысл этой регрессии заключается в том, что любое увеличение стоимости углерода сильнее всего скажется на домохозяйствах с низким доходом, одиноких людях и домохозяйствах неработающих.

Данные этого анализа подтверждают, но корректируют выводы, полученные ранее по статистике прямых выбросов. Все виды потребительских расходов, а вслед за ними выбросы, растут по мере увеличения доходов, но более медленными темпами, чем доходы. Эластичность выбросов для всех исследованных крупных категорий составляет меньше единицы. Таким образом, любой рост стоимости углеродов, распространенный на всю экономику, наносит больший ущерб семьям с низкими доходами. Однако степень регрессивности варьируется в соответствии с категорией личных потребительских расходов. Расходы на домашнюю энергию и еду и выбросы от них пропорционально составляют более высокую долю доходов внизу доходной шкалы, чем расходы и выбросы от транспорта, потребительских товаров и частных услуг. Если бы был найден способ повысить стоимость углерода и парниковых газов, заложенную в производство потребительских товаров и услуг, то результат продолжал бы быть регрессивным, но не таким регрессивным, как при современной политике, заключающейся прежде всего в повышении цен на домашний газ и электричество.

Мы также обнаружили, что дисперсия косвенных выбросов по группам с разным уровнем доходов меньше, чем дисперсия прямых выбросов. Необходимо помнить, что значительная вариация между домохозяйствами в величине выбросов внутри страны делает компенсацию очень трудной. Наши результаты позволяют предположить, что было бы легче и более эффективно компенсировать семьям последствия роста цен на углерод, что всегда влечет увеличение стоимости всей потребительской корзины.

Последствия для социальной политики

Существуют ли способы согласовать задачи уменьшения количества углерода и социального равенства с учетом всех связанных с потреблением выбросов? Все политические альтернативы, о которых шла речь в предыдущем разделе статьи, имеют отношение к прямым выбросам углекислого газа и упускают значительно более обширный пласт косвенных выбросов, связанных со всем объемом личного потребления.

Если мы хотим охватить все парниковые газы, используя экономические стимулы, то перед нами открываются два пути: расширить налоги на выбросы и применить механизмы торговли эмиссионными разрешениями (квотами) на выбросы, такие как Система торговли квотами на выбросы в Европейском Союзе (СТКВ — ETS), охватывающие все источники выбросов в экономике и все основные парниковые газы. Различные предложения по налогообложению выбросов могут принести более справедливые результаты, но здесь многое зависит от того, как расходуются поступления, и от того,

насколько широка база налогообложения — включение в этот список авиации особенно повышает прогрессивность меры (Комиссия по «зеленому» налогообложению / Green Fiscal Commission 2009). Если мы всерьез хотим отследить и сдержать потребление углекислого газа в стране, а не только его производство, потребуются наложение штрафов или введение налогов на содержание углекислого газа во всех импортируемых товарах. СТКВ (ETS) применяется на всей территории Европейского Союза и может помешать исключить основные пробелы в подсчете выбросов в 27 странах-членах ЕС. Однако эта организация не может помешать экспорту выбросов за пределы Союза. Для того чтобы противостоять этому, нужно «выровнять границы». Здесь затрагиваются важные темы, которые мы не можем осветить в рамках данной статьи. Однако совместный отчет Программы ООН по окружающей среде и Всемирной торговой организации [UNEP-WTO, 2009] положительно оценил приемлемость пограничных мер, чтобы выровнять игровую площадку для компаний, выплачивающих национальные налоги на выбросы или энергоносители, и компаний-импортеров, которые не подчинены столь строгим порядкам.

Неспособность существующей политики сократить выбросы, включенные в высокий уровень потребления обществ Севера, означает, что в будущем необходимы еще более радикальные меры. Осмелюсь предположить, что эти меры потребуют открыто и напрямую интегрировать цели по смягчению изменений климата и обеспечению социальной справедливости. Здесь мы рассматриваем три варианта: индивидуальные квоты на выбросы, уменьшение рабочего времени, налогообложение потребления и доходов.

Установление индивидуальных квот на выбросы и торговля этими квотами / Personal carbon allowances and trading (ТИКВ — PCAT)¹⁷ позволят напрямую решить дилемму распределения через введение на институциональном уровне универсальных норм на выбросы и торговлю квотами. Имеется множество разнообразных предложений в этой области, но все они повлекут ограничения общенационального допустимого объема выбросов, который с каждым годом уменьшается, и разделение этого объема на равные ежегодные квоты для каждого взрослого резидента (обычно с уменьшенной квотой на каждого ребенка) [Комитет по экологическому аудиту / Environmental Audit Committee, 2008; Fawcett and Parag, 2010]. В результате возникают два стандарта учета и валюты — энергия имеет денежную стоимость и углеродную стоимость. Те, кто производит углекислого газа меньше, чем среднее значение, может продавать эту разницу и получать прибыль. Те, кто производит больше допустимого, будет платить по рыночной стоимости за перерасход. Юристы видят здесь множество преимуществ: механизмы ТИКВ, включающие в себя домашнюю энергию, автомобильное топливо и авиаперелеты, будут в сред-

¹⁷ В отличие от традиционных механизмов торговли эмиссионными квотами, которые применяются к предприятиям, здесь предлагается устанавливать квоты на выбросы, осуществляемые взрослыми индивидами / домохозяйствами. Каждый взрослый житель страны получает в рамках национальных углеродных бюджетов кредиты на выбросы, которые он затем передает, покупая сырье для отопления, электричество или бензин. Индивиды, которым по каким-либо причинам требуется осуществить объем выбросов, превышающий установленные лимиты (купить больше топлива, например), получают возможность купить дополнительные кредиты у тех, кто производит меньше выбросов, чем разрешается государством. Подробнее см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Personal_carbon_trading. *Примеч. науч. ред.*

нем достаточно прогрессивной мерой, которая воплотит в жизнь требуемое нормирование углекислого газа, а также может повлечь быстрые изменения поведения. Предложенную схему можно реализовать путем введения индивидуальных углеродных карт и «умных» (смарт) счетчиков учета электроэнергии, газа, тепла и т.п.¹⁸, хотя не стоит недооценивать административные трудности. В итоге возникнет углеродный аналог идеи базового дохода, в рамках которой каждый гражданин имеет право на безусловный регулярный доход в размере, близком к прожиточному минимуму [van Parijs, 1992]. Это может иметь те же преимущества благодаря перераспределению дохода, одновременно не искажая мотивацию к труду. На самом деле это будет иметь даже большую легитимность, чем базовый денежный доход.

ТИКВ станет прогрессивной по своей сути мерой и таким образом справится с дилеммой распределения, свойственной регулируемым рынкам и налогообложению выбросов. Однако эта система решает далеко не все вопросы справедливости; например, не учитываются потребности граждан, живущих в энергетически малоэффективных или не полностью заселенных домах, зависящих от постоянных поездок на автомобиле или имеющих иные особые потребности. Слишком большое количество исключений из общей системы квот может подорвать весь механизм, но и слишком малое число исключений обеспечит лишь приблизительное равенство, что может лишить эту идею общественной поддержки (в дополнение к политическим рискам этого откровенно перераспределительного проекта). По этим и другим причинам правительство Великобритании в 2008 г. отказалось от намерения протестировать схему. Ряд недавних исследований показал, что схема подходит в качестве основы для долгосрочного стабильного уменьшения выбросов углекислого газа способами, которые недостижимы для других политических решений. Однако интеграция плана в существующую политическую реальность, в особенности в торговлю квотами наподобие СТКВ (ETS), поднимает сложные вопросы, которые отличаются в каждой стране из-за различий в энергетических ресурсах, транспортной инфраструктуре и других факторах [Fawcett and Parag, 2010]. Кроме того, ТИКВ адресовано только бытовым и транспортным выбросам. Сложно представить, как расширить схему, чтобы включить углеродную составляющую товаров из супермаркета и несметного числа услуг, процветающих в современной экономике. Она не сможет адекватно учесть широкий спектр выбросов, связанных с потреблением, о которых мы здесь говорили.

Второе радикальное политическое решение состоит в том, чтобы сократить продолжительность рабочего времени, а вслед за ними доходы, расходы, потребление и выбросы. За последние два десятилетия доминирующая активационная политика ЕС была направлена на увеличение доли населения трудоспособного возраста в оплачиваемой занятости. Предлагаемая мера обладает обратным эффектом. Существуют два потенциальных мостика между сокращением рабочего времени и сокращением выбросов углекислого газа. Первый — прямой эффект от снижения доходов и расходов. Второй —

¹⁸ «Умные» электронные счетчики учета электроэнергии, газа и пр. регулярно отслеживают потребление учитываемой услуги (например, каждый час) и передают эти данные в специальный центр сбора информации для целей мониторинга и формирования счетов на оплату указанных услуг. Подробнее см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Smart_meter. *Примеч. науч. ред.*

открывающийся потенциал для развития домашнего производства, чтобы компенсировать меньшие объемы товаров широкого потребления, при этом предполагается, что домашнее производство по разным причинам будет выбрасывать меньше углекислого газа. На данный момент нет достаточного количества ясных подтверждений этому (см. ниже и [NEF, 2010]). Некоторые недавние исследования продемонстрировали достижимость уменьшения выбросов при сокращении рабочего времени до 30 часов в неделю на длительный срок [Näsén and Larsson, 2011] или на 20% [Pullinger, 2011]. Пуллингер также обнаружил, что сокращение домашних выбросов на 4–6% наблюдается в основном в группах с высокими доходами.

Если мы предполагаем, что производительность труда постоянно растет, то это должно сопровождаться увеличением свободного времени, а не уровня потребления. В 2003 г. среднее количество рабочих часов за год составляло 1817 в США и 1429 в Нидерландах, хотя два десятилетия назад этот показатель был практически одинаков. При прочих равных условиях Нидерланды использовали выигрыш от роста производительности труда более экологичным способом, чем США. Аналогичная идея проиллюстрирована в моделировании гипотетической политики по уменьшению выбросов в США до 2050 года исследователями из группы Йоргенсона [Jorgenson et al., 2010]. По их расчетам, подобные политические меры уменьшат реальный ВВП США на 4,1% (по сравнению с обычным уровнем бизнеса), но конечное потребление домашних хозяйств, куда входит объем выбросов, произведенных отдыхающими от работы, сократилось бы только на 0,3%.

Несколько стран инициировали эксперименты по сокращению рабочих часов. В 2000–2008 гг. французское правительство работало максимум 35 часов в неделю, что не имело исключительно негативных последствий, какие часто приписываются этой политике [Fagnani and Letablier, 2004]. Нынешняя Бельгийская программа кредитования времени¹⁹ позволяет работникам накапливать права на перерывы в карьере и т.п. Более радикальные предложения были выдвинуты Новым экономическим фондом [NEF, 2010] и Ж. Шор [Schor, 2011]. Такой сдвиг в политике вызовет новые проблемы распределения, включая риск увеличения бедности среди низкооплачиваемых работников и сопротивление профсоюзов сокращению оплаты труда у всех категорий работников с разными уровнями доходов. Кроме того, учитывая, что группы с высокими зарплатами смогут легче перейти на сокращенные часы без негативных последствий, другим следствием станет неравенство в доступности времени. Уже сегодня существуют свидетельства, что некоторые бедные семьи испытывают одновременно нехватку доходов и нехватку времени [Burchardt, 2008]. Если просто ввести сокращение рабочего времени в массовом порядке, это ухудшит ситуацию для семей с низкими доходами.

Для того чтобы избежать увеличения неравенства в доступности времени, необходимо дополнить эту схему третьей, более традиционной (в некоторых случаях), мерой социальной политики — перераспределить потребление, доходы и богатства. Есть несколько аргументов, почему глобальное потепление

¹⁹ Основной принцип этой меры состоит в том, что каждый работник может, получив компенсацию от государства, на время прекратить трудовую деятельность или сократить свое рабочее время с согласия работодателя, при условии, что его место займет человек, не имеющий никакой трудовой занятости. *Примеч. отв. ред.*

делает такую перспективу реальной: если каждого попросят отслеживать свой личный углеродный след, тогда можно будет выявить потребление богатыми людьми предметов роскоши. Поскольку богатые приобретают высокопрестижные товары, а популяризация этого формирует моду, скорректировать данные крайности представляется невероятно важным. К тому же есть свидетельства, что высокое неравенство доходов подрывает социальную солидарность, необходимую для активной государственной политики, призванной справляться с такой универсальной проблемой как изменение климата. Традиционный путь перераспределения в богатых странах приобретает большое значение в будущем, когда потребуются радикальные меры по смягчению изменений климата [Gough and Meadowcroft, 2011].

Сегодня наступили трудные времена для политической экономии перераспределения, поскольку в странах ОЭСР неравенство высоко, а группа стран, в особенности Канада, Великобритания и США, демонстрирует настолько экстремальные показатели неравенства в доходах и собственности, что, по мнению некоторых исследователей, эти страны представляют собой новую форму капитализма, называемого плутократией [Citigroup Global Markets, 2005]. Согласно Дж. Хэкеру и П. Пирсону [Hacker and Pierson, 2010], политическая система США была захвачена сверхбогатыми, что затрудняет изменение политического курса. Тем не менее я продолжаю верить, что системные противоречия в углеродоемком и финансиализированном²⁰ капитализме растут [Gough, 2010]. Надежда на «зеленое» развитие реальна тогда, когда политическая коалиция, созданная на принципах развития с низким использованием углерода, энергетической безопасности и стабильности, сможет обеспечить долгосрочный импульс для новой индустриальной революции, способной сохранить одновременно будущее планеты и социальную справедливость [Gough, 2011].

Заключение

В пост-Киотском мире совокупное потребление процветающих стран следовало бы ограничить, а требуемое сокращение выбросов — сделать вдвое большим, чем поставленная сегодня цель сократить их на 80% до 2050 г. Если в таком мире должна быть решена дилемма двойной несправедливости (в странах Севера), то потребуются принципиально иная система благосостояния, способная интегрировать перераспределение углерода и работы/времени, доходов/богатства [NEF, 2010]. Сегодня эти вопросы в основном изучаются, а меры разрабатываются в рамках отдельных сфер, однако так не должно быть. Развитие этого сценария уводит меня за пределы данной статьи. Требуется новая экономическая модель, соединяющая экономическую деятельность и меры обретения общего благосостояния и стабильности, радикально отличные от таких показателей измерения производительности как ВВП [Stiglitz et al., 2009].

²⁰ Процесс финансиализации описывает такую экономическую систему, в которой любой произведенный товар или услуга превращаются в разного вида финансовые инструменты, что приводит к доминированию финансовых рынков над традиционной промышленной экономикой. Следовательно, процесс финансиализации помимо самого финансового сектора затрагивает товарные рынки, домохозяйства, корпоративный и государственный сектор. *Примеч. отв. ред.*

Государства благосостояния второй половины XX века процветали в двух благоприятных контекстах. Во-первых, это были растущие государства, где постоянное увеличение национального продукта обеспечивало увеличение доходов для финансирования социальных программ. Во-вторых, на рубеже столетий усиление глобализации и рост объема импорта товаров из стран с дешевой рабочей силой позволили экспортировать углеродные выбросы и радоваться большому сокращению выбросов парниковых газов. Мир с более низкими темпами развития на Севере и растущим протестом, требующим скорректировать меры по сокращению выбросов, поставит основополагающие вопросы перед политической экономией государств благосостояния в XXI веке. Наверняка можно утверждать лишь то, что они потребуют значительно более глубоких форм интеграции государственной политики, инновационным образом сочетающей экономические, социальные и экологические цели и политические решения [Gough, 2011].

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

В начале этой статьи указываются три уровня, на которых можно обнаружить двойную несправедливость, вызванную изменением климата: между народами на глобальном уровне, внутри развитых стран и внутри развивающихся стран. Я сосредоточился на втором уровне, но мои доказательства имеют значение и для первого, а в особенности для третьего уровня.

Двойная несправедливость, конечно, сохраняется на глобальном уровне, что подтверждается отказом США и Канады в Дурбане поддержать значимые институциональные изменения. Но быстрый темп роста государств Азии и других стран с развивающейся рыночной экономикой (РРЭ) за последние два десятилетия, наряду с серьезными дефляционными перспективами в большей части стран Севера, указывает на новую эру намерстывания упущенного и необходимости конвергенции уровней доходов — относительной, если не абсолютной. Это будет справедливо и для потребления выбросов. Это означает, что большая часть выбросов, произведенных в таких странах, как Китай и других государствах с РРЭ, будет потреблена внутри их границ вместо того, чтобы повлечь за собой выгоду для потребителей Севера. Международное неравенство начинает сокращаться [Therborn, 2011], и это отражается в снижении объемов международного распределения выбросов.

Однако неравенство внутри стран продолжает возрастать, и это можно наблюдать в большинстве как бедных, так и богатых стран. Таким образом, вопросы, поднятые в данной публикации, имеют прямое значение в отношении двойной несправедливости в развивающихся странах. Так как Китай и другие страны готовятся к участию в пост-Киотской институциональной структуре регулирования выбросов ПГ, необходимо убедиться, что весь углеродный груз и другие сокращения не отразятся неблагоприятным образом на беднейшей части населения. Например, за последние десять лет доходы беднейшей пятой части населения Индии вряд ли возросли, а пугающе большое количество детей, имеющих недостаточный вес, не сократилось. Вряд ли эти группы населения имеют отношение к быстро увеличивающемуся объему выбросов в Индии; но прежде всего необходимо это проверить — провести похожее исследование распределения выбросов по уровню дохода,

составу домашних хозяйств и по другим соответствующим показателям в странах Юга. После того как это будет сделано, следующим необходимым шагом станет моделирование распределительного влияния различных мер по ограничению выбросов ПГ. Такое исследование может основываться на примере опыта развитых стран, представленного в данной публикации. Без подобного комплексного исследования существует опасность, что при преследовании целей создания «зеленой» экономики и устойчивого развития не будет уделено должного внимания вопросам социального измерения и человеческого развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КИК/ CCC	Комитет по изменению климата / Committee on Climate Change
ПСТВ/ CMP	Политика сокращения выбросов углерода / Carbon mitigation policy
CO ₂	Углекислый газ / Carbon dioxide
CO _{2e}	Углекислый газ и его эквиваленты среди парниковых газов / Carbon dioxide and its equivalent in greenhouse gases
ПГ/ GHGs	Парниковые газы / Greenhouse Gases
КИПЦ / COICOP	Классификация индивидуального потребления по целям / Classification of Individual Consumption by Purpose
ДЭИК/ DECC	Департамент по энергетике и изменению климата/ Department of Energy and Climate Change
ОРППП/ EFS	Обследование расходов и потребления продуктов питания / Expenditure and Food Survey
РРЭ / EME	Развивающаяся рыночная экономика / Emerging economy
СТКВ/ETS	Система торговли квотами на выбросы / Emissions Trading System
ЕС/ EU	Европейский Союз
ВВП/ GDP	Валовый внутренний продукт / Gross domestic product
Млн т/ Mt	Миллионы тонн / Millions of tonnes
ОЭСР/ OECD	Организация экономического сотрудничества и развития / Organisation for Economic Development and Co-operation
ТИКВ/PCAT	Торговля индивидуальными квотами на выбросы / Personal carbon allowances and trading
ПАРЭ/ REAP	Программа анализа ресурсов и энергии / Resources and Energy Analysis Programme
СИИОС/ SEI	Стокгольмский институт изучения окружающей среды / Stockholm Environment Institute
UK	Великобритания / United Kingdom
ЮНЕП/ UNEP	Программа Организации Объединенных Наций (ООН) по окружающей среде / United Nations Environment Programme
РКИК ООН / UNFCCC	Рамочная конвенция ООН по изменению климата / United Nations Framework Convention on Climate Change
США/ US	Соединенные Штаты Америки / United States
НДС/ VAT	Налог на добавленную стоимость / Value added tax
ВТО/ WTO	Всемирная торговая организация / World Trade Organization

ЛИТЕРАТУРА

Baiocchi, G., J. Minx and K. Hubacek. 2010. "The impact of social factors and consumer behavior on carbon dioxide emissions in the United Kingdom." *Journal of Industrial Ecology*, Vol. 14, No. 1, pp. 50–72.

Benzie, M., A. Harvey, K. Burningham, N. Hodgson and A. Siddiqi. 2011. *Vulnerability to Heat Waves and Drought: Case Studies of Adaptation to Climate Change in South-West England.* Joseph Rowntree Foundation. www.jrf.org.uk/sites/files/jrf/climate-change-adaptation-full.pdf. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

Bowen, A. and J. Rydge. 2011. *Climate Change Policy in the UK.* OECD Policy Paper, ECO/WKP (2011) 000. OECD, London.

Büchs, M., N. Bardsley and S. Duwe. 2011. "Who bears the brunt? Distributional effects of climate change mitigation policies." *Critical Social Policy*, Vol. 31, No. 2, pp. 285–307.

Burchardt, T. 2008. *Time and Income Poverty.* CASE report No. 57. London School of Economics, London.

Christoff, P. and R. Eckersley. 2011. "Comparing state responses". In J. S. Dryzek, R. B. Norgaard and D. Schlosberg (eds.), *Oxford Handbook of Climate Change and Society.* Oxford University Press, Oxford.

Citigroup Global Markets Inc. 2005. *Plutonomy: Buying Luxury, Explaining Global Imbalances.* http://killwallstreet.com/citigroup/plutonomy_Buying-Luxury_Explaining-Global-Imbalances.pdf. Дата обращения: декабрь 2011 г.

CCC (Committee on Climate Change). 2010. *The Fourth Carbon Budget — Reducing Emissions Through the 2020s.* Her Majesty's Stationery Office (HMSO), London. —. 2008. *Building a Low-Carbon Economy — The UK's Contribution to Tackling Climate Change.* Her Majesty's Stationery Office (HMSO), London.

DECC (Department of Energy and Climate Change). 2010. *Estimated Impacts of Energy and Climate Change Policies on Energy Prices and Bills.* Her Majesty's Stationery Office (HMSO), London.

Dresner, S. and P. Ekins. 2006. "Economic instruments to improve UK home energy efficiency without negative social impacts." *Fiscal Studies*, Vol. 27, No. 1, pp. 47–74.

Druckman, A. and T. Jackson. 2008. "Household energy consumption in the UK: A highly geographically and socio-economically disaggregated model." *Energy Policy*, Vol. 36, pp. 3177–3192.

Environmental Audit Committee. 2008. *Personal Carbon Trading.* House of Commons. 5th Report, London.

Fagnani, J. and M. Letablier. 2004. "Work and family life balance: The impact of the 35-hour laws in France." *Work, Employment and Society*, Vol. 18, No. 3, pp. 551–572.

Fankhauser, S. 2010. "The costs of adaptation". *Interdisciplinary Reviews of Climate Change*, Vol. 1, pp. 1757–1780.

Fawcett, T. and Y. Parag. 2010. "An introduction to personal carbon trading." *Climate Policy*, Vol. 10, pp. 329–338.

Foresight Report. 2011a. *International Dimensions of Climate Change.* Government Office for Science, London — 2011b. *Migration and Global Environmental Change.* Government Office for Science, London.

Gough, I. 2011. *Climate Change and Public Policy Futures.* A report prepared for the British Academy, London — 2010. "Economic crisis, climate change and the future of welfare states". 21st Century Society: *Journal of the Academy of Social Sciences*, Vol. 5, pp. 51–64.

Gough, I., S. Abdallah, V. Johnson, J. Ryan-Collins and C. Smith. 2011. *The Distribution of Total Embodied Greenhouse Gas Emissions by Households in the UK, and Some Implications for Social Policy.* CASE Paper No. 152, Centre for the Analysis of Social Exclusion. London School of Economics, London.

Gough, I. and J. Meadowcroft. 2011. "Decarbonising the welfare state." In John S. Dryzek, Richard B. Norgaard and David Schlosberg (eds.), *Oxford Handbook of Climate Change and Society*. Oxford University Press, Oxford.

Gough, I., J. Meadowcroft, J. Dryzek, J. Gerhards, H. Lengfeld, A. Markandya and R. Ortiz. 2008. "Climate change and social policy: A symposium". *Journal of European Social Policy*, Vol. 18, pp. 325–344.

Green Fiscal Commission. 2009. *The Case for Green Fiscal Reform*. GFC, London.

Hacker, J. and P. Pierson. 2010. *Winner-Take-All Politics*. Simon and Schuster, New York.

Helm, D., R. Smale and J. Phillips. 2007. *Too Good to be True? The UK's Climate Change Record*. www.dieterhelm.co.uk/sites/default/files/Carbon_record_2007.pdf. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

Hills, J. 2011. *Fuel Poverty: The Problem and its Measurement*. Interim Report. CASE Report 69, Centre for the Analysis of Social Exclusion, London School of Economics, London.—. 2009. "Future pressures: Intergenerational links, wealth, demography and sustainability." In John Hills, Tom Sefton and Kitty Stewart (eds.), *Towards a More Equal Society? Poverty, Inequality and Policy since 1997*. Policy Press, Bristol.

IFS (Institute for Fiscal Studies). 2011. *The Spending Patterns and Inflation Experience of Low-Income Households over the Past Decade*. IFS Commentary C119. Institute for Fiscal Studies, London.

IPCC (Intergovernmental Panel on Climate Change). 2007. *Climate Change 2007: Mitigation of Climate Change: Fourth Assessment Report*. Cambridge University Press, Cambridge.

Jorgenson, Dale W., Richard Goettle, Mun S. Ho, Daniel T. Slesnick and Peter J. Wilcoxon. 2010. "The distributional impact of climate policy." *B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*, Vol. 10, No. 2.

Marden, S. and I. Gough. 2011. *Fiscal Costs Of Climate Mitigation Programmes in the UK: A Challenge For Social Policy?* CASE Paper 145. Centre for the Analysis of Social Exclusion, London School of Economics, London.

Nakano, Satoshi, Asako Okamura, Norihisa Sakurai, Masayuki Suzuki, Yoshiaki Tojo and Norihiko Yamano. 2009. *The Measurement of CO2 Embodiments in International Trade: Evidence from the Harmonised Input-Output and Bilateral Trade Database*. OECD Science, Technology and Industry Working Papers, No. 3. OECD, Paris.

Näsén, J. and J. Larsson. *Would Shorter Work Time Reduce Greenhouse Gas Emissions? An Analysis Of Time Use and Consumption in Swedish Households*. Mimeo. <http://jorgenlarsson.nu/wp-content/uploads/Would-shorter-work-hours-reduce-greenhouse-gas-emissions-100326.pdf>. Дата обращения: 1 ноября 2011 г.

NEF (New Economics Foundation). 2010. *21 Hours: Why a Shorter Working Week Can Help Us All to Flourish in the 21st Century*. www.neweconomics.org/publications/21-hours, accessed on 11 June 2011.—. 2008. *A Green New Deal*. www.neweconomics.org/sites/neweconomics.org/files/A_Green_New_Deal_1.pdf. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

Ofgem (UK Office of Gas and Electricity Markets). 2009. *Can Energy Charges Encourage Energy Efficiency?* Ofgem Discussion paper. <http://www.ofgem.gov.uk/Sustainability/Documents1/Final%20discussion%20paper%2022%20July.pdf>. Дата обращения: 1 ноября 2011 г.

Pullinger, M. 2011. *Greening our Working Lives: The Environmental Impact of Changing Patterns of Paid Work in the UK and Netherlands, and Implications for Working Time Policy*. PhD thesis. Edinburgh University, Edinburgh.

Royal Society. 2010. *Climate Change: A Summary of the Science*. <http://royalsociety.org/climate-change-summary-of-science/>. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

Schor, J. 2011. *Time for a Change: The Role of Working Hours in the Transition to Sustainability*. Paper presented to RESOLVE Conference — *Living Sustainably: Values, Policies and Practices*, London, 15 June.

Stern, N. 2007. The Economics of Climate Change: The Stern Review. Cambridge University Press, Cambridge.

Stiglitz, J., A. Sen and J. Fitoussi. 2009. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

Therborn, G. 2011. "The return of class." Global Dialogue Newsletter 2.1. International Sociological Association. www.isa-sociology.org/global-dialogue/newsletters2-1/english.pdf. Дата обращения: 1 ноября 2011 г.

Thumin, J. and V. White. 2008. Distributional Impacts of Personal Carbon Trading. Centre for Sustainable Energy, Bristol.

UNDP (United Nations Development Programme). 2007. Human Development Report 2007/2008: Fighting Climate Change. Palgrave Macmillan, Basingstoke.

UNEP (United Nations Environment Programme). 2009. Global Green New Deal — A Policy Brief. www.slideshare.net/dabydeen/global-green-new-deal-policy-brief. Дата обращения: 11 июня 2011 г.

UNEP-WTO (United Nations Environment Programme-World Trade Organization). 2009. Trade and Climate Change: A Report by the United Nations Environment Programme and the World Trade Organization. WTO, Geneva.

Van Parijs, P. (ed.) 1992. Arguing for Basic Income. Verso, London.

Vringer, K. and K. Blok. 1995. "The direct and indirect energy requirements of households in the Netherlands." Energy Policy, Vol. 23, No. 10, pp. 893–910.

Walker, G. and K. Burningham. 2011. "Flood risk, inequality and environmental justice." Critical Social Policy, Vol. 31, pp. 216–240.

Weber, C.L. and H. S. Matthews. 2008. "Quantifying the global and distributional aspects of American household carbon footprint." Ecological Economics, Vol 66, pp. 379–391.

SUMMARIES

Gryaznova O., Magun V.

Europeans welfare demand and their basic values

Statistically significant correlations exist between basic values and demand for government welfare intervention both in Europe as a whole and within most of the European countries. These correlations keep intact even after controlling for social and demographic variables and type of welfare state.

Values of Conservation and Self-Transcendence promote demand for government welfare intervention and values of Openness to change and Self-Enhancement diminish it in all the countries, in all the types of welfare states and in Europe as a whole. It means that demand for government welfare intervention stems both from personal and social interest of an individual. First, government intervention is in demand from people who rely on the external help and expect assistance in their personal life (values of Conservation). Second, government intervention is in demand from people who care about others in need and wish the government to be of help to them (values of Self-Transcendence). Similarly, there are two driving motivations restraining demand for government welfare intervention. The government welfare intervention is turned down by the people who do not want to rely on others and who accept a responsibility for their own life (holders of Openness to change values) and by those who do not care about others in need and are looking for their own profit (holders of Self-Enhancement values).

The effect of Conservation and Openness values on demand for government welfare intervention is stronger in Ex-communist countries as compared to other types of welfare states, and the effect of Self-Transcendence and Self-Enhancement values is the strongest one in the Familiaristic (Mediterranean) countries. Authors think that stronger effect of values on demand for government welfare intervention in Ex-communist and Familiaristic countries may be explained by less transparent rules of (re)distribution of state resources in these countries as compared to institutionally more advanced European countries of Social-democratic, Conservative and Liberal welfare regimes. Unclear rules of welfare provision and people unawareness of sources of welfare state funding in Ex-communist and Familiaristic countries make a demand for government welfare intervention more dependent on individual values and individual conceptions of the proper social conditions.

Makhrova A., Kirillov P.

Multiscale analysis of demographic situation transition in Moscow in the post-Soviet period

The article examines the trends of the demographic and migration situation transition in Moscow (including fertility, mortality and migration rate) within the post-Soviet period at three levels. The special features of the demographic evolution of the Russian capital city are analyzed against the background of foreign countries and other subjects

of the Russian Federation. The differentiation of the demographic evolution within the city of Moscow is examined. A number of proposals for the improvement of urban social policy are made based on the results of the study.

Zubarevich N.

Moscow against a background of other biggest Russian cities: what the statistics show

The article presents the analysis of the development of Moscow against a background of other biggest Russian cities based on the recently published data by Federal State Statistics Service for 2009 and 2010 years. Author examines 17 Russian cities with population over 800 thousand people. Unfortunately only certain range of social indicators is available, because all biggest cities (except federal ones) are municipalities and Russian municipal statistics are poorer than the regional ones, e.g. the data does not include indicators of per capita income, deprivation level, the level of unemployment based on the International Labor Organisation methodology and many others.

van Winden W.

The End of Social Exclusion? On Information Technology Policy as a Key to Social Inclusion in Large European Cities

Social exclusion of parts of the urban population has come to be seen as one of the key roots of many contemporary urban problems. Currently, a new optimism can be observed about the possibilities of fighting social exclusion, mainly based on the seemingly endless possibilities of information and communications technology (ICT). ICT is believed to contribute to economic, social and political dimensions of inclusion. Closer inspection leads to the conclusion that policy makers' expectations of ICT as a solution for social exclusion need downsizing but, under some conditions, in the longer run ICT can support social inclusion policy. The degree to which the new opportunities of ICT can be capitalized on depends to a large extent on the capacity of urban management to influence the population's uptake and application of ICT, and the alignment with other social inclusion policies.

Avraamova E.

Social resources of vertical mobility: waiting for modernization

Topicality of the issues of modernization of economy, society and political system is determined by the dead-end, in the view of many experts, raw material-based type of economic development, lack of conditions for honest economic and political competition, hampered movement of social lifts, deterring productive vertical mobility. And the stable character of the ongoing processes is considered as the most positive feature of the modern stage of socio-economic development. The article task was to consider, what the basis of the social stability is, and what social processes lay at the root of it, what direction of vertical mobility corresponds to it.

It was found out that the growth, although diminishing, of material well-being of the Russian population is not symmetrical to the extension of possibilities and perspectives of vertical mobility. With such imbalance, the socio-economic situation could hardly be regarded as a latently instable and having no apparent social incentives to modernization.

Kulagina E.

Economic development alternatives or personnel means everything

On the basis of the government statistics data the article analyses the factors responsible for the reproduction of personnel potential — the basic resource of modernization. The author examines the results of the state policy, seeking to improve engineer personnel qualification and to promote industrial development. The article makes comparisons between social sphere and human capital investments in Russia and

European Union countries. The author establishes an interconnection between the industrial development rates, priorities of the budget policy concerning science and education and strategies of the population in their choice of profession and forms of economic activity.

Loginov D., Eliseeva M.

Supplementary education for children in Moscow: consumption strategies

The article is devoted to the educational strategies of Moscow families regarding preschool and schoolchildren's involvement in beyond the classroom leisure and educational activities at the corresponding institutions. On the basis of 2012 sociological survey carried by the Institute for Megapolis Human Development the authors outlined the portrait of the educational services consumer, the reasons for choosing the institutions and directions of activity, socialization strategies for children by way of supplementary education, and efficiency improvement options for child supplementary education in the capital city of Moscow.

Cherkashina T.

Differentiation of the Russian population in medical services obtainment: scales and factors

The article describes the adoption of Lorenz curve proposed by foreign scientists for comparison of (in)equity of various groups with different level of life, access to medical care, estimating the influence of economic inequity on the access to one type of social services. Using the data of Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE for 1994–2009 years the author demonstrated that income inequity did not affect the level of access to medical care. However, there is a trend of growing inequity in the access to outpatient care; the significance of economic status of households and of the location of medical offices as factors of medical care obtainment is also increasing.

Bellis M., Jarman I., Downing J., Perkins C., Beynon C., Hughes K., Lisboa P.

Using clustering techniques to identify localities with multiple health and social needs

Development of health promoting policies requires an understanding not just of the interplay between different measures of health but also their relationship with broader education, criminal justice and other social issues. Methods to better utilize multi-sectoral data to inform policy are needed. Applying clustering techniques to 30 health and social metrics we identify 5 distinct local authority types, with poor outcomes for the majority of metrics concentrated in the same cluster. Clusters were distinguished especially by levels of: child poverty; breastfeeding initiation; children's tooth decay; teenage pregnancy; healthy eating; mental illness; tuberculosis and smoking deaths. Membership of the worst cluster (C5) was focused in Northern England which contains 15.7% of authorities analysed (n=324), but 63.0% of those in C5. The concentration of challenges in certain areas creates disproportionate pressures that may exceed the cumulative effects of individual challenges. Such distinct health clusters also raise issues of transferability of effective policies between areas with different cluster membership.

Gough I.

Climate change, double injustice and social policy. A case study of the United Kingdom

The groups and populations likely to be most harmed by climate change are the least responsible for causing it and have the least resources to cope with the consequences—this is the “double injustice”. It forms the background to climate negotiations between governments representing countries of the North and the South, but it also occurs within nations across the world. In light of this phenomenon, what are the distributional implications of current, fairly ambitious, policies to decarbonize the

economy? Based on research within rich countries of the Organisation for Economic Development and Co-operation (OECD), and building specifically on UK studies and data, this question is answered in two parts: within the Kyoto framework and beyond it. This paper complements the author's Report for the British Council on Climate Change and Public Policy Futures.

The United Kingdom is legally committed to reduce emissions of greenhouse gases by 80 per cent by 2050, compared with the base year of 1990. The European Union has similar collective commitments. These drastic targets are to be implemented via a wide range of carbon mitigation policies (CMPs). This paper considers the social dimension and distributive implications of these policies, and how these might be tackled.

First, the paper finds that many CMPs in the United Kingdom are highly regressive, notably those where energy companies are "obliged" by government to improve energy efficiency and increase renewable energy, the costs to be met by increasing energy prices for domestic and business users. Since energy is a basic good, it comprises a far higher share of spending in lower income households; thus such cost hikes are regressive. CMPs bear more heavily on poorer households.

It is impossible to fully recompense lower income households for these cost increases via social benefits, tax allowances and credits because of the heterogeneity of their circumstances and their dwellings. Thus alternatives are sought on grounds of social justice and/or to prevent sustained political opposition to further carbon mitigation policies.

The only secure route out of this dilemma is to consider additional policies: introducing a special low income price index and "social" energy tariffs which charge less for the first blocks of energy use and more thereafter. The latter would entail reversing the liberalization of energy markets of the past three decades. But the essential policy is a huge increase in "eco-social investment": mass retrofitting of the housing stock and the deployment of radical conservation measures. These might compete fiscally with existing state social expenditures in times of fiscal stringency.

The second part of the paper goes beyond the Kyoto framework to consider total consumption-based emissions within the United Kingdom, including those embodied in imports from the rest of the world. The gap between the two is remarkably wide: the United Kingdom consumes one-third more carbon than it produces and one-half more greenhouse gases (GHGs). With globalization the North has exported a significant part of its GHG emissions to emerging market economies, such as China.

What are the distributional patterns of consumption-based emissions in the United Kingdom and how might they be curbed? This paper presents a new analysis showing that household income is a major driver of emissions per person, alongside household size and employment status. But the income elasticity of emissions is low, so that again they constitute a higher share in low-income households. Thus higher carbon taxes or tighter carbon allowances would again impinge on households in a regressive way: they would bear more heavily on low-income households, single-person households and workless households.

To combat this, the author argues, would require the more explicit integration of climate mitigation and social justice goals. Three radical options are considered: personal carbon allowances and trading, reduced working time, and the taxation of consumption and income. Each raises issues of implementation and knock-on effects, but together they point the way. To combine a green economy with a fair social dimension would entail integrating the redistribution of income, time and carbon.

The double injustice of climate change within developed nations discussed in this paper also has implications for double injustice both between nations on a global scale and within developing nations. At the global level, the faster rate of growth of developing Asia and other emerging market economies over the past two decades, coupled with severe deflationary prospects in much of the North, points to a new era

of catch-up and convergence in income levels—relative, if not absolute. This will apply to consumption and emissions too. It will mean that a greater share of the emissions produced in countries such as China will be consumed within their borders, rather than incurred to benefit Northern consumers.

But while inter-national inequality is starting to decline (thus changing the international distribution of emissions), intra-national inequality continues to increase in both poor and rich countries. As China and others prepare to participate in a post-Kyoto institutional framework to regulate GHG emissions, it will be essential to ensure that the burden of carbon and other cuts is not imposed on the poorest. There is therefore a need for further research into the distribution of emissions by income, household composition and other relevant variables within countries in the South, and to model the distributive impacts of various policies to restrain GHG emissions. Such research could draw on the sort of experience in developed economies presented in this paper.

Compared to the conditions of strong economic growth and the export of carbon emissions in which welfare states emerged in the North, today's world of much slower growth and of rising clamour to correct the emissions deficit will require a profound reshaping of welfare states in the twenty-first century. In sum, social policy would need to be further integrated with carbon mitigation policies, and new forms of policy coherence will be needed.

SPERO

Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры
№ 17

Журнал «SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ №ФС77-38002

Журнал выходит 2 раза в год
Все статьи рецензируются
Электронная версия журнала <http://spero.socpol.ru/current.shtml>

Ответственный редактор В. Б. Копейкина
Корректор А. В. Яковлева
Оригинал-макет и компьютерная верстка: Д. Н. Копейкин
Перевод: Ю. С. Коваль-Молодцова, О. С. Константинова
Подписано в печать 24.12.2012
Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 900 экз.

Адрес редакции журнала: 125009 Москва,
Глинищевский пер., д. 3, подъезд 3
Тел.: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: spero@socpol.ru

Журнал распространяется бесплатно.
Для получения очередного номера обращайтесь по:
тел: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: v.kopeykina@socpol.ru

Изготовитель — ООО «Бонитет»
424007, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола,
ул. Машиностроителей, д. 117